
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 2025

Воронежский государственный университет
Научная школа в области общего и русского языкознания
профессоров З.Д. Поповой и И.А. Стернина
Кафедра английского языка естественно-научных факультетов
Кафедра общего языкознания и стилистики
Центр коммуникативных исследований ВГУ
имени проф. И.А. Стернина

Сопоставительные исследования 2025

Продолжающееся
научное издание

Выходит с 2004 г.

Выпуск 22

Москва
2025

УДК 81-23
ББК 81

Редакционная коллегия:

проф. М.А. Стернина – научный редактор
доц. А.В. Рудакова – зам. научного редактора
проф. А.П. Бабушкин, доц. Н.А. Козельская

Сопоставительные исследования 2025: сборник научных статей / Науч. ред. М.А. Стернина – Продолжающееся научное издание. Вып. 22. – Москва: Издательство ООО «РИТМ», 2025. – 160 с.

Предлагаемый сборник научных трудов является двадцатым вторым в серии ежегодных публикаций Воронежского государственного университета, посвященных проблемам сопоставительных исследований.

В сборнике представлены итоги работы по сопоставительной проблематике в 2024 году членов теоретико-лингвистической школы ВГУ в области общего и русского языкознания, а также материалы проведенной в рамках работы школы XI Всероссийской научной конференции с международным участием «Стернинские чтения: Сопоставительные методы в лингвистических исследованиях. Межъязыковое и внутриязыковое сопоставление», состоявшейся 4 февраля 2025 г.

Для студентов, аспирантов, преподавателей вузов, научных работников.

Рецензенты: *проф. В.М. Топорова, д.фил.н. Е.А. Маклакова*

Компьютерная верстка, оригинал-макет – *М.А. Стернина*

ISBN 978-5-00208-155-4

© Коллектив авторов, 2025
© Издательство «РИТМ», 2025

Раздел 1. Вопросы теории сопоставительных исследований

М.А. Стернина

Контрастивный и сопоставительный анализ национальной специфики семантики: две стороны одного процесса

Аннотация: В статье рассматривается взаимосвязь двух видов сопоставительных исследований: сопоставительного и контрастивного анализа. Подчеркивается, что они представляют собой две стороны единого процесса выявления национальной специфики семантики.

Ключевые слова: национальная специфика, контрастивный анализ, сопоставительный анализ, сопоставительно-параметрический метод.

Abstract: The paper examines the relationship between two types of comparative studies: comparative and contrastive analysis. It is emphasized that they represent two sides of a single process of identifying national specificity of semantics.

Key words: national specificity, contrastive analysis, comparative analysis, comparative-parametric method.

В рамках Воронежской теоретико-лингвистической школы контрастивные и сопоставительные исследования рассматриваются как отдельные самостоятельные методы выявления национальной специфики семантики. Основное отличие сопоставительных и контрастивных исследований заключается в том, что если при сопоставительном исследовании каждая лексическая группировка изучается и описывается отдельно, а затем результаты сравниваются и делаются выводы о наличии или отсутствии национальной специфики, а также степени ее выраженности, то при контрастивном анализе последовательно описываются лексические единицы одного языка и все их соответствия в другом языке, вывод о национальной специфике делается в первую очередь по результатам рассмотрения каждой конкретной контрастивной пары.

Таким образом, сопоставительный и контрастивный анализ представляются отдельными, независимыми друг от друга методами определения национальной специфики семантики, каковыми они, несомненно, и являются. У каждого из этих методов есть свои задачи и свой инструментарий.

Так, сопоставительные исследования дают обширный материал для теории языка. В частности, сопоставление лексических явлений позволяет оценить общность и национальные особенности одноименных лексических группировок (лексико-семантических групп, тематических групп, лексико-семантических полей, синонимических рядов), лексем и семантем в близкородственных и неблизкородственных языках, определить, что в

лексическом плане эти языки объединяет, а что является характерным только для одного из них. Сопоставление грамматических явлений позволяет сделать выводы об общности и различиях грамматического строя разных языков, выявить общее и идиоэтническое в структурных схемах предложений и грамматических конструкций. Сопоставление ассоциативных полей позволяет сформировать представление о сходных и различных тенденциях в языковом сознании носителей соответствующих языков, установить яркость для языкового сознания наиболее частотных реакций, внести коррективы в системные описания семантики слова в традиционных толковых словарях: выявить устаревшие и новые, а также наиболее актуальные для народа значения, выявить семантические тенденции в развитии сравниваемых языков.

Что касается контрастивных исследований, то они носят более прикладной характер и позволяют, прежде всего, выявить национальную специфику семантики лексических единиц на уровне отдельных сем, отдельных макрокомпонентов значения и на уровне слова в целом, на основании чего впоследствии может быть сделан вывод и о национальной специфике лексических систем сравниваемых языков. Контрастивные исследования позволяют также создать контрастивные словари разных пар языков, оптимизировать обучение иноязычной лексике в процессе обучения иностранному языку, равно как и оптимизировать подбор наиболее адекватных переводных соответствий в процессе перевода.

Подчеркнем, что если результаты контрастивных исследований могут непосредственно использоваться в практике преподавания иностранных языков, без какой-либо дополнительной обработки или теоретического осмысления, то результаты сопоставительных исследований в подобной обработке нуждаются: прежде, чем быть использованными на занятиях по иностранному языку или в ходе лексикографической работы, они должны быть глубоко теоретически осмыслены и обработаны.

Что касается используемого инструментария, то для каждого из видов сопоставительных исследований он свой. Так, если при сопоставительном анализе исследователь оперирует традиционно устоявшимися лингвистическими понятиями и, как уже отмечалось выше, проводит автономное описание рассматриваемых явлений в разных языках, а лишь затем делает выводы о национальной специфике, при контрастивном анализе основным инструментом является изучение конкретных контрастивных пар, и вывод о национальной специфике делается на основании ее наличия или отсутствия именно в данной конкретной паре – вывод о национальной специфике группировок, в которую данные пары входят в своих языках, может быть сделан по результатам изучения национальной специфики всех входящих в них контрастивных пар и остается факультативным.

Отметим, однако, что, будучи отдельными, самостоятельными видами лингвистических исследований, в части исследования национальной специфики семантики сопоставительный и контрастивный анализы выполняют одну и ту же функцию – позволяют выявить общее и различное в семантике лексических единиц, т.е. по существу являются двумя сторонами одного и того же процесса определения национальной специфики семантики.

Логично предположить, что и выводы о национальной специфике, полученные по результатам сопоставительного и контрастивного анализа, будут идентичными. Проверить и подтвердить это стало возможным при помощи инструментов разрабатываемого в рамках Воронежской теоретико-лингвистической школы сопоставительно-параметрического метода (Стернина 2014). Основными исследовательскими процедурами данного метода являются индексализация параметров анализа и шкалирование выявленных различий в рамках данных параметров.

Отметим, что используемые в рамках сопоставительно-параметрического метода представленные в виде индексов формализованные параметры позволяют преодолеть извечный субъективизм семантических исследований и придать достаточно субъективным наблюдениям лингвистов объективный количественный характер, применение же соответствующих шкал позволяет дать представленным в количественном виде данным объективные качественные характеристики. В случае изучения национальной специфики – сделать обоснованный вывод о степени ее выраженности.

Так, для определения выраженности национальной специфики лексических группировок по результатам сопоставительного анализа в рамках сопоставительно-параметрического метода разработаны и используются *шкалы определения степени проявления национальной специфики лексических группировок по отдельным параметрам*, на основании которых в зависимости от численной разницы показателей соответствующих индексов в сравниваемых языках (для параметров, выраженных в процентах) или отношения абсолютных показателей (для параметров, выраженных в абсолютных числах) национально-специфические различия признаются несущественными, видимыми, заметными, существенными, гиперсущественными или сверхгиперсущественными (Стернина 2014, с. 105), а также *шкала выраженности национальной специфики лексических группировок*, согласно которой на основании характера преобладающих национально-специфических различий степень выраженности национальной специфики определяется как неярко выраженная, умеренно выраженная, ярко выраженная, либо гипервыраженная (Стернина 2014, с. 106).

Что касается контрастивных исследований, то степень выраженности национальной специфики контрастивных пар определяется при помощи

шкалы типов переводных соответствий, в соответствие с которой в зависимости от значений интегрального индекса идентичности лексем (Лукина 2008) соответствия признаются эквивалентными, оптимальными, подходящими, приемлемыми или неподходящими (Козельская, Стернина 2018, с. 3 – 4), а также шкалы выраженности национальной специфики контрастивных пар, согласно которой, основываясь на преобладании того или иного типа переводных соответствий, национальная специфика квалифицируется по тем же рубрикам: как неярко выраженная, умеренно выраженная, ярко выраженная или гипервыраженная (Федосова, Стернина 2024, с.70). Соответствующие шкалы, на основании которых делается вывод о степени выраженности национальной специфики, приведены ниже.

Шкала выраженности национальной специфики лексических группировок

<i>Характер преобладающих национально-специфических различий</i>	<i>Степень выраженности национальной специфики</i>
несущественные и видимые	неярко выраженная
несущественные и заметные	неярко выраженная
несущественные и существенные	умеренно выраженная
видимые и существенные	умеренно выраженная
видимые и заметные	умеренно выраженная
заметные и существенные	ярко выраженная
гипер- и сверхгиперсущественные	гипервыраженная

Шкала выраженности национальной специфики контрастивных пар

<i>Преобладающие типы переводных соответствий</i>	<i>Степень выраженности национальной специфики</i>
эквивалентные и оптимальные	неярко выраженная
подходящие	умеренно выраженная
приемлемые и неподходящие	ярко выраженная
неподходящие и отсутствие соответствий	гипервыраженная

Отметим, что применение для интерпретации результатов сопоставительного и контрастивного анализа однотипных шкал дает возможность сопоставить полученные данные, и, в случае их совпадения подтвердить взаимосвязь этих двух видов сопоставительных исследований.

Проиллюстрируем данный тезис на конкретном лексическом материале.

Так, в проводимом под нашим руководством диссертационном исследовании В.И. Федосовой осуществляется контрастивный и сопоставительный анализ национальной специфики наименований лиц по

родственным связям в русском и английском языках. На настоящий момент исследовательницей проанализированы две подгруппы этой группировки: подгруппа наименований лиц по прямому родству и подгруппа наименований лиц, восходящих к общему предку. Обе подгруппы рассмотрены с использованием процедур сопоставительно-параметрического метода: для сопоставительного анализа – набора из восьми выраженных через индексы параметров и трех перечисленных выше шкал, для контрастивного анализа – четырех индексов и двух упомянутых шкал.

В результате, как показало исследование, для подгруппы наименований лиц по прямому родству существенные различия были зафиксированы только по одному из параметров. По всем остальным параметрам национально-специфические различия оказались несущественными и видимыми, либо было констатировано их отсутствие, что на основании шкалы выраженности национальной специфики лексических группировок дало исследовательнице право признать национальную специфику данной подгруппы *неярко выраженной*.

В ходе проведенного контрастивного анализа было установлено, в данной подгруппе преобладают эквивалентные и оптимальные соответствия. В результате согласно применяемой шкале выраженности национальной специфики контрастивных пар национальная специфика этой группировки была также квалифицирована как *неярко выраженная*.

К аналогичным выводам о степени выраженности национальной специфики пришла исследовательница и по результатам сопоставительного и контрастивного анализа наименований лиц, восходящих к общему предку.

Так, при проведении сопоставительного анализа было установлено, что по подавляющему большинству параметров национально-специфические различия оказались видимыми, либо вообще не были отмечены, что позволило исследовательнице констатировать наличие *неярко выраженной* национальной специфики.

По результатам исследования контрастивных пар данной подгруппы было зафиксировано преобладание эквивалентных и оптимальных соответствий, что подтвердило *неярко выраженный* характер национальной специфики данной подгруппы.

Таким образом, как сопоставительный, так и контрастивный анализ двух подгрупп ЛСГ наименований лиц по родственным связям в русском и английском языках, проведенные с помощью исследовательских процедур сопоставительно-параметрического метода лингвистических исследований, показали одинаковые результаты степени выраженности национальной специфики, что с одной стороны, верифицирует результаты каждого из проведенных видов исследования, а с другой стороны – подтверждает, что сопоставительные и контрастивные исследования

представляют собой две стороны единого процесса определения степени выраженности национальной специфики семантики.

Литература

1. Козельская Д.В., Стернина М.А. Контрастивный семный словарь наименований школьных педагогических работников и учащихся в русском и английском языках. – Воронеж: «Ритм», 2018.
2. Лукина Л.В. Национальная специфика семантики слова и проблема межязыковой семантической эквивалентности (на материале наименований речевых событий в русском и английском языках): дис. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 2008.
3. Стернина М.А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований монография. – Воронеж: Истоки, 2014.
4. Федосова В.И., Стернина М.А. Национальная специфика наименований лиц по прямому родству в русском и английском языках (сопоставительно-контрастивный анализ) // «Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2024. – №4. – С. 65-74.

С.В. Колтакова

К вопросу об аспектном анализе профессиональных подъязыков

Аннотация: Данная статья посвящена рассмотрению особенностей и содержания аспектного анализа профессиональных подъязыков различных сфер деятельности в рамках сопоставительно-параметрического метода.

Ключевые слова: сопоставительно-параметрический метод, профессиональные подъязыки, параметры сопоставления.

Abstract: The paper deals with the peculiarities and content of the aspect analysis of professional sublanguages of different spheres by means of the comparative-parametric method.

Key words: comparative-parametric method, professional sublanguages, parameters of comparison.

Благодаря широкому ряду научных работ сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований, разработанный в рамках научной школы в области общего и русского языкознания ВГУ, доказал свою научную состоятельность и валидность и продолжает успешно развиваться. В качестве основных направлений развития сопоставительно-параметрического метода можно назвать уточнение и совершенствование двух основных методик, применяемых в рамках данного метода, а именно индексализации и шкалирования (Стернин, Стернина 2016). Исследования, проводимые с применением сопоставительно-параметрического метода, позволяют модифицировать шкалы, а также расширять список выраженных через индексы параметров сопоставления языковых явлений, которые были разработаны в ходе первого и второго этапа развития данного метода (Стернина 2014, с. 4–8).

Представляется возможным в качестве еще одного перспективного направления развития сопоставительно-параметрического метода выделить аспектный анализ языковых единиц.

В рамках сопоставительно-параметрического метода аспектный анализ был впервые предложен в диссертационном исследовании, выполненном С.И. Деркач (Деркач 2011), в котором была доказана возможность его применения для анализа национальной специфики лексических группировок. В работе были предложены и апробированы следующие аспекты: количественно-структурный, аспект семантического развития единиц группировки, аспект семантической близости лексем группировки, аспект типологической характеристики семем группировки, эмоционально-оценочный и функционально-стилистический аспекты. В кандидатской диссертации Л.А. Кривенко (Кривенко 2013) аспектный анализ национальной специфики семантем русских и английских субстантивных лексем осуществлялся по следующим аспектам: аспектам развития лексической и лексико-грамматической полисемии, аспекту коммуникативной релевантности семем, аспекту семемной представленности семантемы.

Далее данный тип анализа был экстраполирован на изучение концептов (Колтакова, Неровная 2019), лакун (Колтакова, Суханова 2020), терминосистем (Колтакова, Неровная 2024).

Для изучения концептов были предложены структурный, содержательный аспекты, а также аспекты языковой объективации и темпоральной характеристики концептов (Колтакова, Неровная 2019).

Анализ национальной специфики лакун может осуществляться в рамках следующих аспектов: количественно-структурный аспект, аспект семантической близости лакун, аспект типологической характеристики лакун, аспект семантического изменения лакун и аспект структурной сложности лакун (Колтакова, Суханова 2020).

В качестве аспектов описания национальной специфики терминосистем были предложены следующие: количественно-структурный аспект, аспект семантического развития единиц терминосистемы, аспект семантической близости единиц терминосистемы, аспект типологической характеристики единиц терминосистемы, функционально-стилистический, темпоральный и этимологический аспекты (Колтакова, Неровная 2024).

Аспектный анализ имеет ряд неоспоримых достоинств: 1) возможность представлять результаты исследования в упорядоченном и структурированном виде; 2) универсальность, позволяющая исследовать языковые единицы различного уровня; 3) комплексность; 4) открытость – возможность расширения списка параметров сопоставления в ходе проведения исследования.

Ряд проведенных исследований терминов, терминосистем и профессионального подязыка военной сферы позволил выделить более

объемные аспекты и подтвердил возможность применения аспектного анализа для изучения профессиональных языков в целом. Подчеркивая универсальность данного исследовательского приема, отметим, что предлагаемые аспекты сопоставления профессиональных языков могут применяться для анализа профессиональных подязыков любой профессиональной сферы.

Актуальность развития аспектного анализа обусловлена необходимостью разработать и верифицировать систему базовых параметров, основных понятий и принципов изучения профессиональных подязыков, и как следствие, осуществлять их комплексное описание.

Представляется рациональным предложить следующие аспекты сравнения языков профессиональной коммуникации:

1. *количественно-тематический* (в рамках данного аспекта выявляется количественный состав анализируемого сегмента профессионального подязыка, а также осуществляется тематическая классификация его единиц);

2. *структурно-семантический* (данный аспект предполагает анализ структурных типов, частотности, способов образования, семантических характеристик языковых единиц);

3. *функционально-стилистический* (исходя из названия, этот аспект отражает особенности функционирования и стилистической отнесенности анализируемых языковых единиц);

4. *переводческий* (в рамках данного аспекта исследуются особенности стратегий, применяемых для перевода единиц изучаемого подязыка);

5. *диахронический* (этот аспект предполагает анализ тенденций развития единиц изучаемого профессионального подязыка) (Колтакова 2024).

Согласно алгоритму аспектного анализа для каждого аспекта предлагаются параметры сопоставления, представленные индексами, что минимизирует субъективность исследований, а также придает им необходимую системность и универсальность.

Анализ проведенных исследований посредством сопоставительно-параметрического метода позволил определить параметры сопоставления профессиональных подязыков в рамках вышеприведенных аспектов:

1. количественно-тематический аспект:

- *степень номинативной плотности;*
- *степень терминологической плотности терминосистемы;*
- *степень структурной сложности лексической группировки;*

2. структурно-семантический аспект:

- *степень структурной сложности единиц;*
- *степень частеречной принадлежности;*
- *степень представленности моделей словосочетаний/ терминологических единиц;*
- *степень аббревиации единиц;*

- *степень семейной плотности;*
- *степень лакунарности;*

3. функционально-стилистический аспект:

- *степень кодифицированности;*
- *степень разговорной отнесенности единиц;*
- *степень жаргонной отнесенности единиц;*
- *степень метафоричности.*

4. переводческий аспект.

Данный аспект требует осмысления и разработки. Представляется рациональным предложить параметры анализа языковых единиц, исходя из переводческих приемов, применяемых при лексических, грамматических и лексико-грамматических трансформациях. Так, можно предложить следующие параметры, например, для анализа лексических трансформаций: *степень калькирования/ транскрибирования/ транслитерации* и т.д.

5. диахронический аспект

- *степень темпоральной отнесенности единиц;*
- *степень заимствования единиц и т.д.*

Подчеркнем тот факт, что предложенные аспекты могут применяться для анализа всех аспектов языков профессиональной коммуникации. Обобщение результатов изучения терминсфер, концептосфер и профессионально-ориентированных текстов позволит сделать выводы об особенностях профессионального языка в целом.

На наш взгляд аспектный анализ с одной стороны обеспечивает унифицированное описание профессиональных подязыков, с другой стороны, представляет собой универсальную основу для их сопоставления, и как следствие, для типологии языков профессиональной коммуникации.

Стоит отметить, что данный перечень параметров остается открытым. Подобных параметров может быть выделено гораздо больше, что является одним из возможных направлений развития сопоставительно-параметрического метода лингвистических исследований. В дальнейшем конкретные исследования профессиональных подязыков различных сфер деятельности помогут расширить приведенный список параметров, а также выработать единую шкалу уровней качественной оценки для выводов и обобщений в отношении профессиональных подязыков в целом, а также разработать типологию языков профессиональной коммуникации.

Литература

1. Деркач С.И. Аспекты национальной специфики языка (на примере тематической группы «Политика» в русском и английском языках): автореф. дисс. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 2011.
2. Колтакова С.В. Язык профессиональной коммуникации в военной сфере как объект лингводидактического анализа // Язык профессиональной коммуникации

- в военной сфере: лингвистические аспекты: монография / О.В. Бастрыкина, А.В. Варушкина, Л.Ю. Зубова [и др.]; под ред. С.В. Колтаковой – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2024. – С. 5–32.
3. Колтакова С.В., Неровная Н.А. К вопросу о методике сопоставления концептов // Сопоставительные исследования 2019. – Воронеж: «Истоки», 2019. – С. 22–29.
 4. Колтакова С.В., Неровная Н.А. Аспектный анализ национальной специфики терминосистем // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2024. – № 2 (53). – С. 165–174.
 5. Колтакова С.В., Суханова О.В. Аспектный анализ лакун // Сопоставительные исследования 2020: межвузовский сборник научных трудов. – Воронеж: «РИТМ», 2020. – Вып. 17. – С. 21–24.
 6. Кривенко Л.А. Национальная специфика семантем русской и английской субстантивной лексики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2013.
 7. Стернин И.А., Стернина М.А. Методики индексализации и шкалирования в рамках сопоставительно-параметрического метода. // Сопоставительные исследования 2016. – Воронеж: «Истоки», 2016. – С. 22–29.
 8. Стернина М.А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований. – Воронеж: «Истоки», 2014.

О.А. Артёмова

Межъязыковая дейктическая эквивалентность и ее типы

Аннотация: В статье анализируются подходы к понятию эквивалентности в лингвистике и представляются типы межъязыковых дейктических параллелей в разноструктурных белорусском и английском языках.

Ключевые слова: межъязыковая эквивалентность, переводимость, полные эквиваленты, соответствия, безэквивалентные единицы.

Abstract: The paper analyses the approaches to the notion of equivalence in linguistics and presents the types of interlingual deictic parallels in Belarusian and English as languages with different structures.

Key words: interlingual equivalence, translatability, complete equivalents, correspondences, non-equivalent units.

Определение межъязыковой эквивалентности, ее критериев и видов – один из актуальных вопросов сопоставительного языкознания. В лингвистике эквивалентность неразрывно связана с понятием переводимости как возможности адекватной передачи сообщения с одного языка на другой, которая может варьироваться от минимума – абсолютной непереводимости до максимума – абсолютной переводимости. Принцип абсолютной непереводимости заключается в невозможности полной передачи сообщения с языка-источника на язык-цель. В основе данного подхода лежит идея о языке как форме выражения духа, который создает уникальную картину мира его носителей и формирует особенности их мировосприятия. Принцип абсолютной переводимости подразумевает полную трансформацию высказывания с языка-источника в эквивалентное сообщение языка-цели. Теоретическим фундаментом данного подхода является единство законов мышления и наличие семантических и

языковых универсалий. Принцип относительной переводимости состоит в ограничении передачи всего содержания сообщения с одного языка на другой вследствие различий их лексико-грамматических систем и способов категоризации окружающей действительности. Вместе с тем, несмотря на неизбежные потери, конечный текст на языке-цели признается эквивалентным тексту на языке-источнике. Данный принцип выступает теоретическим фундаментом современных концепций межъязыкового параллелизма: 1) эквивалентность в репликативной концепции Ж. П. Вине и Ж. Дарбельне – передача одной и той же ситуации с использованием совершенно других слов (Vinau 1997); 2) эквивалентность в семиотической концепции Р. О. Якобсона – сохранение идентичности содержания сообщения при передаче с кода языка-источника на код языка-цели (Якобсон 1985); 3) эквивалентность в текстуальной концепции Дж. Кэтфорда – возможность окончательным текстом заменить исходный с сохранением функционально релевантных признаков конкретной ситуации (Catford 1965, с. 94); 4) эквивалентность в динамической концепции Ю. Найды – общее восприятие сообщения с пониманием его смыслового содержания, эмоциональных установок, адаптацией лексики и грамматики языка-цели для передачи идеи текста на языке-источнике и его функционально-стилистического потенциала (Nida 2003, с. 12); 5) эквивалентность в прагматической концепции М. Бейкер – соответствие на лексическом (морфемы или слова), грамматическом (грамматические категории), текстовом (равноценность текстов по форме и по содержанию) и прагматическом уровнях. Прагматическая эквивалентность соотносится с внутренним содержанием текста и импликацией. Импликация – это намерение или идея автора, не лежащая на поверхности. При переводе с языка-источника необходимо восстановить эту импликацию таким образом, чтобы она стала ясной и очевидной для носителей языка-цели (Baker 1992, с. 212–260); 6) эквивалентность в дейктической концепции Г. В. Чернова подразумевает соответствие не только предметно-пропозитивной, модально-фактивной, оценочной и прагматической составляющих сообщения при его передаче с языка-источника на язык-цель, но и дейктического компонента, упорядочивающего предметно-пропозитивную субструктуру сообщения во времени и пространстве относительно говорящего (Чернов 1987, с. 71–73).

Следствием такого разнообразия подходов к межъязыковой эквивалентности является отсутствие общепринятого обозначения данного понятия, когда наряду с термином *эквивалент* в лингвистической литературе можно встретить *межъязыковое соответствие* (Стернин 1973), *тождественная единица* (Глазырин 1972), *идентичная параллель* (Турсунова 1979), *аналог* (Мамулия 1971). Попытка теоретического осмысления межъязыкового лексического параллелизма впервые была сделана Я. И. Рецкером. Исследователь дифференцировал возможные

соответствия между лексическими единицами языка-источника и языка-цели на три типа (Рецкер 2007, с. 13–18): 1) эквиваленты или эквивалентные соответствия – межъязыковые параллели, не зависящие от контекста и появившиеся вследствие тождества денотатов или языковых контактов (географические названия, имена собственные, термины): англ. *doctrinarianism* – рус. *доктринерство* ‘слепое, некритическое следование какой-либо теории’; 2) аналоги или вариантные соответствия – наличие для одной единицы языка-источника нескольких соответствий в языке-цели: англ. *soldier* – рус. *солдат, рядовой, военнослужащий, военный*; 3) окказиональные или контекстуальные соответствия – межъязыковые параллели, не зафиксированные в словарях: англ. *ruthless* – рус. *бессостыдный, беззастенчивый, ни перед чем не останавливающийся*.

Л.С. Бархударов дифференцирует межъязыковые лексические параллели на 1) полные совпадения – разноязычные слова с одним значением – моносеманты, входящие в словарный состав обоих языков: имена собственные (рус. *Гомер* – англ. *Homer*), географические названия (рус. *Москва* – англ. *Moscow*), научная терминология (рус. *логарифм* – англ. *logarithm*), названия месяцев и дней недели (рус. *январь* – англ. *January* – англ. *Monday*), числительные (рус. *тысяча* – англ. *thousand*) (Бархударов 1975, с. 75); 2) частичные соответствия – одному слову в языке-источнике соответствует несколько семантических эквивалентов в языке-цели. По мнению ученого, наличие данного типа межъязыкового параллелизма обусловлено многозначностью слов и несовпадением систем их значений. Например, русской единице *характер* и ее английскому соответствию *character* свойственны следующие общие смыслы: а) ‘совокупность психических особенностей человека’; б) ‘твердая воля, упорство в достижении цели’; в) ‘свойство, качество, своеобразие чего-либо’. У английской леммы *character* имеются значения, отсутствующие у русской единицы: г) ‘репутация’; д) ‘письменная рекомендация, характеристика’; е) ‘отличительная черта, признак, качество’; ё) ‘фигура, личность (часто странная, оригинальная)’; ж) ‘литературный образ, герой, действующее лицо в пьесе’; з) ‘печатный знак, буква, символ’ (например, *Chinese characters – китайские иероглифы (письмена)*). Данная особенность обуславливает необходимость подбора для английской единицы других русскоязычных аналогов (Бархударов 1975, с. 75–76); 3) безэквивалентные единицы – лексемы языка-источника, которые не имеют полных или частичных соответствий в лексической системе языка-цели. К таким примерам ученый относит фамилии *Белюсов, Карпиков* (Бархударов 1975, с. 93).

Межъязыковые фразеологические параллели дифференцируются Э.М. Солодухо на следующие типы (Солодухо 2008, с. 24–25): 1) эквивалентные фразеологические соответствия: а) тождественные эквиваленты – разноязычные фразеологические единицы (ФЕ) с высокой степенью формального, семантического и стилистического сходства;

б) прямые эквиваленты – разноязычные ФЕ с полным или частичным совпадением семантических и стилистических характеристик, соотносительностью лексического состава и грамматической структуры; в) синонимические эквиваленты – разноязычные ФЕ, для которых характерна соотносительность образных основ и стилистических характеристик; 2) неэквивалентные соответствия, или межъязыковые фразеологические омонимы, – разноязычные ФЕ с одинаковым звучанием и несовпадением значения.

Мы разделяем мнение о важности трансляции информации, заключенной в значении языковой единицы языка-источника, на уровне равноценных по форме словесных знаков языка-цели (Исмагилова 1984, с. 5). В основу дифференциации трех видов корреляции белорусских и английских дейктиков кладется степень сходства их структурно-семантических, грамматических, функционально-прагматических характеристик, а также состав лексем-компонентов и образных составляющих для дейктических фразеологизмов, поскольку совпадение образных основ разноязычных фразеологических единиц – один из важных факторов в установлении межъязыковых семантических контрастов и соответствий (Dobrovol'skij 2005, p. 68). На основе анализа представленных в лингвистической литературе классификаций межъязыковых эквивалентов (работы А. С. Аксамитова (Аксамітаў 1999), Л. К. Байрамовой (Байрамова 1991, с. 7–8), Н. А. Даниловича (Даніловіч 2011), Е. Е. Иванова (Иванов 2006), Я. И. Рецкера (Рецкер 2007, с. 13–18), Э. М. Солодухо (Солодухо 2008)], И. А. Стернина (Стернин 1989), Х. С. Турсуновой (Турсунова 1979) мы дифференцируем межъязыковой дейктический лексико-фразеологический параллелизм на три типа: 1) *полные дейктические эквиваленты* характеризуются идентичностью структурно-семантических, грамматических, функционально-прагматических характеристик: например, единицы *тады* и *then* имеют значение ‘в тот момент в прошлом’, являются наречиями и относятся к общеупотребительной лексике; 2) *дейктические соответствия* характеризуются частичным сходством структурно-семантических, грамматических и функционально-прагматических характеристик: например, местоимение *ты* употребляется при обращении к одному лицу, а его английское соответствие *you* – при обращении к одному или нескольким лицам, включая форму вежливого обращения *вы*; 3) *безэквивалентные единицы* – белорусские дейктики, не имеющие однословных полных и частичных англоязычных соответствий: например, *пазаўчора* – *the day before yesterday*. На практике данная классификация помогает эксплицировать структурно-языковые и семантико-прагматические различия единиц сопоставляемых языков, что особенно важно при составлении двуязычных словарей, где часто данные единицы представляются как эквивалентные, несмотря на наличие у них

существенных структурно-семантических и функционально-прагматических несоответствий.

Литература

1. Baker, M. In Other words: a Coursebook in Translation. – London; New York: Routledge, 1992.
2. Catford J.C. A Linguistic Theory of Translation: an Essay on Applied Linguistics. – London: Oxford Univ. Press, 1965.
3. Dobrovolskij D.O. Figurative Language: Cross-Cultural and Cross-Linguistic Perspectives. – Amsterdam ; Oxford : Elsevier, 2005.
4. Nida, E.A. The Theory and Practice of Translation. – Leiden; Boston: Brill, 2003.
5. Vinay, J.-P. Comparative Stylistics of French and English: a Methodology for Translation. – Amsterdam ; Philadelphia: J. Benjamins, 1997.
6. Аксамітаў А.С. Беларуская-славянскія і беларуска-неславянскія ізафраземы – падабенства і адрознненне // *Slavia Orientalis*. – 1999. – Roc. 48. – № 2. – С. 269–279.
7. Байрамова Л.К. Учебный тематический русско-татарский фразеологический словарь. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1991.
8. Бархударов Л.С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории переводов. – М. : Междунар. отношения, 1975.
9. Глазырин Р.А. Сопоставительный анализ компаративных фразеологических единиц в современных германских языках: на материале немецкого, английского и шведского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1972.
10. Даніловіч М.А. Тыпы міжмоўных фразеалагічных адпаведнасцей // *Весн. Гродзен. дзярж. ун-та*. – Сер. 3, Філалогія. Педагагіка. – 2011. – № 2. – С. 56–64.
11. Иванов Е.Е. Типы межъязыковых сходств и различий паремиологических единиц (на материале белорусского и немецкого языков) // *Acta Albaruthenica, Rossica, Polonica: VII Міжнар. навук. канф. «Беларуска-руско-польскае супастаўляльнае мовазнаўства, культуралогія»* : зб. навук. арт. – Віцебск, 2006. – С. 161–164.
12. Исмаилова Л. А. Безэквивалентная глагольная лексика русского и немецкого языков (вопросы перевода русских художественных текстов на немецкий язык) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Калинин, 1984.
13. Мамулия Э. В. Идиоматические выражения в турецком языке (в сопоставлении с грузинским): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тбилиси, 1971.
14. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика: очерки лингвистической теории перевода. – М. : Р. Валент, 2007.
15. Солодухо Э.М. Теория фразеологического сближения: на материале языков славянской, германской и романской групп. – 2-е изд., доп. – М. : URSS, 2008.
16. Стернин И.А. К проблеме дейктической функции слова : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1973.
17. Стернин И.А. О понятии межъязыковой лексической эквивалентности // *Synchroner slawisch-deutscher Sprachvergleich*. – Berlin, 1989. – S. 55–64.
18. Турсунова Х. С. Сопоставительный анализ фразеологических параллелей таджикского и узбекского языков: на материале романа С. Айни «Фуло-мон-Куллар» : дис. ... канд. филол. наук. – Душанбе, 1979.
19. Чернов Г. В. Основы синхронного перевода: [учебник]. – М. : Высш. шк., 1987.
20. Якобсон, Р.О лингвистических аспектах перевода // *Избранные работы : пер. с англ., нем., фр. яз.* – М.: Прогресс, 1985. – С. 361–368.

Раздел 2. Сопоставительная семасиология

А.П. Бабушкин

«Анатомическая карта» человека в русских и английских метафорических репрезентациях (сопоставительный аспект)

Аннотация: Статья посвящена сравнению русских и английских метафор, обозначающих конструктивные элементы человеческого тела. Выявлены когнитивные классификаторы, объединяющие изучаемые лексические единицы. Отмечены несовпадения метафор и указаны причины этих несовпадений.

Ключевые слова: «анатомическая карта», метафора, голова, лицо, глаза, нос, уши, рот, сердце, руки, ноги.

Abstract: The paper deals with comparison of Russian and English metaphors denoting the constructive elements of a human body. The author reveals cognitive classifiers uniting the vocabulary units in question. Cases of metaphoric discrepancies and their reasons are also pointed out.

Key words: “anatomic map”, metaphors, head, face, eyes, nose, ears, mouth, heart, arms and hands, legs and feet.

Как известно, под термином «метафора» понимается употребление слова в переносном значении на основе сходства в каком-либо отношении двух предметов или явлений (Розеталь, Теленкова 1985, с.128), что даёт возможность увидеть одно как бы «в сете другого», применяя знания и опыт, полученные в определённой области, для решения проблем в какой-то иной сфере (Минский 1988, с.291). «Мы живём и говорим только благодаря нашей способности примечать сходство, – пишет А.А. Ричардс, один из основоположников современной теории метафоры, подчёркивая ту мысль, что метафора сегодня уже не рассматривается «как нечто вроде удачной уловки, основанное на гибкости слов, как нечто уместное лишь в некоторых случаях и требующее особого искусства и осторожности (Ричардс 1990, с.45-46) – её нынешнюю роль в познании мира трудно переоценить. На современном этапе развития науки о языке активно развивается идея так называемой когнитивной метафоры. Однако полагаем, что исследование метафоры в традиционном русле не исчерпало себя, и имеется значительный резерв для новых изысканий, одновременно не требующих отказа от её познавательных ресурсов и позволяющих по мере необходимости прибегать к когнитивным методикам анализа этого феномена.

В качестве материала для вторичной номинации, а в этом процессе и состоит суть переноса значений слов (читай: метафоризации), выступает общепотребительная лексика. На её основе возникают также языковые единицы, получившие статус сленга – сниженных по стилю оценочных слов и выражений, которые, будучи метафорически маркированными,

выходят в своём употреблении за рамки малых коллективов носителей языка и становятся распространённым явлением.

Мир сленга не имеет себе подобных. Сленгизмы выражают эмоции и чувства говорящего. Человек, их употребляющий, хотя и нарушает формы стандартной речи, представляется сам как весьма неординарная личность, с иронией и юмором оценивающая конкретную ситуацию.

В свою очередь, «анатомическая карта», в том виде, как она мыслится в настоящей работе, представляет собой зафиксированные в метафорических номинациях конструктивные элементы человеческого тела на базе знаний их пространственных отношений и физико-механических свойств, которые в своей совокупности формируют образ абстрактного индивидуума (Blackwell 1994, p.46).

Цель данной статьи заключается в сопоставлении интересующих нас единиц двух неродственных языков – русского и английского (в основном его американского варианта). При этом следует признать, что русские примеры более репрезентативны. Они отбирались по пятитомному Толковому словарю русской разговорной речи (ТС PPP), заимствовались из произведений художественной литературы, в то время, как поиск англоязычных сводился к выборке из англо-английских словарей, словаря сленговой лексики и частично ресурсов интернета.

Специфика нашей работы усматривается в том, что она предлагает читателю двуязычный свод примеров на каждый пункт «анатомической карты» с небольшими комментариями, что позволяет без промедления увидеть и по достоинству оценить образную составляющую метафорической репрезентации того или иного соматизма.

В указанном плане логично в «позицию номер один» поставить слово «голова»:

1. Голова

1) *Не надо меня лечить, гаркнул Степашиа. Ты лучше себе башню поправь* (А. Волос. Недвижимость).

2) *Ну как, говорить будем, или чердаки не варят?* (ТС PPP).

3) *Тьфу-тьфу, чтобы не сглазить, но если всё пройдёт хорошо, то сегодня кое-кому придётся хорошенько почесать **репу*** (С. Рысак. Дымы над Атлантикой).

4) *Тут в это время кто-то и ударил инвалида каструлькой по кумполу* (М. Зоценко. Нервные люди).

5) *Котелок у меня не способен для быстрого соображения — покуда он еще спохватится* (А.Н. Толстой. Смельчаки).

Метафоры «башня» и «чердак» в значении «голова» указывают на её верхнее положение по отношению к корпусу человеческого тела; «репа», «кумпол», «котелок» имплицитуют, каждая – по-своему, форму её шарообразности.

Именно здесь уместно обратиться к смыслу вводимого нами понятия «когнитивные классификаторы метафор, связанных одной темой». В нашей интерпретации под этим термином представляются **интегральные семы**, реализующие значения ряда слов – продуктов вторичных номинаций – на фоне их **прототипа**, в виде главного признака объекта, на который они проецируются, в его первичной номинации.

Когнитивным классификатором метафор, обозначающих голову, служит интегральная сема «СХЕМА» в её многообразии.

Head (голова)

1) *They just stick their **potato** (картофелина) in every office and say, "Anything for me to-day?"* (A. Liebling. A New Yorker).

2) *I have got the wool sheared of my **dome** (купол)* (H. Wentworth. Purple Pennant).

3) *Good grief, John. You're off your **nut** (орех)* (American Idioms Dictionary).

4) *Wear pads in your derby... The hammer's going to drop on your **coco** (кокос)* (G. Charter. Bobby Burnit).

Данный список дополняют такие единицы, как **"attic"** (чердак) и **"chimney"** (дымовая труба). Ср. с русским «чердак» и «башня»; **"dome"** – прямой аналог русскому «купол» («кумпол»).

Также, как и в русском языке, отмеченные слова имеют общую сему «СХЕМА».

П. Лицо

1) *Всё ты врешь, Вова. Боишься, что я тебе **табло** разобью вот этой кружкой* (И. Рассадников. Карниз).

«Табло» — в своём прямом значении – световой информационный щит.

2) *Видел бы сейчас свою **пачку*** (ТС РРР)

«Пачка» — несколько однородных предметов, сложенных и упакованных вместе, а также вообще «упаковка».

3) Именно тогда я и пообещал, что дам в **бубен** тому, кто будет бзить (ТС РРР).

«Бубен» – ударный музыкальный инструмент в виде обода с натянутой на него кожей.

«Пачку», «табло» и «бубен» роднит идея ровной поверхности (а «бубен» ещё и круглой). Неслучайно к этому списку относится слово и «витрина» в значении «лицо».

"Face" (лицо)

1) *You have a most attractive **pan*** (S. Hoffenstein. A most attractive pan).
Где **"pan"** – кастрюля, противень, сковорода.

2) *As for my **mug**, I don't feel it's villainous* (F. Bulletin. Neil in Phila).

«Mug» (букв.) – кружка, сосуд с круглым дном.

3) *A funny look ... spread over Kenny's crimson **map*** (H. Witwer. Leather).

Слово **"map"** означает географическую карту.

Приведённые примеры представляют форму лица в виде плоской субстанции или окружности, окаймляющей ровную поверхность.

III. Глаза

1) *Бесстыдники окаянные! Ошпарим шары, будете знать!* – кричали девки из бани (В. Астафьев. Обертон).

2) *Что гляделки вылупил?* – спросил тот, который похож на дикобраза. – *Какие проблемы?* (ТС PPP).

3) *Протянул он мне свою невытую от рождения с нестриженными ногтями клешню, отводя при этом узкие моргалки в сторону* (В. Озер. Служба по контракту).

Для лексемы «шары», метафорически «дублирующей» слову «глаза», имеется синоним «фары»

Что же касается отглагольных существительных «гляделки» и «моргалки», то в их семантике отражается прямая предназначённость органов зрения, хотя и ненормативно выраженная, иначе – «ФУНКЦИЯ».

Eyes (глаза)

1) *I'm going to get a beefsteak ... for the lamps of mine* (L. Marks. Plastic Age), где “lamps” — лампы.

В аналогичном смысле употребляется и слово “lanterns” – (букв.) фонари.

«Функция» как когнитивный классификатор прослеживается в значении таких метафор, как “peepers” (от глагола “peep” – смотреть) и “winkers” (производное от глагола “wink” – моргать).

IV. Нос

1) *Как она (известная модель) с таким рубильником в начале карьеры могла пробиться? Тело хорошее, но фейс очень спорный* (ТС PPP).

2) *И полез бы ты ко мне да с гольми кулаками, я бы тебе живо пятак начистил* (Ю. Иванов. Противостояние).

Лексема «рубильник» в значении «нос» предполагает гиперболическое подчёркивание его габаритов – нос рельефно выступает на фоне лица. В том же смысле используются метафоры «паяльник» и «хобот». (В скобках заметим, что «пятак» соотносится как с полным лицом, так и с носом человека). Вышеперечисленному синонимична и лексема «клюв».

Nose (нос)

1) The **beak** – buster in the opening round was the first punch (prizefighter Archie) Moore had thrown (Dictionary of American Slang – далее DoAS). **Beak** (букв. клюв) – в метафорическом обозначении слова «нос».

2) There is a shortage of fighters. G1 Bill of Rights allowed a lot of impoverished [ex-soldiers] to get educated instead of getting their **bills** busted (DoAS).

Bill – козырёк фуражки

К указанным образцам примыкают также лексемы “**horn**” – рог и “**banana**” – банан. Метафоры “beak”, “bill”, “horn”, “banana” воспринимаются как метафорические номинации носа – **выступа** на гладкой поверхности лица.

V. Уши

Синонимический ряд русского слова «уши» в его фигуральном прочтении нельзя назвать широким. Выявлены четыре метафоры: «**локаторы**», «**радары**», «**пельмени**» и «**лопухи**».

У меня очень большие уши. Торчат ... два лопуха. И я прикрываю их волосами. Чтобы не было видно. А то мне стыдно ходить ЛОПОУХИМ. Нет, правда (Р. Стайн. Игра в невидимку).

Ears (уши)

Русским примерам противопоставим английские: **aerial** (антенна), **lugs**, **lughoes** (то, что выступает, торчит, «оттопыренная дырка»), **shell-like** (букв.: «раковино-подобное»).

1) *I couldn't hear what they were saying with my hat over my lugs* (DoAS).

2) *Can I have a quick word in your shell-like, when you have got moment* (DoAS).

С определённым допуском можно провести параллель между русскими «радарами» и «локаторами» и английским “aerials”, между “shell-like” и «пельменями», сближая эти сленгизмы по функции и форме – схеме.

VI. Рот

1) *Корней сначала только глазами хлопал, а потом подобрался весь, каждое слово ловил, шею вытянув, а у этого фальшивого бронемастера даже **варезка** открылась от внимания* (А. и Б. Стругацкие. Парень из преисподней).

2) *Ты на кого это ... **хлеборезку** раскрыла?!* (Э. Юрченко. Сказка для взрослых).

В качестве дополнения отметим, что слово «**клюв**», кроме «носа» в метафорическом своём значении соотносится и с понятием «рот»:

– Заткни **клюв**, дура, миролюбиво посоветовали в трубке (Т. Устинова. Саквояж со светлым будущим).

Как и в предыдущем случае, в плане содержания метафор выявляются когнитивные классификаторы в формате «схемы» и «функции». Примерно то же – в английском:

Mouth (рот)

В перечень английских сленгизмов, обозначающих рот, включаются такие лексемы, как “**trap**” (капкан ловушка), “**bazoo**” (гранатомёт, «базука») (когда речь идёт об объекте как органе речи).

См. следующие примеры:

1) *When she opens her **trap**, she has an accent that is British* (J. O'Hara. Pal Joey).

2) *I said will you kindly shut your loud **bazoo**?* (DoAS).

Сюда же отнесём метафоры “**cakehole**” («дырка для пирогов») и “**clamshell**” (морская раковина, состоящая из двух «створок», способных открываться и закрываться).

Перейдём к метафоризации самого главного органа жизнедеятельности человека:

VII. Сердце

Меня впервые похоронили в двадцать два, сказав, что с таким **мотором** я и пару лет не протяну (TC PPP).

Heart (сердце)

*Selena's Mother tapped the left side of his chest. “**Ticker**”, she said. “Your heart, your mean?” Grinnie said, “What's the matter with it?”* (J. Salinger. Just before the War with Eskimos).

Широко бытующее в русском языке слово «**мотор**» в значении центрального органа кровеносной системы основывается на том, что от сердца зависит жизнь человека. Сердце работает, равномерно «стучит», как бесперебойно «стучит» двигатель в своём исправном состоянии.

Английское “**ticker**” (часы) – прибор, производящий характерное «тикание», тоже воспринимается как «очеловеченный механизм», отмеряющий время нашего земного существования.

В обоих случаях речь идёт о функциях образных репрезентаций сердца.

VIII. Руки

К наиболее известным субститутам, обозначающим руку, относится слово **клешня** (имеется ввиду кисть руки с широкой ладонью).

1) *И руки у него были удивительные – рабочие, **сильные клешни**, а притом до того уж аристократичны* (В. Гроссман. Жизнь и судьба).

В том же ключе «**краб**» – ладонь руки:

2) *Держи «**краба**», батя!* – сказал он, ухмыльнувшись, и с размаху впечатал свою ладошку в клешню родственника (А. Пушкарёв. Желудок, мозг и звёздное небо).

Пальцы рук – неотъемлемые детали ладони – получают метафорический «отклик» в лексеме «**грабли**» (отмечено в словаре В.И. Даля):

3) – *Гад такой! Обрадовался – здоровый?* – *Аркашка потёр шею. – Распустил **грабли**-то. Попроси по-человечески – станицу, обязательно надо руки свои поганые распускать* (В. Шукшин. Танцующий Шива).

«**Плети**» и «**стебли**» также соответствуют рукам в купе предплечья и локтя как своему прототипу, хотя в этом смысле они употребляются нечасто.

Arms and Hands (руки)

В сленговом регистре “arms” and “hands” представлены такими словами как “**prongs**” (вилы), “**boughs**” (сучья – сучья деревьев), “**handles**” (рукоятки), “**benders**” (клещи), “**flippers**” (плавники), “**flappers**” (колотушки, хлопушки), “**paws**” (лапы животных), “**mitts**” (как производные от слова «рукавицы»), “**forks**” («вилки» в значении «пальцы»).

1) *Let me get my **paws** on the many* (C. Chandler. Finger man)

2) *The erstwhile hospitable farmers met us with the icy **mitts*** (J. London. The Road).

Обратим внимание на то, что приведённые иллюстрации передают не только схему рук, но и их функцию.

IX. Ноги

В Словарь русской разговорной речи входят такие обозначения, как «ножницы», «кегли», «лыжи», «ласты», «копыта», «ходули» и некоторые другие. См., например:

1) *Давай шевели **ластами!** – вернул меня в реальность грубый крик надсмотрщика* (В. Маханенко. Шаман).

2) *Ну-ка, дай ощупаю твои ноги, малыш ...Хорошие у тебя **ходули**, крепкие. То, что надо* (И. Бояшов. Путь Мури).

3) *В голове родились сотни вопросов, не находя ответов, а тот, кто их мог дать, откинул **копыта*** (А. Русич. Орки тоже люди).

Legs and Feet (ноги)

К разряду метафорических относятся обозначения ног типа “**pillars**” (столбы), “**columns**” (колонны), “**posts**” (сваи), “**braces**” (подпорки), “**stilts**” (ходули), “**hooves**” (копыта), “**pads**” (лапы – о ступнях ног), “**trotters**” (рысаки), “**dogs**” (собаки), “**piggis**” (поросята) – о пальцах ног).

1) *Now take your goddam **hoof** of my fender* (M. Evans. Halo in Blood).

2) *Of feet I know hardly more than they have **piggies*** (Do AS).

Анализ примеров, сведённых под соответствующие рубрики, позволяет прийти к следующим выводам:

1. «Анатомическая карта» как объект номинации частей человеческого тела метафорическими средствами русского и английского языков носит универсальный характер. Части тела, его органы выступают в качестве прототипов для образных словарных обозначений, чем объясняются многочисленные совпадения в их семантике.

2. В научный оборот введён новый термин – «когнитивные классификаторы метафор, связанных одной темой».

3. Анализ приведённых примеров свидетельствует о том, что когнитивными классификаторами изучаемых номинаций являются два параметра – «схема» и «функция» того или иного объекта,

зафиксированные в качестве «отклика» на его конфигурационную особенность и/или служебную предназначенность.

4. Несовпадение метафор в разных языках объясняется не только, как принято говорить, фантазией народа, но и наличием реалий, имена которых легли в основу вторичных номинаций, когда они бытуют в жизни носителей одного языка и отсутствуют в жизни другого.

5. Материал статьи послужит заделом для разработки двуязычного словаря соматизмов в их метафорической репрезентации.

Литература

1. Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного / Пер. с англ. М.А. Дмитриевой // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. – Вып. XIII. – М.: «Прогресс». 1988. – С. 281 – 308.
2. Ричардс А.А. Философия риторики / Пер. с англ. Р.И. Розиной // Теория метафоры. – М.: «Прогресс», 1990. – С.44 – 67.
3. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителя. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: «Просвещение», 1985.
4. The Blackwell Dictionary of Cognitive Psychology / Ed. By M.W. Eysenck. – Cambridge, Massachusetts : Blackwell Reference, 1994.

Источники примеров

1. ТС PPP – Толковый словарь русской разговорной речи. В 5-и т. / Под ред. Л.Т. Крысина. – М.: «Языки славянской культуры, 2014 – 2022.
2. DoAS – Dictionary of American Slang / Ed. By H. W. Wentworth and S.B. Flexner. – N.Y.: A Crowell Reference Book, 1980.

С.А. Ермаков

Сопоставление МинТеМ-лексики произведений русских авторов первой четверти XX и XXI веков

Аннотация: В статье описан эксперимент по сопоставлению МинТеМ-лексики из произведений русских авторов первой четверти XX и XXI веков. Описываются оригинальные подходы и решения, использованные в ходе работы, которые могут быть полезны для дальнейших исследований в области исторической лексикологии и изучения лексико-семантической системы современного русского языка.

Ключевые слова: историческая лексикология, ядро, периферия, словоформа, лемма.

Abstract: The paper describes the experiment on comparing the vocabulary of the works of Russian authors of the first quarter of the XX and XXI centuries. It contains the description of the original approaches and solutions used in the course of the work, which may be useful for further research in the field of historical lexicology and the study of the lexical and semantic system of the modern Russian language.

Key words: historical lexicology, core, periphery, word form, lemma.

Историческая лексикология – это область лингвистики, изучающая изменения в лексике. Эволюция словарного состава языка, а также

динамика развития как лексико-семантических групп, так и отдельных слов имеют значительное теоретическое значение.

В этой статье представлен эксперимент по сравнению минимально-текстуально маркированной (МинТеМ) лексики из произведений русских авторов первой четверти XX и XXI веков. Данный эксперимент является частью более широкого исследования, направленного на изучение эволюции лексико-семантической системы русского языка.

Цель работы – с использованием инструментария маркемологии, а именно «Программы выделения тематически маркированной лексики – ProTeMaL», выявить и сопоставить МинТеМ-лексику повествовательных текстов XX и XXI веков.

Для достижения поставленной цели необходимо выполнить следующие задачи:

- создать электронные конкордансы исследуемых текстов и провести их лемматизацию;

- выделить и сравнить МинТеМ-лексику.

При отборе текстов для исследования учитывались только два критерия – год создания литературного произведения и повествовательный стиль текста. Таким образом, в качестве объекта исследования были выбраны следующие фрагменты текстов:

- Ограбление инкассаторов Германом, участником войны в Афганистане (1438 слов) из романа «Ненастье» (Иванов 2019, с. 139-145), опубликованного в 2015 году. Автор произведения – русский писатель и сценарист Алексей Викторович Иванов;

- Побег Ивана Ивановича Телегина из австрийского плена (1473 слова) из первой части эпопеи «Хождение по мукам» (Толстой 1964, с. 198-203), опубликованного в 1922 году. Автор произведения – русский и советский писатель Алексей Николаевич Толстой.

Первым шагом в работе является создание электронных конкордансов исследуемых текстов. «Толковый словарь иноязычных слов» Л.П. Крысина содержит следующее определение конкорданса – *«лингв.* Алфавитный перечень слов или понятий с указанием их смысла и всех случаев употребления их в данном тексте» (Крысин 2000, с. 279). При формировании конкорданса крайне важно избежать потери слов. Количество слов в конкордансе должно соответствовать количеству слов в исследуемом тексте.

Следующий шаг – лемматизация, то есть приведение слова к его словарной форме, к его лемме. В русском языке словарными формами считаются:

- для существительных – именительный падеж, единственное число;
- для прилагательных – именительный падеж, единственное число, мужской род;

- для глаголов, причастий, деепричастий – глагол в инфинитиве (неопределенной форме).

Лемматизация позволяет свести все формы слова к одному виду, что значительно упрощает анализ текста и повышает точность результатов при поиске и классификации информации.

Таким образом, предложение «По нему проходил военный обоз» (Толстой 1964, с. 200) после лемматизации в конкордансе словника имеет следующий вид, например:

Словоформа	Лемма	Слово1	Слово2	Слово3	Слово4	Слово5
По	ПО	V	нему	проходил	военный	обоз.
нему	ОН	По	V	проходил	военный	обоз.
проходил	ПРОХОДИТЬ	По	нему	V	военный	обоз.
военный	ВОЕННЫЙ	По	нему	проходил	V	обоз.
обоз.	ОБОЗ	По	нему	проходил	военный	V

Полученные леммы обрабатываются компьютерной программой ProTeMaL, которая определяет Индекс Текстуальной Маркированности слова (ИнТеМ). Слова с ИнТеМом близким к +1 связаны с субъективной составляющей частоты – т.е. со спецификой текста, слова с ИнТеМом близким к -1 относятся к периферии текста и словаря, а вот слова с ИнТеМом близким к 0 относятся к ядру языка. Чтобы извлечь из текста языковое ядро лексики, необходимо исключить лексику с ИнТеМами максимальными по модулю. За границу языкового ядра и периферии лексики принято среднее значение ИнТеМа по модулю. Выявление минимально-текстуально маркированной лексики более подробно описано в работах А. А. Кретова и О. Г. Артемовой и др. (см. Кретов 2007, Артемова 2020)

Так как интерес для исследования представляют только значимые части речи (существительные, прилагательные и глаголы), из МинТеМ-лексики исследуемых текстов были исключены:

- все служебные слова, наречия, местоимения, числительные, имена собственные, например: В, ОДИН, ТАМ, СЕБЯ, ТАНИЮША и т.д.;
- текстуально маркированная лексика, например: КАРПАТЫ, ГАЛИЦИЯ, РУССКИЙ и т.д.;
- все леммы с Частотой 1.

Были получены следующие результаты:

- 90 слов МинТеМ-лексики текста «Ненастье», а именно:

БОЛЬШОЙ, БЫТЬ, ВКЛЮЧИТЬ, ВОЗВРАЩАТЬСЯ, ВОРОХ, ГЛАЗ, ДАЧА, ДЕЛАТЬ, ДЕНЬГА, ДЕРЕВО, ДОБРАТЬСЯ, ДОБЫЧА, ДОМ, ДОРОГА, ДОСТАТЬ, ДРУГ, ДУМАТЬ, ЖЕЛЕЗНЫЙ, ЖИЗНЬ, ЗАПЕРЕТЬ, ЗЕМЛЯ, ЗНАТЬ, ИДТИ, ИМЕТЬ, КАБЕЛЬ, КАРАБИН, КОМНАТА, КОМОД, КОФЕ, КРЕПКИЙ, КРУЖКА, КРУПНЫЙ, КРЫШКА, КУПЮРА, КУСТ, ЛАПНИК, ЛЕЖАТЬ, ЛЕС, ЛЕТО, ЛОПАТА, МЁРТВЫЙ, МЕСТО, МЕШОК, МОЧЬ, НАЙТИ, НОВЫЙ, НОГА, НОЖ, ОКНО, ОСЕННИЙ, ОСЕНЬ, ОСТАТЬСЯ, ПАЧКА, ПЕЧКА, ПЛАН, ПЛАТОЧЕК, ПОГРЕБ,

ПОДНЯТЬСЯ, ПОКРЫВАЛО, ПОСЁЛОК, ПРОВОД, РАЗНЫЙ, РУЧКА, СДЕЛАТЬ, СИДЕТЬ, СЛЕД, СМОТРЕТЬ, СОБИРАТЬСЯ, СОСТАВЛЯТЬ, СПАТЬ, СПРЯТАТЬ, СТАРЫЙ, СТОЯТЬ, СУММА, СЧИТАТЬ, ТАЙНИК, ТЕЛЕЖКА, ТЁПЛЫЙ, ТОЛСТЫЙ, ТЯНУТЬ, УБРАТЬ, УВИДЕТЬ, УЛИЦА, УЧАСТОК, ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ, ЧАЙ, ЧЁРНЫЙ, ШАГ, ЯМА, ЯЩИК;

- 139 слов МинТеМ-лексики текста «Хождение по мукам», а именно:

АВТОМОБИЛЬ, БАЛКА, БЕГЛЕЦ, БЕЛЫЙ, БИЧ, БОЛЬШОЙ, БЫТЬ, ВЕТЕР, ВЗДОХ, ВИДЕТЬ, ВОДА, ВОЕННЫЙ, ВОЗ, ВОИНСКИЙ, ВОСТОК, ВРЕМЯ, ВСАДНИК, ВЪЕЗД, ВЫРАСТАТЬ, ВЫСТРЕЛ, ГЛАЗ, ГЛУХОЙ, ГОЛОВА, ГОЛОС, ГРЯЗЬ, ГУБА, ДВЕРЬ, ДВИГАТЬСЯ, ДЕНЬ, ДЕРЕВО, ДЕРЖАТЬ, ДЕТСКИЙ, ДЛИННЫЙ, ДОЖДЬ, ДОНЕСТИСЬ, ДОНОСИТЬСЯ, ДОРОГА, ЖЕЛЕЗНЫЙ, ЖЕНЩИНА, ЖИВОЙ, ЗАВИЗЖАТЬ, ЗАКАТ, ЗАПАХ, ЗАТРЕЩАТЬ, ЗВУК, ЗЕМЛЯ, ИДТИ, КАЗАТЬСЯ, КАМЕНЬ, КАНАВА, КАРТА, КЛЕТКА, КОЖА, КОЛЕНО, КОЛЕСО, КОНЕЦ, КРАЙ, КРИК, КРУГЛЫЙ, КРЫЛО, ЛЕЖАТЬ, ЛЕС, ЛЕСНОЙ, ЛЕТЕТЬ, ЛЕЧЬ, ЛИСТ, ЛИЦО, ЛОШАДЬ, МАШИНА, МЕСТО, МЛАДЕНЕЦ, МОСТ, МОЧЬ, МЫЧАТЬ, НАКРЕНИТЬСЯ, НИЗКИЙ, НОГА, НОЧЬ, ОБЛАКО, ОБОДРАТЬСЯ, ОБОЗ, ОБРЫВ, ОГРОМНЫЙ, ОКАЗАТЬСЯ, ОТЛОМИТЬ, ПАДАТЬ, ПАЛЕЦ, ПЛАЩ, ПОЙТИ, ПОКАТИТЬСЯ, ПОЛЕ, ПОЛНЫЙ, ПОТОК, ПРОБРАТЬСЯ, ПРОВАЛИТЬСЯ, ПРОВИЗИЯ, ПРОПАСТЬ, ПУСТЫННЫЙ, ПЯТНО, ПЯТНЫШКО, РАЗ, РАЗЛОЖИТЬ, РЕБЁНОК, РЕКА, РЕШИТЬ, РУЖЬЕ, РУКА, РУХНУТЬ, РУЧЕЙ, СВЕРНУТЬ, СВЕТ, СВЕТИТЬСЯ, СВИНЦОВЫЙ, СЕСТЬ, СИДЕТЬ, СОН, СОСНА, СПАТЬ, СПРОСИТЬ, СПРЫГНУТЬ, СТАРИК, СТАТЬ, СТОРОНА, СТОЯТЬ, ТЕЛЕГА. ТЕМНОТА, ТОЛПА, ТУЧА, УВИДЕТЬ, УДАРИТЬ, УЗЕЛ, ФОНАРЬ, ЧАСОВЕНКА, ЧАСОВОЙ, ЧЕЛОВЕК, ШОССЕ, ШУМ, ШУМЕТЬ, ЭКИПАЖ;

- 17 слов совпадают в обоих текстах:

БОЛЬШОЙ, БЫТЬ, ГЛАЗ, ДЕРЕВО, ДОРОГА, ЖЕЛЕЗНЫЙ, ЗЕМЛЯ, ИДТИ, ЛЕЖАТЬ, ЛЕС, МЕСТО, МОЧЬ, НОГА, СИДЕТЬ, СПАТЬ, СТОЯТЬ, УВИДЕТЬ.

Сопоставление должно основываться на сопоставимых данных. Однако исследуемые тексты отличаются по объему МинТеМ-лексики: в «Ненастье» насчитывается 90 слов, а в «Хождении по мукам» — 139 слов. Для корректного сравнения целесообразно рассматривать не абсолютные значения, а относительные показатели: вместо количества слов следует учитывать их долю в процентах от общего числа слов в каждом тексте. В таком случае доля МинТеМ-лексики в «Ненастье» составит 19%, в то время как в «Хождении по мукам» — лишь 12%. Эта разница может быть объяснена несколькими факторами, включая стиль, тематику, авторский подход и структуру произведения.

Совпадение 17 слов МинТеМ-лексики в обоих текстах может быть объяснено тем, что эти слова представляют собой базовую лексику (ядро языка), которая часто используется в русском языке. Они могут относиться к общим понятиям, связанным с природой, действиями и состояниями. Такие слова встречаются в различных контекстах, что делает их универсальными и применимыми для разных сюжетов.

Необходимо отметить, что такие слова МинТеМ-лексики текста «Хождение по мукам», как: БИЧ, ВОЗ, ВСАДНИК, ЛОШАДЬ, МЫЧАТЬ, ОБОЗ и ТЕЛЕГА, свидетельствуют о специфической культурной и исторической среде, характерной для времени, в котором происходит действие произведения. Эти слова отражают аграрный образ жизни, сельские реалии и традиции, связанные с транспортом и сельским хозяйством. Лексика эволюционирует, адаптируясь к новым условиям жизни, технологиям и социальной структуре. Новые реалии требуют иных слов и терминов, а многие слова выходят из употребления, что делает их менее актуальными в современных условиях. Передвижение на телеге или верхом на лошади в 21 веке возможно, но это будет выглядеть скорее как анахронизм.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

- Во-первых, для корректного сравнения МинТеМ-лексики двух текстов важно учитывать не только абсолютные значения, но и относительные показатели, что позволяет более точно оценить значимость МинТеМ-лексики в контексте каждого произведения;

- Во-вторых, совпадение 17 слов МинТеМ-лексики в обоих произведениях подчеркивает наличие базовой лексики, которая является общепринятой и универсальной в русском языке, что свидетельствует о том, что независимо от жанра или стиля, определенные слова остаются неизменными и важными для передачи смыслов;

- В-третьих, слова МинТеМ-лексики из текста «Хождение по мукам», такие как «БИЧ», «ВОЗ», «ВСАДНИК», «ЛОШАДЬ», «МЫЧАТЬ», «ОБОЗ» и «ТЕЛЕГА», отражают специфические культурные и исторические реалии времени, в котором происходит действие произведения. Эти слова подчеркивают связь текста с конкретной эпохой и образом жизни, что указывает на то, как язык адаптируется к изменениям в обществе и культуре.

Таким образом, сопоставление МинТеМ-лексики в указанных текстах не только иллюстрирует различия в их содержании и контексте, но и отражает взаимодействие языка с культурой, историей и изменениями в обществе.

Думается, что в дальнейшая работа должна быть направлена на проведение серии экспериментов с текстами, подобными исследованным по жанру и времени создания, в целях получения более полной информации об устройстве и функционировании лексико-семантической системы современного русского языка.

Литература

1. Артемова О.Г. Языковые ключи к английской литературе от Шекспира до Фаулза – Воронеж: Наука-Юнипресс, 2020. (Серия: Библиотека маркемологии. Т. 4).

2. Иванов А.В. Ненастье. – М.: Издательство «АСТ»/«Редакция Елены Шубиной», 2019.
3. Кретов А.А. Метод формального выделения тематически нейтральной лексики (на примере старославянских текстов) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007. – № 1. – С. 81–90.
4. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – 2-е изд., доп. – М.: Рус. яз., 2000.
5. Толстой А.Н. Хождение по мукам: Трилогия: В 2 т. – Т 1., кн. 1-2: Сестры. Восемнадцатый год. – Москва: «Известия», 1964.

С.С. Калинин

Специфика механизмов заимствования лексики в палеоазиатских языках: сопоставительное исследование (на материале леммы со значением 'кошка')

Аннотация: В работе анализируются лексические заимствования со значением 'кошка', которые представлены в палеоазиатских языках. Делается вывод о том, что преобладающим механизмом создания новых лексических единиц (и, соответственно, новых смыслов) для палеоазиатских языков служит прямое заимствование из языка-донора (возможно, с некоторыми изменениями на фонетико-фонологическом уровне).

Ключевые слова: языковые контакты, лексические заимствования, зоонимы, палеоазиатские языки, енисейские языки, чукотско-камчатские языки, эскимосско-алеутские языки, нивхский язык, айнский язык, русскоязычные заимствования в языках коренного населения Сибири и Дальнего Востока.

Abstract: The paper analyzes lexical borrowings with the meaning 'cat', which are represented in Paleoasiatic languages. It is concluded that the predominant mechanism for creating new lexical units (and, consequently, new meanings) for Paleoasiatic languages is direct borrowing from the donor language (possibly with some changes at the phonetic and phonological level).

Key words: language contacts, lexical borrowings, zoonymic terms, the Paleo-Siberian languages, the Yeniseian languages, the Chukotko-Kamchatkan languages, the Eskimo-Aleut languages, the Nivkh language, the Ainu language, loanwords of Russian origin in indigenous Siberian and Far Eastern languages.

Хорошо известно, что языковые контакты могут быть одним из движущих механизмов языковой эволюции. Это отражается, в частности, на вокабуляре того языка, в состав которого включается заимствуемая лексическая единица: его мы, вслед за Б.А. Серебrenниковым (Серебrenников 2010, с. 91-92), будем называть языком-акцептором, а язык, из которого берется та или иная лексическая единица, будем называть, соответственно, языком-донором.

Палеоазиатские языки, материал которых и является предметом анализа в настоящей работе, не представляют собой генеалогического единства, а являются объединением ареально-типологического характера, которое по своим лингвистическим параметрам существенно отличается от

окружающих их уральских и алтайских языков, сближаясь при этом в ряде черт с языками коренного населения Северной Америки – см. об этом более подробно работы М.И. Черемисиной (Черемисина 1992, с. 81-87) и А.П. Володина (Володин 1997). По причине своих отличительных типологических характеристик представляется интересной задачей более подробное рассмотрение механизма лексических заимствований в данные языки.

Необходимо также сделать ремарку о том, что в данной работе будут рассматриваться только палеоазиатские языки, локализованные на территории Северо-Восточной Азии. Таким образом, в поле нашего зрения не входит центральноазиатский язык бурушаски, который часто включается в число палеоазиатских языков (см. Володин, 1997, с. 10).

Выбор лексической единицы со значением 'кошка' обусловлен тем, что носители различных палеоазиатских языков до недавнего времени не были знакомы с этим животным, поскольку кошка не имела для них большого хозяйственного значения: соответственно, в этих языках не было слова для ее обозначения. Кошка стала известна палеоазиатским этносам только с началом освоения территории их постоянного проживания другими народами (в частности, это относится к освоению русскими Сибири и Дальнего Востока, начиная с XVI-XVII вв.).

Нами были выделены три типа реализации механизма заимствования лексической единицы со значением 'кошка': прямое заимствование этой лексической единицы из русского языка; прямое заимствование из других языков; использование лексического материала самого языка-акцептора для передачи семантики этой лексической единицы. Ниже эти механизмы рассматриваются более подробно.

Прямое заимствование лексической единицы со значением 'кошка' из русского языка. Данный тип заимствований преобладает в рассматривавшемся нами языковом материале: он представлен практически во всех языковых семьях и языках-изолятах из числа упоминавшихся выше.

Так, среди чукотско-камчатских языков это слово представлено в корякском и ительменском языках: в них оно будет звучать как *кошка*, *котька* (Жукова 1967, с. 199) и *кошка* (Полный ительменско-русский словарь 2021, с. 103, с. 427). Можно видеть, что в данных примерах лексическая единица из языка-донора практически не подвергается никаким изменениям даже на фонетическом уровне.

Среди эскимосско-алеутских языков этот тип заимствования представлен в алеутском языке (рассматривается его беринговский диалект), однако в более адаптированном к его фонетике и фонологии виде: звучит он как *кӯскиу* и *кїскау* (Головкин 1994, с. 220), восходя к русским лексическим единицам *кошка* и *киска* (диминутив),

соответственно. В этом примере можно видеть более глубокую степень освоения заимствованного слова.

Присутствует данный тип заимствования и в енисейских языках, в частности, в кетском языке: так, в лексикографических источниках оно приводится в форме *koska/koska* (Kotorova, Nefedov 2015, p. 242). О том, что данная лексическая единица представляет собой русское заимствование в форме *ко́с'ка/ко́т*, упомянуто и в работе В.А. Полякова (Поляков 1987, с. 94, с. 98). При этом о степени освоенности данной лексической единицы говорят следующие признаки: во-первых, ее фонетический облик изменяется в соответствии с правилами кетской фонетики – твердое [ш] меняется на палатализованное [ç] (Поляков 1987, с. 98), во-вторых, множественное число у этого слова начинает образовываться по кетскому типу, а именно – в форме *koskan* (Kotorova, Nefedov 2015, p. 242).

Наконец, в нивхском языке лексическая единица со значением 'кошка' представлена следующим образом: в амурском диалекте *к'ыск* 'кошка', *архыск* 'кот' (Пухта 2002, с. 73), *к'ыск* 'кошка', *к'ыскар* 'кот' (Савельева, Таксами 1970, с. 138). По всей видимости, аналогичным образом обстоит ситуация и в других диалектах. Следует отметить, что степень освоенности данного заимствования подчеркивается не только трансформацией его фонетической оболочки в соответствии с нормами нивхского языка, но также и образованием композитов. Ими, в частности, являются слова *архыск/к'ыскар* 'кот' < *к'ыск* 'кошка' + *ар* 'самец' (при этом в первом случае происходит чередование на стыке основ, обусловленное нивхской морфонологией).

Прямое заимствование лексической единицы со значением 'кошка' из других языков. В ряде палеоазиатских языков представлены случаи прямого заимствования анализируемой лексической единицы (с большей или меньшей степенью адаптации) из других языков. Так, в диалектах (или языках) азиатских эскимосов для номинации кошки используется лексическая единица *пуси* (Меновщиков 1988, с. 179), представляющая собой довольно очевидный англицизм (от *pussy* 'кошечка'). При этом нужно заметить, что лексическая единица *пуси* употребляется для обозначения как самцов кошки (котов), так и самок.

Подобная ситуация представлена и в айнском языке, где, по всей видимости, в различных диалектах, используются различные номинации для кошки: *chabe*, *cape*, *chape* (см. (Batchelor 1905, p. 59; Ainu-English Dictionary 2009). В данных источниках указано, что подобные лексические единицы распространены в японских диалектах префектур Ямагата, Аомори и Акита, кроме того, они встречаются в японских диалектах острова Хоккайдо. Дж. Батчелор также замечает, что в айнском языке для наименования кошки используется слово *meko* (Batchelor 1905, p. 59),

имеющее довольно прозрачную японскую этимологию и восходящее, соответственно, к слову *neko* 'кошка'.

Использование лексического материала языка-акцептора для передачи значения 'кошка'. В отдельных случаях для передачи семантики анализируемой лексической единицы используются средства самого языка-акцептора: так в случае с чукотским для номинации кошки используется композит *мыльыттъын*, в состав которого входят исконно чукотские лексические единицы (Венстен 2024). Буквально он означает 'ловкая собака' (Володин, Скорик 1997, с. 38): *мыльыттъын* < *мылыльын* 'ловкий', 'стойкий' (с апокопой последнего и предпоследнего слогов) + *ыттъын* 'собака'.

Подобная ситуация есть и в языке гренландских эскимосов, где для наименования кошки используется лексическая единица *qitsuk* (Fortescue, Jacobson, Kaplan 1994, p. 294). Это слово в конечном счете восходит к протоэскимосскому корню **qac(c)u-* со значением 'царапать', 'скрести'. Таким образом, внутренняя форма слова *qitsuk* выглядит следующим образом: 'тот, кто царапает', 'тот, кто скребет (когтями)'.

На основании представленного выше материала можно сделать вывод о том, что наиболее продуктивным механизмом появления лексических единиц со значением 'кошка' является прямое заимствование, причем в большинстве случаев оно происходит из русского языка. Это объясняется освоением русскоговорящими тех территорий, на которых проживали и проживают носители палеоазиатских языков, а также отсутствием в данных языках соответствующей лексической единицы и понятия, в связи с чем для заполнения этой лакуны использовался более коммуникативно мощный язык. При этом русскоязычные заимствования в разных языках имеют разную степень освоенности.

Менее часто для номинации кошки встречаются прямые заимствования из других языков: в частности, в языке/языках азиатских эскимосов представлено англоязычное заимствование, что, вероятно, объясняется контактами эскимосов с американскими торговцами, промышленниками и т. п. Использование японизмов в айнском языке объясняется также территориальной экспансией носителей японского языка на острова (в частности, на Хоккайдо), в связи с чем там возникла суперстратная языковая ситуация.

В отдельных языках (чукотский, гренландский эскимосский) для передачи значения 'кошка' используются лексико-семантические средства самого языка. При этом такой способ не является простым калькированием, а фактически представляет собой создание новой лексической единицы с мотивировкой либо по характерному действию, совершаемому этим животным (в гренландском эскимосском), либо по схожести с другим, уже известным для носителей этого языка животным (в чукотском).

Литература

1. Ainu-English Dictionary. – February 2009. – URL: <https://www.translationdirectory.com/dictionaries/dictionary036.php>
2. Batchelor J. An Ainu-English-Japanese dictionary (including a grammar of the Ainu language). – 2nd ed. – Tokyo: Methodist Publishing House, 1905.
3. Fortescue M., Jacobson S., Kaplan L. Comparative Eskimo dictionary with Aleut cognates. – Fairbanks: University of Alaska, Alaska Native Language Center, 1994.
4. Kotorova E., Nefedov A. A comprehensive dictionary of Ket. Vol. 1. – München: LINCOM GmbH, 2015.
5. Венстен Ш. Тематический словарь чукотского языка (русско-чукотско-французско-английский). – 2024. – URL: <http://charles.weinstein.free.fr/chukches/LEX/LxR.html>
6. Володин А.П. Палеоазиатские языки // Языки мира. Палеоазиатские языки. – М.: Индрик, 1997. – С. 8–11.
7. Володин А.П., Скорик П.Я. Чукотский язык // Языки мира. Палеоазиатские языки. – М.: Индрик, 1997. – С. 23–39.
8. Головкин Е.В. Словарь алеутско-русский и русско-алеутский (беринговский диалект). Около 4000 слов. – СПб.: отделение издательства «Просвещение», 1994.
9. Жукова А.Н. Русско-корякский словарь. 18 500 слов. С приложением краткого грамматического очерка корякского языка. – М.: «Советская энциклопедия», 1967.
10. Меновщиков Г.А. Словарь эскимосско-русский и русско-эскимосский. – 2-е изд., дораб. – Л.: Просвещение, Ленинградское отделение, 1988.
11. Полный ительменско-русский словарь / ред. Ч. Оно, гл. сост. А.П. Володин. – СПб.: ИЛИ РАН; Fürstenberg–Havel: Kulturstiftung Sibirien, 2021.
12. Поляков В.А. Способы лексической номинации в енисейских языках. – Новосибирск: Издательство «Наука», Сибирское отделение, 1987.
13. Пухта М.Н. Русско-нивхский разговорник. Нивхско-русский тематический словарь (амурский диалект). – СПб.: «Издательство «Дрофа» Санкт-Петербург», 2002.
14. Савельева В.Н., Таксами Ч.М. Нивхско-русский словарь. Свыше 13 000 слов. – М.: «Советская энциклопедия», 1970.
15. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке: язык и мышление. – Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.
16. Черемисина М.И. Языки коренных народов Сибири. – Новосибирск: НГУ, 1992.

Н.А. Козельская, Г.Д. Пирджикова

Контрастивная ценность фразеологизмов с именем первостихии *земля* в русском языке на фоне туркменского

Аннотация: В статье анализируются русские фразеологизмы со словом *земля* на фоне туркменского языка. Выявляется контрастивная ценность данных фразеологизмов в аспекте лингвокультурного содержания и типологии межъязыковых соответствий.

Ключевые слова: фразеологизм, лингвокультура, контрастивный анализ, межъязыковое соответствие, русский и туркменский языки.

Abstract: The paper analyzes Russian phraseological units with the word *earth* against the background of the Turkmen language. The contrastive value of these phraseological units is revealed in the aspect of linguistic and cultural content and typology of interlanguage correspondences

Key words: phraseology, linguistic culture, contrastive analysis, interlanguage correspondence, Russian and Turkmen languages.

Фразеология является одной из неотъемлемых составляющих лингвокультурологического фонда языка, поскольку фразеологизмы не только обладают собственным значением, но и заключают в себе стереотипы, эталоны, символы, мифологемы и древнейшие представления того или иного лингвокультурного сообщества. По словам М.Л. Ковшовой, «фразеологизмы суть сжатые тексты культуры: вся идиоматика языка пронизана вербализованными культурными кодами» (Ковшова 2013, с. 218).

Как подчеркивают ученые (Мокиенко, Фелицына 1990), фразеологизмы тройко отражают народную культуру: комплексно, расчлененно и прототипами – свободными словосочетаниями, описывающими определенные обычаи, праздники, особенности быта, исторические традиции. Большую роль при образовании фразеологических единиц (ФЕ) играют их слова-компоненты, коннотации которых отображают признаки соответствующих реалий (ситуаций) внеязыковой действительности, создавая мотивационную основу значения фразеологизма. Особым прагматическим эффектом обладают компоненты ФЕ, именующие вне фразеологизма реалии, имеющие в культуре символическое значение. К таковым причисляются имена природных стихий (земля, огонь, вода, воздух) (Телия 1996, с. 243).

Контрастивное описание языковых фактов нацелено на выявление национальной специфики единиц одного языка на фоне другого, которая и будет определять ее (единицы) контрастивную ценность. Контрастивный анализ фразеосочетаний предполагает учет степени эквивалентности смысла и грамматической структуры; сходство образа, внутренней формы; однотипность сферы использования сравниваемых выражений.

Очень важным является привлечение в качестве объекта контрастивного анализа фразеологического материала типологически различных языков, поскольку выявление общих черт и дифференциальных признаков помогает получить данные об особенностях национального мышления, а также позволяет выработать рекомендации по практическому овладению исследуемым языком.

Целью нашей работы было выявление сходства и национальных различий фразеологизмов с лексемой *земля* в русском и туркменском языках с точки зрения лингвокультурного содержания и межъязыковой эквивалентности на основе анализа их лексико-семантических особенностей и привлечения историко-этимологических данных. Было

проанализировано 57 русских и 55 туркменских фразеологизмов со словом *земля*.

Символика «земли» в русском и в туркменском языках многозначна. В двух сравниваемых лингвокультурах «земля» символизирует родину, источник жизни, основу существования, плодородие и изобилие, выступая также в роли посредника между поколениями (Ковшова 2013).

Рассмотрим, какие символические смыслы получили отражение во фразеологии двух народов.

1. Земля – родина, место рождения, мать всего живого, она олицетворяет лоно, из которого все исходит, и могилу, в которую возвращается. В похоронных традициях туркмен особое внимание уделяется тому, чтобы человек вернулся к земле, как к своей матери (Тазабекова 2017). Этот архетипический смысл лежит в основе русских и туркменских ФЕ: *мать сыра земля, сырая земля, ложиться в землю, предавать земле* – туркм. *ene toprak* (буквально «мать-земля»); *ýere düýnmeňek* (букв. превратиться в землю); рус. *земля пухом* (пожелание усопшему) – туркм. *jaýu jennetden bolmak* (букв. земля раем). Ср., в тексте: *Родился в одном краю, жил в другом, умирать притащился в третий. Мать – сыра земля была его родиной и станет его могилой* (В. Быков. Волчья яма).

2. Земля в противоположность небу как архетипическое противопоставление низа и верха. Небо – верхняя зона, связанная с божеством, высшими силами, сфера духа, земля – нижняя зона, материальная сфера, место обитания людей и животных, пространство смертного человека, под которым размещается подземный мир. Этот архетип отражается в русских фразеологизмах: *как небо и земля* (отличаться), *между небом и землей*: 1. в неопределённом положении (быть, находиться); 2. без жилья, без крова (жить, существовать) (толкования ФЕ даются по словарю Федоров 2017); *спускаться с небес на землю, падать с неба на землю; потупить, опустить глаза в землю* (опустить голову в раздумье или под влиянием стыда, смущения). В туркменском: *ýer gaty-da gök urak* (букв. земля тверда, а небо далеко) – когда о помощи просить некого; *ýeri göge ýetmek* (букв. достигнуть неба с земли) – добиться большого успеха; *ýere bakmak* (букв. опускать голову к земле) – падать духом, грустить.

3. Земля как опора, твердь, основание: *терять землю под ногами; земля уходит (ускользает) из под ног; обрести (ощутить, почувствовать) землю под ногами; твердо стоять на земле* – туркм. *toprakda berk durmak; готов сквозь землю провалиться* – *ýere girmäge taýýar*; *не чуют под собой земли* – туркм. *burnu ýer usgatayar*; *вернуть на грешную землю* – туркм. *ýere düşürmek* (букв. вернуть на землю).

4. Протяженное пространство: *за тридевять земель; хоть на край земли; на край земли (света) / на краю земли (света)/ за краем земли, у*

края земли – туркм. *ýeriň gyrasynda* (на краю земли). В туркменском есть также *ýeriň çägi ýok* (букв. нет предела земле) – о чем-то бескрайнем или неограниченном. Как разъясняют исследователи, выражение пришло из глубины веков, когда Земля представлялась в виде глубокой тарелки, за краями которой простирался, окружая ее со всех сторон, бесконечный океан. По представлениям древних, Землю можно было пройти от края до края (см. Волина 2001, с.206).

5. Земля как граница между человеческим и подземным миром: *как сквозь землю провалился* – туркм. *ýere çalmak*; *стереть с лица земли; сровнять с землей* – туркм. *ýer bilen ýegsan etmek* (букв. уничтожить землей) – полностью уничтожить; *достать из-под земли* – туркм. *ýeriň teýinden sogurtmak*; *вырасти словно из-под земли* – туркм. *ýerden çykan ýaly reýda bolmak*; *видеть на три аршина под/в землю* (быть пронизательным, дальновидным, предусмотрительным) – туркм. *ýeriň aşagyny görýän ýaly bolmak* (букв. словно дно земли видит); туркм. *ýer asty bilen (astyndan)* (букв. под землей действовать) – действовать тайно, секретно и др.

6. Земля как символ среды обитания, место жизни и деятельности. Например: рус. *поливать потом землю; зарывать талант в землю; слухом земля полнится; земля обетованная* – туркм. *земля плодородная* (в смысле «о важном месте»); *земля держится (на ком)* – туркм. *быть опорой земли; открыть землю (новую)* – туркм. *открыть землю (для обработки)*; в рус. и туркм. *рыть носом землю* – со сходным значением «действовать энергично, настойчиво», но в русском говорится с иронией.

Как показал анализ прототипической основы, фразеологизмы с компонентом *земля* в русском и туркменском языках характеризуются высокой степенью общности. Это закономерно объясняется универсальной ролью первостихии *земля* в жизни людей. И в русских, и в туркменских ФЕ объективируется сходная топология: над землей (реальный, материальный мир в противоположность возвышенной, духовной, идеальной сфере); на земле (твердая поверхность, место жизни и деятельности); под землей (подземный мир смерти). В обоих языках фразеологизмы, внутренняя форма которых отражает устойчивую пространственную позицию на земле, несут положительную оценку, а если во ФЕ есть указание на отсутствие опоры в виде земли, то возникает отрицательная оценка. Различия касаются количества ФЕ, представляющих тот или иной прототип, конкретной образной основы и выражаемых значений. Для уточнения этих аспектов был проведен контрастивный анализ ФЕ и выявлены следующие типы межъязыковых фразеологических соответствий.

Полные структурно-семантические фразеологические соответствия (ПСФС), т.е. такие фразеологические единицы, у которых при полном сходстве значения, совпадении образа, имеется сходство их компонентного состава и синтаксической организации: *как только земля носит* – *nädip ýer*

göterýär; хоть из-под земли (достать, найти) – edil ýerin aşagyndan; готов сквозь землю провалиться – ýere girmäge taýýar; стереть с лица земли – ýer ýüzünden ýok etmek, на земле/дороге не валяется – ýerde çaşur ýatanok и другие.

Частичные структурно-семантические фразеологические соответствия (ЧСФС) – единицы, у которых при тождестве семантики есть определенные различия компонентного состава (в пределах исследуемой группы фразеологизмов) и частичное различие в образе. Расхождения в их лексическом составе не влияют ни на общее образное значение фразеологизма, ни на его функциональные особенности. Например, рус. *земля пухом* – туркм. *земля раем* (в целях экономии места туркменские фразеологизмы даем после русских в буквальном переводе без оригинального написания); *соль земли – опора земли, открыть землю – найти землю, Большая земля – Главная земля; земля обетованная* (библейское: место, в которое мечтают попасть) – *земля плодородная* (у туркмен есть такой же смысл, но еще и смысл место(должность), которое все хотят получить); *грешная земля – черная земля* (в контексте символики печали или греха); *видеть на три аршина под/ в землю – видеть дно земли, соль земли – опора земли, за тридевять земли – в глубине земли, появиться как из под-земли – выйти из земли и с луны и др.*

Функционально-семантические фразеологические соответствия (ФСФС) – выражения, совпадающие/очень близкие по семантике, но различающиеся по образу и лексико-грамматическому составу. Здесь выявились русские ФЕ со словом *земля* и туркменские без него и наоборот. Русские: *его от земли не видать* – туркм. *ростом в один локоть; земля слухом полнится* – туркм. *рот народа ситом не заткнешь; поливать потом землю* – туркм. *работать до черного пота; стереть с лица земли* – туркм. *развезать пепел в небо*. Туркменские : *земля тверда, а небо далеко* (когда о помощи просить некого) – ср. рус. *до бога высоко, до царя далеко; действовать под землей* (т.е. тайно) – ср. рус. *тихой сапой; выкрикивая, обнимать землю* (очень сильно сожалеть о происходящем) – ср. рус. *рвать на себе волосы; как один из земли вышел* (остаться без близких, стать сиротой) – ср. рус. *остаться/быть одному на всем белом свете; быть оторванным от земли* – утратить связь с реальностью (ср. рус. *витать в облаках*).

Квазиеквивалентные фразеологические соответствия (КФС) – близкие по структуре и образу выражения, но различающиеся по семантике и сфере употребления. Например, *падать с неба на землю*: рус. *освободиться от иллюзий, начинать трезво оценивать реальную действительность* – туркм. *быть растерянным, когда что-то спрашивают; вернуть на землю*: рус. *внушить кому-либо необходимость мыслить и действовать, исходя из реальной жизни* – туркм. *указать на правду, истину; стоять на земле*: рус. *быть реалистом, не увлекаться мистикой,*

романтикой – туркм. быть упрямым; *мерить землю*: рус. бродить без дела – туркм. *бродить/прогуливаться по земле* (жить без цели и смысла); *открыть землю*: рус. исследовать новые земли, неизвестные территории – туркм. найти необработанную/невспаханную землю.

Лакунарные фразеологические единицы (ЛФЕ) не имеют в другом языке семантически соотносительных фразеологизмов и поэтому переводятся описательно.

Русские лакунарные единицы: *соль земли* (говорится о лучших людях общества); *пуп земли* (иронически о самоуверенном человеке, необоснованно считающим себя основой, центром в каком-либо деле); *земля горит под ногами* (в значении возмездия за совершенные преступления (о врагах, бандитах, захватчиках)); *твердо/крепко, прочно стоять на ногах* (быть самостоятельным, независимым, жизнеспособным).

Туркменские лакунарные единицы: *быть заложником земли* (оказаться в сложной ситуации); *сидеть, пиная землю* (упрямиться, оставаться при своем мнении); *бить в землю кулаком* (быть недовольным, сердиться); *встать с земли* (начать новый этап жизни); *увидеть лицо земли* (узнать что-то новое, понять суть); *сотрясать землю* (вызывать значительные перемены); *найти на земле* (найти неожиданное решение или помощь); *упасть на землю* (утратить надежду, потерять положение); *остаться на земле* (потерпеть неудачу, не добиться успеха); *достигнуть неба с земли* – добиться большого успеха; *бродить/прогуливаться по земле* (жить без цели и смысла).

Как показал анализ, более всего в двух языках частичных структурно-семантических фразеологических соответствий: 35% в русском языке, 36% – в туркменском; на долю полных соответствий в русском и туркменском приходится соответственно 19% и 20%; лакунарных единиц в русском языке 9%, в туркменском – 20%; КФС – по 10% в обоих языках; ФСФС в русском языке 7%, в туркменском – 8%.

С точки зрения символических образов в туркменских лакунарных единицах преобладают прототипы верх-низ и земная твердь. Особо отметим отличие во фразеологизмах, имеющих символическое обозначение эталона самого дорогого, важного: в русском языке это соль – *соль земли* (библейского происхождения), в туркменском – вода: *yerini suwu bolmak* (букв. быть водою земли), что означает «быть жизненно важным или необходимым». Для туркмен в условиях пустынного климата вода — основа существования.

Выявленные аспекты сходства и национальных различий выражений с лексемой *земля* в русском и туркменском языках могут быть использованы для предупреждения ошибок в практике преподавания русского языка как неродного.

Литература

1. Волина В.В. Фразеологический словарь. – СПб.: Дидактика Плюс: Зенит, 2001.
2. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры. – М.: URSS, 2013.
3. Мокиенко В.М., Фелицына В.П. Русские фразеологизмы: лингвострановедческий словарь. – М.: Русский язык, 1990.
4. Тазабекова Д.М. Зеркало туркменской души: Анализ фразеологических единиц с компонентом «земля». – Ашхабад: Изд-во «Туркменистан», 2017.
5. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
6. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. – М.: Астрель: АСТ, 2008.

Е.П. Козявина

Реальные и потенциальные семемы в номинациях насекомых в русском языке

Аннотация. В статье представлены результаты исследования номинаций насекомых в русском языке. Описываются их зафиксированные в словарях реальные значения. На основе сравнительных конструкций, представленных в текстах НКРЯ, определяются частотные семантические признаки, которые могут образовывать потенциальные семемы.

Ключевые слова: энтомологическая лексика, инсектонимы, реальная семема, потенциальная семема.

Abstract. The paper presents the results of a study of insect nominations in the Russian language. Their real meanings recorded in dictionaries are described. Based on the comparative constructions presented in the texts of the National Corpus of the Russian Language, frequent semantic features that can form potential sememes are determined.

Key words: entomological vocabulary, insectonyms, real meaning, potential meaning .

Описание смыслового содержания языковых единиц – важная задача семасиологии как отрасли языкознания. Традиционно такие описания опираются на выявление и анализ семантических признаков (сем) и их совокупностей (семем), обеспечивающих лингвисту “предел точности семантического описания” (Попова, Стернин 2010, с. 45).

Объектом данного исследования стали общеизвестные и частотные наименования насекомых (энтомонимы), как один из наиболее древних пластов лексического фонда русского языка, с целью сопоставления их лексических значений (семем). Материалом исследования послужил один из наиболее авторитетных «академических» толковых словарей современного русского языка – МАС-2, представляющий собой второе (исправленное и дополненное) издание Словаря русского языка в 4-х томах, подготовленного под редакцией А.П. Евгеньевой и впоследствии несколько раз переиздававшегося, а также Национальный корпус русского языка. Первый источник необходим для установления *реальной семемы* –

установившегося, общепонятного и общеупотребительного значения слова, зафиксированного в словарях. Второй источник необходим для установления *потенциальных семем* – прогнозируемых значений, основанных на частотности переносного употребления указанных номинаций.

Обратимся к примерам.

Согласно МАСу-2, *бабочка* имеет два значения: БАБОЧКА, -и, род. мн. - ч е к, дат. -ч к а м, ж. 1. Насекомое с двумя парами крыльев, покрытых пылью, определяющей их окраску. *Ночные бабочки вились и, сыпля пыль с крылышек, бились по столу и в стаканах.* Л. Толстой, Казаки. *Бабочка, совсем черная, с тонкой белой каймой, сядет и становится, как моль, — треугольником.* М. Пришвин, Лесная капель. 2. *Разг.* Галстук в виде банта.

Мы видим, что метафорический перенос, основанный на внешнем сходстве форм завязанного банта и крыльев бабочки, позволяет образовать новое значение для предмета-артефакта. Хотя, как считают исследователи, «бабочка – это предмет одежды, который в 1800 году заимствуется из Франции европейской модой: название галстука бабочка происходит от французского *papillon*» (Мусси 2014, с. 146), следовательно, в данном случае мы имеем дело с семантической калькой.

Что же показывают корпусные данные? В качестве диагностического контекста для потенциальных сем, на наш взгляд, можно использовать конструкцию «прилагательное/глагол» + как + «наименование насекомого», обнаруживающую некоторые устойчивые признаки, связанные в сознании носителя русского языка с тем или иным насекомым. И.А. Стернин и З.Д. Попова замечают, что «для говорящего и слушающего роль лексической сочетаемости в определении значения слова различна. Для говорящего лексема сама несет свою семему, и сочетаемость – результат этой семемы. Для слушающего сочетаемость – главное основание в понимании значения слова, то есть той семемы, которую несет лексема. Исследователь находится в положении слушающего. Для определения семемы в данном контексте он опирается на сочетаемость» (Попова, Стернин 2010, с. 123). Регулярно образованные и частотные сравнительные обороты, показывающие уподобление по общему признаку, позволяют выявить в объекте сравнения новые, важные свойства, которые могут в дальнейшем стать потенциальными семемами.

Так, с энтономимом *бабочка* указанная конструкция в НКРЯ используется в 19 примерах, 8 из которых связаны с *воздушностью, легкостью и невесомостью*:

Одна из них была видного роста, другая целой головою ниже, одна высока и стройна, как пальма, другая воздушна и легка, как бабочка [М. Н. Загоскин. Искуситель (1838)]. Выпив таблетки, ты засыпаешь, и твоя душа отлетает, воздушная и невесомая, как бабочка. [Влада Валеева. Скорая помощь (2002)]. Разглядеть ее было трудно, она оказалась вся

голубая, **воздушная и порхала, как бабочка.** [Чингиз Айтматов. *Пегий пес, бегущий краем моря* (1977)].

Таким образом, *бабочка* является характеристикой легкомысленного, мечтательного человека, как правило, речь идет о молодой наивной девушке. Отчасти сема '*легкомысленность*' уже нашла отражение в эвфемизме *ночная бабочка* для обозначения проститутки.

Близкий к бабочке *мотылек* в словаре имеет следующие значения: **МОТЫЛЁК**, -ль к а, л 1. Град-поэт. То же, что бабочка (в 1 знач) *Мотылька полет незримый Слышен в воздухе ночном* Тютчев, Тени сизые смесились. *Сегодня целый день играет В дворе последний мотылек И, точно белый лепесток. На паутине замирает* Бунин, Листопад, 2. Небольшая бабочка, огневка.

В словаре значение характеристики человека отсутствует, однако анализ корпуса русского языка показывает, что *мотылек* употребляется в контексте сравнения с человеком и, подобно бабочке, сочетается с такими прилагательными, как *прозрачный, милый, легкий.* *Вы влюбляетесь каждый день. Вы ветрены и легкомысленны, как мотылек... И это-то и есть все то важное, что вы мне хотели передать?* [А. И. Куприн. *Юнкера* (1932)]. Можно сказать, что вектор семантического развития значения у *бабочки* и *мотылька* совпадает.

Рассмотрим еще одну лексему:

ГУСЕНИЦА, -ы, ж. 1. Личинка бабочки, имеющая червеобразное тело с несколькими парами ног. 2. Замкнутая сплошная металлическая лента или цепь, состоящая из отдельных звеньев, служащая вместо колес у тракторов, танков, самоходных кранов и т. д. *Гусеницы трактора.*

Номинация насекомого также развивает второе метафорическое значение предмета по сходству внешнего вида и способа перемещения.

В НКРЯ было выявлено 37 сравнительных конструкций с существительным *гусеница*. С *гусеницей* сравнивают и человека, и неодушевленные предметы, отмечая общие признаки: *медлительность, неподвижность, ленивость.* *Да-да, уйти без следа, приложиться песчинкой к песку, замереть на сучке, как гусеница* [Юрий Давыдов. *Синие тюльпаны* (1988-1989)]. *Он полз медленно, как гусеница, сыпя в воздух искры* [М. А. Булгаков. *Мастер и Маргарита, часть 2* (1929-1940)]. *Лениво и упорно, как гусеница, рояль издает гаммы* [Б. Ю. Поплавский. *Аполлон Безобразов* (1932)].

Интересна лексикографическая подача лексемы *жук*. В МАСе-2 выделяются омонимы: **ЖУК1**, -а, м. Насекомое с жесткими надкрыльями. *Майский жук.* **ЖУК2**, -а, м. Прост. Ловкий плут. – *А ты – тоже жук хороший. От меня свои шуры--муры скрываешь, а тут весь Архангельск знает.* Абрамов, Две зимы и три лета. В «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С.А. Кузнецова *жук* представлено как многозначное слово: 1. Насекомое с жесткими надкрыльями. *Майский*

жук, колорадский жук. 2. Разг. Ловкий хитрый человек; жулик (БТС, с. 308).

В НКРЯ номинация *жук* имеет 123 примера употребления в сравнительной конструкции. Большинство из них основано на сравнении с темной окраской, маленьким размером и неуклюжестью насекомого. *Никифоров, малютка лет десяти, худенький и черный, как жук. [Марк Креницкий. Добрый суд (1916)]. Я вырвался, неуклюже, как жук, перевернулся со спины и заполз обратно на кровать, вдавил тяжелую голову в подушку [Андрей Белозеров. Люди до востребования // «Волга», 2012].* Сема ‘черный цвет’ уже реализована в прилагательном *жуковый* – *иссиня-черный*, а также в собственном имени *Жучка* – кличка собаки с черной шерстью.

Энтонимом *стрекоза* также имеет два значения: СТРЕКОЗА, -ы, ж 1. Хищное насекомое с длинным тонким телом и двумя парами прозрачных крыльев, производящих при полете характерный шум *Перламутрово-голубые стрекозы с треском распускают длинные стеклянные крылышки вылетая из горячей травы* Бунин, Сон Обломова-внука 2. Разг. О живой, подвижной девочке девушке – *Какие такие проводы еще выдумала ' – сердито прошамкала старуха – Не сидится тебе на месте, стрекоза* Куприн Олеся (МАС-2, с. 285).

В примерах, выявленных в НКРЯ, у лексики *стрекоза* отмечаются такие признаки, характеризующих человека, как *изящность, хрупкость. С тех пор страх за жизнь этого хрупкого, как стрекоза, существа держал меня за горло и за сердце и не отпускал, пока наконец Регинин не прислал за нами Торелли. [К. Г. Паустовский. Повесть о жизни. Время больших ожиданий (1958)]. Генерал — в суконной гимнастерке и ремнях, в синих галифе, невысокий, тонконогий, изящный, как стрекоза, вышел к нему из-за стола [Владимир Дудинцев. Белые одежды / Вторая часть (1987)].*

К однозначным лексемам, по данным толковых словарей, относятся: *муравей, пчела, муха*. И это удивительно, так как данные номинации обладают обширной синтагматикой.

Номинация *муравей* зафиксирована в словарях со значением: МУРАВЕЙ, -в ь я, м Мелкое перепончатокрылое насекомое, живущее большими сообществами *Лесной муравей Красные муравьи*. Переносное значение в толковых словарях не зафиксировано. Можно предположить, что на формирование переносного значения номинации *муравей* оказывают влияние прецедентные тексты, в частности, басня И.А. Крылова «Стрекоза и муравей», где образ муравья символизирует трудолюбие. Действительно, в НКРЯ подавляющее большинство примеров с энтонимом *муравей* в сравнительной конструкции употребляется для характеристики человека в значении *трудолюбивый, деятельный, упорный. Утром же с трудолюбивым и упорным, как муравей, Витей все посадили, полили, теперь ждем урожая. [С. Н. Есин. Дневник (2005)]. Так вот,*

между строчками твоего письма открывается душевный мир маленького эстета, **кропотливо, как муравей, работающего** над освоением мира природы, анализирующего человеческие переживания [Инна Калабухова. Приключение длиною в сорок пять лет // «Ковчег», 2013].

Нет полисемии и у энтонома пчела, хотя в БТС представлен такой пример: *Тружусь как пчела (много, напряжёнno)*. НКРЯ также закрепляет это качество в примерах со сравнениями человека и пчелы. *Если нужно кого-либо похвалить, то говорили: **Трудолюбив, как пчела***. *Полезен, как пчела [Пчела и муха [из журнала «Задушевное слово»] (1900-1917)]. Да потому, что там каждый **работает, как пчела**, там нет бесполезных тунеядцев, паразитов... там благосостояние каждого определяется его собственным трудом! [Н. В. Успенский. Федор Петрович (1866)].*

У номинации муха в толковом словаре также представлено только одно значение, однако «заромбовая» часть словарной статьи представлена многочисленными примерами фразеологизмов. В корпусе русского языка найдено около 200 примеров сравнительного употребления номинации муха. Основной семантический признак, выявляемый на их основе – *слабость, беспомощность*: *Он сказал тогда: я **слаб, как муха**...* [Л. Я. Гинзбург. Записные книжки. Воспоминания. Эссе (1920-1943)]. *Часто ей снился один и тот же сон: будто она, маленькая и **слабая, как муха**, бьется о большую, гладкую, непроницаемую стену — бьется и жужжит [И. Грекова. Под фонарем (1963)].*

Как показал проведенный анализ, наименования насекомых, будучи представлены как антропоморфные метафоры, обладают оценочностью. Среди энтономимов, обладающих положительной оценкой: *муравей, пчела, стрекоза*. Наименования, обладающие отрицательной оценкой: *жук, муха, саранча*. Амбивалентные: *бабочка, мотылек*.

Возникающие и развивающиеся формы образного употребления энтономимов, основанные на сравнениях, можно считать потенциальными семемами, связанными с обозначением человека «в широком диапазоне перцептивно и ментально воспринимаемых качеств» (Минеева 2014, с. 246). По нашим данным, характеристики поведения насекомого являются основными признаками метафорического переноса и формирования потенциальных семем, характеризующих внутренние качества или поведение человека. При этом слабо заметна гендерная ориентация обнаруженных сравнений. Конструкции с «как гусеница», «как стрекоза», «как пчела», «как муха» могут одновременно указывать и на мужчину, и на женщину, хотя, например, конструкция «как жук» не употребляется по отношению к женщине, а «как бабочка» – по отношению к мужчине.

В заключение отметим, что проведенный анализ не только четко показал оппозицию: значение слова – употребление слова, но и позволяет на базе этого констатировать у слова существование реальных и потенциальных семем.

Литература

1. Минеева З.И. Функции русских зоотропов // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2014. – № 5 (61). – С. 246-250.
2. Мусси В. Наименования насекомых в процессах семантической деривации (на материале русского и итальянского языков) // Сибирский филологический журнал. – 2011. – № 3. – С. 144-151.
3. Попова З.Д., Стернин И.А. Лексическая система языка: внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: URSS, 2010.

Л.В. Лукина

Коннотативные и функциональные компоненты значения при описании национальной специфики семантики слова (на материале английского и русского языков)

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы описания структуры компонентов значения слова при контрастивном анализе. Показывается, что для полного выявления национальной специфики семантики необходимо учитывать коннотативные и функциональные компоненты значения.

Ключевые слова: контрастивный анализ, семантика, сема, коннотативные семы, функциональные семы.

Abstract: The paper discusses the problems of describing the structure of the components of the meaning of a word in contrastive analysis. It is shown that in order to fully identify the national specifics of semantics, it is necessary to take into account the connotative and functional components of meaning.

Key words: contrastive analysis, semantics, seme, connotative semes, functional semes.

Важным направлением контрастивной лингвистики является выявление национальной специфики различных групп слов, что позволяет найти новые методы в изучении словарного состава языка, а также может применяться в сфере лексикографии для составления новых типов двуязычных словарей. Необходимость создания двуязычных словарей соответствий, где указывались бы национально-специфические черты семантики перевода, отмечал И.А. Стернин (Стернин, 2004).

В настоящее время сравнение является важным методом изучения языка, а ведущим подходом выявления национальной специфики семантики является метод контрастивного семного анализа.

При контрастивном анализе отдельных лексических единиц исходного языка и их межязыковых соответствий основу составляет денотативный компонент значения. Однако коннотативные и функциональные семы также важны для описания значения, так как они отражают образность и экспрессивность словоупотребления, увеличивают возможности слова и, следовательно, определяют национальную специфику семантики.

Некоторые лингвисты применительно к данным семам говорят о потенциальных семах (Гак 1977).

Для описания денотативного компонента значения обычно используются единицы естественного языка в том виде, в котором они функционируют в речи (Гудавичюс 1985, с. 86-95). Эти единицы повторяются при описании разных слов, что позволяет несколько стандартизировать язык описания (Гудавичюс 1985, с. 152-155), однако систематизировать его полностью не всегда возможно из-за неограниченного числа денотативных сем, которые могут стать предметом описания. В тоже время при описании коннотативного и функционального компонентов значения требуется гораздо меньшее количество сем, и они, как правило, являются стандартными.

К коннотативным компонентам относят два вида сем: эмоциональные и оценочные. Эмоция и оценка в составе коннотативного значения тесно связаны, но являются разными семантическими компонентами. Возможны случаи, когда при оценочности слова отсутствует эмоциональность и наоборот:

Чирикание «незначительный, легкий разговор» – неоц., шутл.,

Прошение «письменное сообщение, адресованное органам власти» – неоц., уваж.

Пререкание «устное обсуждение преимущественно по пустякам» – неоц., неэм.

Празднословие «бессодержательный разговор» – неоц., неэм.

Однако в большинстве случаев оценка действует в составе коннотации в согласовании с эмоцией (согласованная коннотация):

Поучение «наставление с воспитательными целями» – неодобр., неэмоц.

Оценочные семы описываются пометами «*одобрительное*», «*неодобрительное*», «*негативное*», а также «*неоценочное*». Заметим, что в словарях очень часто указывается только одна помета «*неодобр.*», другие же оценочные пометы, как правило, не приводятся, так что определить эмоциональный компонент слова по словарям очень трудно, поэтому при определении оценочных сем приходится полагаться на собственное чувство языка и интуицию исследователя.

Эмоциональные компоненты значения слова более разнообразны, они представлены в словарях пометами «*пренебрежительное*», «*презрительное*», «*уничтожительное*», «*фамильярное*», «*ироничное*», «*шутливое*», «*ласкательное*», «*сочувственное*», «*уважительное*», «*восхищенное*», а также «*неэмоциональное*».

Приведем в качестве примера коннотативные семы двух контрастивных пар: *балясы* – *jaw* и *балясы* – *chatter*:

БАЛЯСЫ - jaw

• НЕОДОБРИТЕЛЬНОЕ	• НЕОДОБРИТЕЛЬНОЕ
• ПРЕНЕБРЕЖИТЕЛЬНОЕ	• ПРЕНЕБРЕЖИТЕЛЬНОЕ

БАЛЯСЫ – chatter

- НЕОДОБРИТЕЛЬНОЕ
- ПРЕНЕБРЕЖИТЕЛЬНОЕ
- НЕОЦЕНОЧНОЕ
- НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ

У контрастивной пары *балясы* – *jaw* значения коннотативных сем совпадают, а у пары *балясы* – *chatter* зафиксирована несогласованная коннотация.

Часто значение эмоции представляется в самом общем виде – как *отрицательная* или *положительная* эмоция:

Полож.-эмоц.: *послание, признание, приветствие, прощение;*

Отриц.-эмоц.: *трескотня, огласка, нравоучение, нотация, нагоняй, брань.*

Для правильного использования слова в языке важное значение имеет и его функциональный компонент, описание которого представляет значительную трудность. Функциональный компонент значения характеризуются по пяти видам функциональных сем и несет информацию об особенностях функционирования единицы языка в речи. Данный компонент включает функционально-стилистические, функционально-социальные, функционально-темпоральные, функционально-территориальные и функционально-частотные компоненты.

Функционально-стилистические семы описываются следующими пометами: «*межстилевое*» – лексика, которая употребляется как в письменной, так и в устной речи; «*книжное*» – лексика, используемая в письменной речи и в официальных ситуациях: различают *собственно-книжную*, не закрепленную за каким-либо видом письменной речи, *умеренно-книжную* и *сугубо книжную*; «*высокое*» – характеризующаяся торжественностью, возвышенностью; «*официально-деловое*» – лексика, присущая канцелярской речи и официальным документам; «*поэтическое*» – лексика, используемая преимущественно в поэзии и носящая возвышенный характер; «*публицистическое*» – лексика, используемая в журналистике; «*разговорное*» – неофициальная лексика, не выходящая за пределы литературной нормы; «*сниженное*» – лексика, выходящая за рамки литературной нормы, в том числе: «*сленг*» – экспрессивная сниженная лексика; «*жаргон*» – экспрессивная сниженная лексика, характерная для речи определенных социальных, возрастных, гендерных групп людей; «*просторечное*» – лексика, не принятая в литературном языке; «*грубое*»; «*бранное*».

В качестве примера функционально-стилистических сем приведем контрастивную пару *объявление* – *ad (advert)*:

ОБЪЯВЛЕНИЕ - ad (advert)

- *межстилевое*
- *разговорное*

Русская лексема по функционально-стилистическому компоненту является межстилевой, а ее английское соответствие – разговорной.

Функционально-социальный компонент значения слова описывается следующими словарными пометами: «общенародное», «специальное», «научное», «техническое», «политическое», «юридическое», «молодежное», «детское», «студенческое», «криминальное» и др. Соответствующие компоненты значения называются семы социальной принадлежности слова.

Приведем пример функционально-социального компонента контрастивной пары *ходатайство* – *petition*:

ХОДАТАЙСТВО - petition

- *общенародное*
- *специальное*

При описании функционального компонента значения могут быть выделены также функционально-территориальные семы, которые описываются следующим образом: «общераспространенное», «региональное», «американское», «британское», «иотландское», «канадское» и т.д. Соответствующие семы – семы территориальной принадлежности слова.

В качестве примера приведем контрастивную пару *коллоквиум* – *tutorial*:

КОЛЛОКВИУМ - tutorial

- *общераспространенное*
- *британское*

Для описания функционально-темпоральных сем используются пометы: «современное», «новое», «устаревшее», «устаревающее», «советское» и т.д. Соответствующие семы – семы темпоральной принадлежности слова.

Приведем пример различия функционально-темпоральных сем в контрастивной паре *общение* – *intercourse*:

ОБЩЕНИЕ - intercourse

- *современное*
- *устаревшее*

Функционально-частотные семы описываются следующими пометами: «употребительное», «малоупотребительное», «редкое», «высокоупотребительное», «неупотребительное». Соответствующие семантические компоненты – семы частотности, употребительности слова.

В качестве примера этого типа сем приведем контрастивную пару *консультация* – *consultation*:

КОНСУЛЬТАЦИЯ - consultation

- *высокоупотребительное*
- *употребительное*

В ходе анализа и описания национальной специфики лексики, входящей в группу наименований речевых событий, было выявлено 409 контрастивных пар. Как показало исследование, наименования речевых

событий в русском и английском языках наиболее близки между собой по коннотативным компонентам, а наибольшая национальная специфика семантики проявляется на денотативном уровне.

Как уже отмечалось выше, коннотативный компонент значения представлен оценочными и эмоциональными семами. Заметим, что неоценочных и неэмоциональных сем в сопоставляемых лексических единицах в английском языке было выявлено почти на треть больше, чем в русском. Сем, отражающих отрицательные эмоции, по данным нашего исследования, в русском языке почти в полтора раза больше по сравнению с английским. В русском языке также значительно больше, по сравнению с английским языком, лексических единиц с положительно-эмоциональной окраской (15% в русском языке против 5% в английском), что, несомненно, подтверждает распространенное мнение об английской сдержанности и замкнутости.

Что касается функциональных сем, то лексемы, принадлежащие к группе устных речевых событий в обоих языках в основном, принадлежат к межстилевой или разговорной лексике, в то время как лексемы, принадлежащие к группе письменных речевых событий – к официально-деловой или книжной.

По функционально-социальному компоненту лексические единицы обоих языков принадлежат к общенародному или специальному слоям лексики, что связано, в основном, с политической, юридической, дипломатической и информационной терминологией, фигурирующей в английском словарном списке переводных соответствий русских наименований речевых событий.

Темпоральные различия семантики на уровне функционального компонента значения свидетельствуют о том, что в обеих культурах существуют национальные традиции употребления устаревшей лексики наряду с современными и новыми словами. Они являются национально-специфичными и выявляются при контрастивном анализе отдельных лексических единиц исходного языка и их межъязыковых соответствий.

Что касается существования национально-специфических особенностей по территориальному компоненту значения в лексике двух сопоставляемых языков, то этот факт объясняется, большей частью, наличием британских, американских и шотландских вариантов перевода русских слов.

Функционально-частотный компонент представлен в обоих языках употребительной (31% – в русском и 23% – в английском), высокоупотребительной (35% – в русском и 30% – в английском) и малоупотребительной (34% – в русском и 47% – в английском) лексикой.

Таким образом, результаты исследования коннотативных и функциональных компонентов национально-специфических различий, наряду с денотативными признаками, отражают особенности языковой

картины мира двух культур, которые нельзя не учитывать при преподавании русского и английского языков, а также при составлении двуязычных словарей разного вида. Имеющиеся в одноязычных толковых словарях описания коннотативных и функциональных компонентов, как правило, неполные и неточные, поэтому необходимо проводить детальное семное описание всей структуры компонентов значения.

Литература

1. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. – М., 1977.
2. Гудавичюс А. Сопоставительная семасиология литовского и русского языков. – Вильнюс: Мокслас, 1985.
3. Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2004.

Н.И. Малыгина

Лексикографические и актуальные семантемы английских глагольных лексем

Аннотация: Статья посвящена исследованию значений наиболее частотных полисемантических глагольных лексем английского языка, актуализированных в текстах и сопоставлению их со значениями, зафиксированными в словарных дефинициях.

Ключевые слова: семема, семантема, полисемия, коммуникативная релевантность.

Abstract: The paper is devoted to the study of meanings of the most frequent English polysemantic verbs, actualized in texts, and comparing them with the meanings recorded in dictionary definitions.

Key words: sememe, semanteme, polysemy, communicative relevance

Значение слова является отражением как объективной, так и субъективной реальности. Каждое толкование значения представляет собой лишь один из множества возможных способов его описания, не являясь ни единственным, ни исчерпывающим. В значении аккумулируется широкий спектр характеристик, проявляющихся у предмета в различных ситуациях и в разные периоды его существования, включая как более, так и менее важные признаки. Определение значения должно учитывать это многообразие характеристик, так как они в своем целом отражают практику и реальность. (Стернин, 1985, с.11-13).

Семантема, представляющая собой совокупность значений слова (семем), традиционно рассматривается как устойчивая и неизменная структура. Признается наличие основного значения (семема Д1 согласно терминологии Воронежской теоретико-лингвистической школы) и производных значений, которые возникают в результате семантического развития слова (семемы Д2, К1 и К2) (Копыленко, Попова 1989, с. 31-32). Периодически у лексем могут формироваться новые семемы, в то время

как некоторые из существующих могут устаревать и выходить из активного употребления.

Задача данной статьи заключается в сопоставлении «лексикографических семантем» (отображающих список значений, представленных в лексикографических источниках) и «актуальных семантем» (которые, в отличие от лексикографических, включают только актуальные, т.е. реально используемые носителями языка на современном этапе развития языка семемы – Карпенко 2022, с. 4) 200 наиболее частотных английских глагольных лексем, согласно данным списка частотности Британского Национального Корпуса.

Для выявления лексикографического значения были исследованы словарные статьи в наиболее авторитетных англо-русских и англо-английских словарях.

В процессе исследования было обнаружено, что наиболее частотные английские глагольные лексемы характеризуются широко развитой многозначностью: как лексической, так и лексико-грамматической в обоих ее видах: собственно лексико-грамматическая полисемия и лексико-грамматическая вариантность (Стернина 1999, с. 25-26).

Отметим, что действующие словари частотности отражают только частотность лексем, в то время как информация о частотности семем практически отсутствует.

Анализ частотности семем в семантемах позволяет делать выводы о коммуникативной актуальности отдельных значений многозначного слова, что акцентирует внимание на наиболее часто употребляемых значениях.

Для установления частотности семем исследуемых лексем мы проанализировали по тысяче примеров их употребления из Британского Национального Корпуса, который предлагает случайные контексты различных жанров и стилей. Каждый пример был сопоставлен с определенной семемой, входящей в соответствующую семантему.

В результате была определена частотность каждой семемы, для объективной оценки которой применялся индекс коммуникативной релевантности семемы, введенный Л.А. Кривенко. Данный индекс вычисляется через отношение числа зафиксированных употреблений данной семемы к общему количеству исследованных употреблений лексемы (Кривенко 2013, с.8).

Исследование семантем английских глагольных лексем показало, что носители языка используют семантемы, которые отличаются от традиционных лексикографических.

Наиболее коммуникативно востребованным значением является, как правило, основное значение лексемы (т.е. семема D1). Тем не менее, в семантемах 32 лексем (*argue, discover, reflect, indicate, seek, apply, believe, spend, grow, introduce, refer, identify, share, fight, see, follow, meet, develop,*

accept, prove, force, operate, get, stop, reach, raise, make, give, run, play, break, drop) наиболее коммуникативно частотными оказались семемы K1, а в семантеме одной лексемы (*cover*) – семема D2, что может свидетельствовать о возможных изменениях в их семемном статусе.

Проведенный анализ наиболее частотных английских глагольных лексем позволил прийти к выводу, что на современном этапе состояния английского языка все виды полисемии английского глагола (лексическая полисемия, лексико-грамматическая полисемия и лексико-грамматическая вариантность) демонстрируют тенденцию к активному развитию.

В общей сложности у 50 (*refer, pull, hit, understand, say, accept, produce, read, receive, spend, consider, come, improve, provide, turn, run, open, operate, regard, break, use, affect, love, suffer, move, believe, hear, fall, wish, identify, smile, save, support, pay, study, design, help, enter, play, increase, let, fight, drop, plan, buy, start, listen, define, force, build*) из 200 изученных глагольных лексем были выявлены незафиксированные в существующих словарях значения, в том числе и различной частеречной принадлежности.

Развитие лексической полисемии было отмечено в общей сложности у 18 лексем: *refer, pull, hit, understand, say, accept, produce, read, receive, spend, consider, come, improve, provide, turn, run, open, operate*. Отметим, что в семантемах двух лексем: *pull* и *refer* отмечено по две незафиксированные глагольные семемы. В качестве примера развития лексической полисемии приведем лексему *refer*, в семантеме которой, в добавление к зафиксированным в словарях 8 семемам, выявлены незафиксированные ранее семемы K1v – «обращаться к кому-л.» (*Referring to a comrade of her son's, she wrote: 'This boy and mine were together all through the African war and only separated when they were preparing for France*) и «называться, обозначаться» (*In Wales, Caerphilly was referred to as 'new cheese', as it could be ready for sale within ten days of making*).

Развитие собственно лексико-грамматической полисемии отмечено нами в семантемах двух лексем: *support* и *hear*.

Так, например, в семантеме лексемы *hear* в ходе исследования была выявлена адъективная семема K1a «известный» (*After the election, Mr Grivas will preside over the special tribunals due to hear cases of corruption against the former prime minister, Andreas Papandreou, and several of his colleagues*).

Неотмеченные словарями лексико-грамматические варианты в ходе исследования были выявлены у 34 лексем. При этом в семантемах четырех (*design, regard, pull, break*) из них обнаружены незафиксированные глагольные лексико-грамматические варианты, в семантемах 14 лексем (*use, affect, love, spend, suffer, move, believe, hear, fall, wish, identify, smile, save, enter*) – незафиксированные субстантивные лексико-грамматические варианты, а в семантемах 20 лексем (*love, pay,*

design, study, help, play, increase, let, fight, drop, plan, wish, buy, start, listen, define, force, identify, build, support) – незафиксированные адъективные лексико-грамматические варианты.

В качестве примера незафиксированного в словарях лексико-грамматического варианта приведем лексему *use*. В семанте данной лексемы у зафиксированной в словарях глагольной семеме K1v *amer. сл.* «употреблять наркотики, быть наркоманом» (*Often the continuing desire to use drugs is only marginally tempered by the impact of the heavy cost of drugs and regular brushes with the law*) нами выявлен субстантивный лексико-грамматический вариант «употребление наркотиков» (*This study primarily related to the use of alcohol and illicit drugs*).

Показатели индекса коммуникативной релевантности выявленных незарегистрированных в существующих лексикографических источниках семем позволили охарактеризовать их как *окаzionaliальные, формирующиеся* и *узусные* (Малыхина 2013, с.18-19).

По результатам нашего исследования в общей сложности выявлено шесть незафиксированных узусных семем, шесть узусных лексико-грамматических вариантов, две формирующиеся семемы и три формирующихся лексико-грамматических варианта. 14 семем и 33 лексико-грамматических варианта, выявленных в нашей выборке, были отнесены к *окаzionaliальным*.

Проведенное исследование продемонстрировало, что актуальная семантема не всегда соответствует лексикографической. Данные результаты позволяют с уверенностью говорить о наличии в языковом сознании носителей английского языка такого феномена как актуальная семантема.

Литература

1. Карпенко И.С. Национальная специфика семантем русской и английской адъективной лексики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2022.
2. Копыленко М.М. Очерки по общей фразеологии. – Воронеж, 1989.
3. Кривенко Л.А. Национальная специфика семантем русской и английской субстантивной лексики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2013.
4. Малыхина Н.И. Полисемия английского глагола: автореф. дис. ... филол. наук. – Воронеж, 2013.
5. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. – Воронеж, 1985.
6. Стернина М.А. Лексико-грамматическая полисемия в системе языка. – Воронеж, 1999.

Соматизмы в лексических ядрах славянских языков в сопоставительном аспекте

Аннотация: Статья посвящена анализу соматизмов, вошедших в параметрические ядра 14 славянских языков. Определено их количество, лингвопараметрический вес, выделены доминантные соматизмы. Использовано предложенное ранее деление соматизмов на тотальные и локальные, соматизмы верха, середины и низа. Показана представленность этих групп в ядрах славянских языков.

Ключевые слова: соматизм, славянские языки, параметрическое ядро лексики.

Abstract: The paper is devoted to the analysis of somatisms, which are included in the parametric cores of 14 Slavic languages. The number of somatisms and their linguoparametric weight are determined. The author proposes the division of somatisms into total and local, somatisms of the top, middle and bottom. The representation of these groups in the cores of the Slavic languages is shown.

Key words: somatism, Slavic languages, parametric core.

«Соматический, или телесный, код культуры – один из основных в классификации кодов по своей значимости во всех культурно-национальных картинах мира» (Гудков, Ковшова 2007, с. 115). В этой связи интересно выяснить, какую роль играет тело человека в формировании лексико-семантической системы языка. Под лексико-семантической системой понимается множество номинативных единиц, соотносенных с внеязыковой действительностью и связанных синтагматическими, парадигматическими, эпидигматическими связями в концентрически организованное целое.

Наилучшим образом особенности лексико-семантической системы языка отражаются в ее ядре, выделить которое можно с помощью параметрического анализа словаря (см. подробно об использовании метода в Меркулова 2018). В ядро попадают слова, имеющие высокие показатели системного веса на фоне всей лексики словаря. Размерность ядер при этом измеряется сотнями единиц (от 141 в верхнелужицком языке до 702 в словацком языке). Объектом нашего исследования будут лексико-семантические ядра 14 славянских языков. Предметом исследования – системная нагруженность лексических элементов, обозначающих телесность. В первую очередь, к таким лексемам относятся соматизмы. Данному исследованию предшествовала работа (Кретов, Меркулова 2023), которая обращалась к более широкому материалу – языковым данным государственных языков Европы. Используя введенную в ней терминологию, мы постарались вычленил славянский фрагмент и рассмотреть взаимосвязи славянских языков.

В понимании и трактовке соматизмов мы следуем за Г.Е. Крейдлиным (Крейдлин 2017), включая в рассмотрение «воображаемые» соматизмы:

рога, крылья, хвост и прочие части тела животного, иногда в различных контекстах приписываемые человеку.

Количество соматизмов, обнаруженных в ядрах славянских языков представлено в таблице 1.

Таблица 1

Количество соматизмов в ядрах славянских языков

№	ЯЗЫКИ	Кол-во соматизмов	% в ядре
1	Белорусский	12	2,2
2	Болгарский	8	5,2
3	Верхнелужицкий	6	4,2
4	Кашубский	7	1,8
5	Македонский	12	1,8
6	Нижнелужицкий	6	3,1
7	Польский	15	3,5
8	Русский	14	6,1
9	Сербский	10	3,2
10	Словацкий	12	1,7
11	Словенский	4	2,5
12	Украинский	10	3,3
13	Хорватский	11	3,2
14	Чешский	8	2,8

Как видим, соматизмы занимают в ядрах славянских языков в среднем около 3 % всей лексики, при этом наибольшую представленность они имеют в ядрах русского и болгарского языков (более 5%). Менее 2% занимает подобная лексика в ядрах македонского, словацкого и кашубского языков.

Какие же соматизмы входят в ядра лексики? Так, например, гипероним со значением “тело” встречается в лексико-семантических ядрах 6 языков (таблица 2).

Таблица 2

«Тело» и его вес в ядрах славянских языков

Язык	Лемма	Значение	Э-вес	П-вес	С-вес	Ф-вес	И-вес
МАК	тело	тело, организм	0,99419	0,98037	0,91352	0,92330	3,81138
МАК	труп	туловище; труп	0,98744	0,98037	0,91352	0,92330	3,80463
ПОЛ	ciało	тело; орган	0,93310	0,93410	0,87840	0,76360	3,50920
РУСС	тело	тело	0,98787	0,96881		0,96068	2,91736
УКР	тіло	тело		0,94771	0,96217	0,96890	2,87878
ХОРВ	trup	туловище	0,88568	0,91413		0,94005	2,73986
СЕР	тело	тело	0,84193	0,88600		0,89356	2,62149
СЕРБ	труп	туловище; тело	0,84193	0,88600		0,89356	2,62149

Можно заметить, что южнославянские языки различают живое и мертвое тело: ТЕЛО=туловище (сербский); ТЕЛО=организм (македонский); ТЕЛО=групп (македонский и – с учётом леммы – сербский и хорватский) и дублируют и тем самым усиливают значения, передавая их разными лексемами.

Набор соматизмов, представленных в ядрах славянских языков, позволяет увидеть черты сходства и различия на этом участке лексико-семантической системы. В таблице 3 приводится список соматизмов и указываются языки, в которых он представлен.

Таблица 3

Соматизмы в параметрических ядрах лексики славянских языков

Соматизм	Язык								
	болг	макед	серб	словен	хорват	вЛуж	пол	словац	чеш
Голова	болг	макед	серб	словен	хорват	вЛуж	пол	словац	чеш
Лицо	русс	бел	укр	болг	макед	хорв	чеш		
Нос	русс	бел	вл	болг	макед	нЛуж	каш		
Шея	болг	макед	хорв	вЛуж	каш	пол			
Горло	русс	бел	макед	серб	словен	пол			
Рот	бел	богл	макед	вЛуж	нЛуж	пол			
Рука	бол	макед	нЛуж	пол	каш	словац			
Спина	бел	мак	словен	пол	чеш	каш			
Плечо	бел	хорв	вЛуж	пол	словац				
Рог	бел	хорв	нЛуж	пол	чеш				
Ухо	бел	укр	словц	чеш					
Сердце	бел	укр	макед	словац					
Кожа	бол	макед	серб	словац					
Нога	серб	хорв	каш	словац					
Бок	серб	нЛуж	пол	чеш					
Кровь	русс	нЛуж	словен						
Грудь	русс	пол	макед						
Жила	русс	бел	укр						
Кость	бел	каш	словац						
Пятка	хорв	словац	чеш						

Все оставшиеся соматизмы являются эксклюзивами, т.е. представляют собой уникальные лексические смыслы, общие только для какой-то одной пары языков) (Кретов, Воевудская, Титов 2015) или уникалиями, т.е. значениями, имеющимися в ядре какого-либо одного языка (Меркулова 2012). Так, 'глаз' объединяет ядра русского и болгарского языков, 'горб' – русского и македонского, 'лоб', 'стопа' – русского и польского, 'член' – белорусского и верхнелужицкого, 'шишка' – украинского и польского, 'жир' – болгарского и словацкого, 'живот' – русского и сербского, 'зад' – хорватского и словацкого, 'ноготь' – сербского и хорватского. Уникальными в ядрах являются соматизмы: 'шкура' (украинский),

‘затылок’, ‘хвост’, ‘зуб’ (болгарский), ‘крыло’ (сербский), ‘мясо’ (хорватский), ‘висок’ (кашубский), ‘подмышка’ (польский), ‘палец’ (словацкий).

Наибольшую представленность имеет соматизм ‘голова’, вошедший в ядра сразу 9 языков. Следующие позиции занимает ‘лицо’ и ‘нос’, объединяющие ядра 7 языков. Посмотрим, сохранится ли такое положение при учете параметрического веса слов с этими значениями в системе.

Каждый соматизм характеризуется двумя величинами: 1) количеством языков, в котором он представлен и 2) суммарным параметрическим весом (И-весом в этих языках). Умножение этих величин позволяет учесть их обе и ранжировать соматизмы по их произведению, которое мы будем называть ЛингвоПараметрическим весом (сокращённо – ЛП-вес). Данные приводятся в таблице 4.

Таблица 4

Стратификация соматизмов в славянских языках по ЛП-весу

Количество языков	Соматизм	И-вес	ЛП-вес
9	голова	27,62	248,6
7	лицо	22,99	160,93
7	нос	21,54	150,78
6	горло	17,12	102,72
6	рот	17,1	102,6
6	рука	16,64	99,84
6	спина	16,34	98,04
6	шея	15,87	95,22
5	рог	14,72	73,6
5	плечо	13,56	67,8
4	сердце	12,24	48,96
4	бок	12,19	48,78
4	кожа	12,12	48,48
4	ухо	11,55	46,2
4	нога	11,14	44,56
3	жила	10,05	30,15
3	кровь	9,48	28,44
3	грудь	9,33	27,99
3	пятка	8,49	25,47
3	кость	7,96	23,88

Таким образом, самым значимым соматизмом для славянских языков является *голова*. Многим культурам свойственно восприятие головы как наиболее значимой, жизненно важной части тела. Несомненно, это связано и с прямохождением человека, при котором голова оказывается ещё и высшей частью тела. Голова всегда воспринимается как средоточие разума и мысли. Голова – это и сама жизнь, а ее лишение – это смерть. Голова управляет *руками* и *ногами*, которые в такой естественной

последовательности располагаются и по показателям ЛП-веса. Удивляет преобладание *носа* над *глазами*, которые вообще оказались в числе эксклюзем и входят только в ядра русского и болгарского языков. Также отмечается высокий вес одного из соматизмов, характерных для животных – это *рог*, очевидно, из-за особой значимости рогатого скота в хозяйственной жизни славян.

Системно весомые соматизмы славянских языков прежде всего делятся на тотальные (относительно равномерно распределённые по всему телу: *кожа* – снаружи; *кости, кровь, кровеносные сосуды, жилы* – внутри) и локальные (все остальные), а также на семиотически важные 3 части – верх, середина и низ. К зоне верха относятся: *голова, рот, нос, лицо, глаз, ухо, горло, зуб, лоб*. К зоне середины относятся: *рука, шея, грудь, спина, бок, сердце, горб, плечо, живот, нутро*. К зоне низа относятся: *нога, пятка, зад. Палец и ноготь* могут быть локализованы одновременно и в середине, и внизу. Тотальные соматизмы не локализованы.

Соматизм, имеющий максимальный вес среди других соматизмов, можно считать доминантным. По ним славянские языки объединяются в группы. Восточнославянские языки и болгарский язык имеют общую доминанту – '*лицо*', македонский, сербский, словенский, хорватский, верхнелужицкий, польский, словацкий и чешский – '*голова*', кашубский, нижнелужицкий – '*рука*'. Таким образом, ни один из соматизмов зоны низа не входит в число доминантных в каком-либо славянском языке и ни один из доминантных соматизмов не входит в число уникальных.

Литература

1. Гудков Д.Б., Ковшова М.Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. – М., 2007.
2. Крейдлин Г.Е. Семиотическая концептуализация тела и телесности: признаки соматических объектов и значения признаков // Вестник Кыргызско-Российского Славянского Университета. – Т. 17. – 2017. – С. 128-134.
3. Кретов А.А., Воевудская О.М., Титов В.Т. Ментальное членение языков Европы в зеркале эксклюзем // Политическая лингвистика. – 2015. – № 3. – С. 32-41.
4. Меркулова И.А. Лексическая нуклеология славянских языков: дисс....док. филол.наук. – Тверь, 2018.
5. Меркулова И.А. Уникальное в лексических ядрах славянских языков // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2012. – № 1. – С. 160-164.
6. Кретов А.А., Меркулова И.А. Системообразующие возможности соматизмов в языках Европы // Грани естественного языка и кинесики: сб. статей к 75-летию Григория Ефимовича Крейдлина. – Москва: Дискурс, 2023. – С. 180-191.

Контрастивный анализ лексемы «воин» в русском и английском языках

Аннотация: В статье представлен сопоставительный анализ русской лексемы «воин» с ее переводными соответствиями в английской лингвокультуре с позиций контрастивной лингвистики.

Ключевые слова: семантика, индекс денотативной идентичности, контрастивные пары.

Abstract: The paper presents a comparative analysis of the Russian lexeme "voин" with its translational correspondences in the English linguistic culture from the standpoint of contrastive linguistics.

Key words: voин, semantics, index of denotative identity, contrastive pairs.

Данная работа написана в русле сопоставительного языкознания, «лингвистического направления, призванного изучить одноимённые языковые микросистемы (поля) в разных языках» (Стернина 2006, с.12).

Цель исследования – осуществить контрастивное описание лексемы «воин» в русском и английском языках для выявления различий в их семантике и употреблении. Исследование проводилось традиционным способом, разработанным научной школой под руководством И.А. Стернина. В качестве основного метода использован сопоставительно-параметрический метод (Стернина 2014). На первом этапе была определена ключевая лексема в исходном языке (в нашем случае, лексема «воин») и составлен список всех возможных векторных соответствий в английском языке и их семное описание. Жирным курсивом обозначены семы иноязычного соответствия, которые не совпадают с семами исходного слова. Отсутствующие семы русского соответствия приводятся с пометкой *отс.* и обозначаются жирным шрифтом.

Лексема «воин» является общеславянским словом, образованным от корня «вои» при помощи суффикса «инь». Анализ толковых словарей позволил выделить следующие семы:

ВОИН – лицо, несет военную службу, сражается с врагом, воюет, обладает опытом в военном деле, обладает воинскими качествами.

одобрительное, высокое.

книжное, общеупотреб., современное, общераспростр., употреб.

На основании анализа русско-английского словаря «Мультитран» было выявлено 27 векторных соответствий лексеме «воин» в английском языке. Далее приводится их семное описание и попарное сравнение с лексемой «воин».

SOLDIER – лицо, *рядового состава*, несет военную службу; *отс. сражается с врагом, воюет, обладает опытом в военном деле, обладает воинскими качествами.*

неоценочное, неэмоциональное

межстилевое, общеупотреб., соврем., общераспр., употреб.

FIGHTER – лицо, сражается, *борется, сопротивляется*, обладает воинскими качествами; *отс. с врагом, воюет, обладает опытом в военном деле.*

неоценочное, незмоциональное

межстилевое, общеупотреб., соврем., общераспр., употреб.

COMBATANT – лицо, *группа, народ, страна*, сражается с врагом, воюет; *отс. несет военную службу, обладает опытом в военном деле, обладает воинскими качествами.*

неоценочное, незмоциональное

межстилевое, общеупотреб., соврем., общераспр., употреб.

BATTLER – лицо, сражается с врагом, воюет, *борется за существование, сопротивляется*, обладает воинскими качествами, обладает опытом в военном деле; *отс. несет военную службу.*

неоценочное, незмоциональное

межстилевое, общеупотреб., соврем., общераспр., *малоупотреб.*

WARRIOR – лицо, сражается с врагом, воюет, обладает воинскими качествами, обладает опытом в военном деле; *отс. несет военную службу.* одобрительное, высокое.

книжное, общеупотреб., общераспр., соврем., *малоупотреб.*

COMBATER – лицо, сражается с врагом, воюет, *за победу*; *отс. несет военную службу, обладает опытом в военном деле, обладает воинскими качествами.*

неоценочное, незмоциональное

межстилевое, общеупотреб., соврем., общераспр., *малоупотреб.*

MAN-OF-WAR – лицо, сражается с врагом, воюет, несет военную службу, обладает опытом в военном деле; *отс. обладает воинскими качествами.*

одобрительное, эмоциональное

межстилевое, общеупотреб., *устар., шутливое, малоупотреб.*

WARFARER – лицо, сражается с врагом, воюет, обладает воинскими качествами, обладает опытом в военном деле; *отс. несет военную службу.*

неоценочное, незмоциональное

книжное, общеупотреб., соврем., общераспр., *малоупотреб.*

EARL – лицо, *обладает титулом графа, имеет аристократическое происхождение, имеет высокий социальный статус*, сражается с врагом, воюет, обладает воинскими качествами, обладает опытом в военном деле; *отс. несет военную службу.*

неоценочное, незмоциональное

книжное, общеупотреб., *устар., юридическое, малоупотреб.*

SERVICEMAN – лицо, несет военную службу, *обслуживает оборудование*; *отс. сражается с врагом, воюет, обладает опытом в военном деле, обладает воинскими качествами.*

неоценочное, незмоциональное

межстилевое, общееупотреб., соврем., общераспр., малоупотреб.

CHAMPION – лицо, сражается, *поддерживает, защищает людей, защищает права, защищает убеждения, защищает принципы*; отс. несет военную службу, с врагом, воюет, обладает опытом в военном деле, обладает воинскими качествами.

неоценочное, незмоциональное

межстилевое, общееупотреб., соврем., общераспр., малоупотреб.

CAMPAIGNER – лицо, несет военную службу, сражается с врагом, воюет, обладает опытом в военном деле, обладает воинскими качествами, *бывалое, участвует в военной кампании, ветеран.*

неоценочное, незмоциональное

межстилевое, общееупотреб., соврем., общераспр., малоупотреб.

WARMONGER – лицо, *наемное, сторонник войны, разжигает войну, милитарист*, несет военную службу, сражается с врагом, воюет, обладает опытом в военном деле, обладает воинскими качествами.

неодобрительное, уничижительное

разговорное, общееупотреб., соврем., общераспр., малоупотреб.

WARCRIPPLE – лицо, несет военную службу, сражается с врагом, воюет, обладает опытом в военном деле, обладает воинскими качествами, *получившее увечья.*

неоценочное, незмоциональное

разговорное, общееупотреб., соврем., общераспр., малоупотреб.

BERSERK – лицо, сражается с врагом, воюет, обладает воинскими качествами, *бесстрашное, неуязвимое*; отс. несет военную службу, обладает опытом в военном деле.

одобрительное, восхитительное

разговорное, общееупотреб., устар., скандинавск, малоупотреб.

CONDOTTIERE – лицо, несет военную службу, сражается с врагом, воюет, обладает опытом в военном деле, обладает воинскими качествами, *наемное, руководит группой наемных воинов.*

неоценочное, незмоциональное

межстилевое, общееупотреб., соврем., общераспр., малоупотреб.

FREE LANCE – лицо, несет военную службу, сражается с врагом, воюет, обладает опытом в военном деле, обладает воинскими качествами, *наемное, преследует цели наживы.*

неоценочное, незмоциональное

межстилевое, общееупотреб., устар., общераспр., малоупотреб.

WARRIORESS – лицо, *женского пола*, сражается с врагом, воюет, обладает воинскими качествами, отс. несет военную службу, обладает опытом в военном деле.

одобрительное, высокое

книжное, общееупотреб., устар., общераспр., малоупотреб.

WAR DOG – лицо, несет военную службу, сражается с врагом, воюет, обладает *большим* опытом в военном деле, обладает воинскими качествами, *закаленное, преданное, агрессивное.*

неоценочное, незмоциональное

сниженное, общеупотреб., соврем., общераспр., *малоупотреб.*

WAR HORSE – лицо, *преклонного возраста, долго* несет военную службу, сражается с врагом, воюет, обладает *большим* опытом в военном деле, обладает *высокими* воинскими качествами.

одобрительное, *уважительное*

сниженное, общеупотреб., соврем., общераспр., *малоупотреб.*

VETERAN – лицо, несет военную службу, сражается с врагом, воюет, обладает опытом в военном деле, обладает воинскими качествами, *в прошлом.*

неоценочное, незмоциональное

межстилево, общеупотреб., соврем., общераспр., *употреб.*

PEACEKEEPER – лицо, несет военную службу, обладает опытом в военном деле, обладает воинскими качествами, *поддерживает мир, устанавливает мир, в других странах, между народами*; отс. сражается с врагом, воюет.

неоценочное, незмоциональное

межстилево, общеупотреб., соврем, общераспр., *употреб.*

COUCH POTATO, BACKSEAT DRIVER, CHICKEN HAWK, ARMCHAIR GENERAL, SOCIAL JUSTICE WARRIOR – лицо, сражается с врагом, воюет, *призывает к активным действиям, виртуально, при помощи соцсетей*; отс. несет военную службу, обладает опытом в военном деле, обладает воинскими качествами.

неодобрительное, уничижительное

сниженное, общеупотреб., соврем., общераспр., *употреб.*

Для определения наилучшего переводного соответствия применим индексы денотативной, коннотативной и функциональной идентичности и выведем интегральный индекс идентичности лексем (Лукина 2008). Результаты индексной оценки представлены в таблице.

№ п /п	Наименование индекса Контрастив- ные пары	Индекс денотатив- ной иден- тичности	Индекс коннотатив- ной иден- тичности	Индекс функцио- нальной идентич- ности	Интеграль- ный индекс идентичност и лексем
		%	%	%	%
1	воин – soldier	29	0	80	36
2	воин – fighter	38	0	80	39
3	воин – combatant	33	0	80	38
4	воин – battler	63	0	60	41
5	воин – warrior	83	100	80	88

6	воин – combater	43	0	60	34
7	воин – man-of-war	83	100	20	68
8	воин – warfarer	83	0	80	54
9	воин – earl	56	0	40	32
10	воин – serviceman	29	0	60	30
11	воин – champion	13	0	60	24
12	воин – campaigner	67	0	60	42
13	воин – warmonger	60	0	60	40
14	воин – warcripple	86	0	60	49
15	воин – berserk	50	50	20	40
16	воин – condottiere	75	0	60	45
17	воин – free lance	75	0	60	45
18	воин – warriress	57	100	60	60
19	воин – war dog	61	0	60	40
20	воин – war horse	79	50	60	63
21	воин – veteran	86	0	60	49
22	воин – peacekeeper	40	0	60	33
23	воин – couch potato	33	0	60	31
24	воин – backseat driver	33	0	60	31
25	воин – chicken hawk	33	0	60	31
26	воин – armchair general	33	0	60	31
27	воин – social justice warrior	33	0	60	31

Из приведенной таблицы очевидно, что полного эквивалента лексеме «воин» в английском языке нет, но ближайшим переводным соответствием является лексема «warrior», так как интегральный индекс идентичности между этими лексемами составляет более 80%. Близкими соответствиями, попадающими в диапазон от 60 до 80 %, являются контрастивные пары воин – man-of-war, воин – warriress и воин – war horse. При этом, лексема «man-of-war» является устаревшей и имеет шутивную эмоциональность, а «war horse» употребляется при неформальном общении. Все остальные лексемы, предлагаемые словарем «Мультитран» в качестве переводных эквивалентов, относятся к дальним соответствиям.

Литература

1. Лукина Л.В. Национальная специфика семантики слова и проблема межязыковой семантической эквивалентности (на материале наименований речевых событий в русском и английском языках): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2008.
2. Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. – М.: Восток-Запад, 2006.
3. Стернина М.А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований. – Воронеж: «Истоки», 2014.

Список фактических источников

1. Gufo.me – словари и энциклопедии. [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/search> (дата обращения 03.12.24)
2. Collins English Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english> (дата обращения: 07.12.24).
3. Cambridge Free English Dictionary and Thesaurus [Электронный ресурс] <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/> (дата обращения 15.12.2024)
4. Oxford Learner's Dictionaries [Электронный ресурс] <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения 15.12.2024)
5. Мультитран. Русско-английский словарь [Электронный ресурс]. URL <https://www.multitrans.com/m.exe?l1=1&l2=2&s=воин> (дата обращения 10.12.2024)

Н.А. Пороткова

Использование сопоставительно-параметрического метода для рассмотрения семантического развития эквивалентных лексем

Аннотация: В статье на примере лексем *дождь* – *rain* показываются возможности сопоставительно-параметрического метода для рассмотрения национальных особенностей семантического развития эквивалентных лексем в русском и английском языках.

Ключевые слова: семантическое развитие, семантический признак, уровень семантического развития, национальная специфика.

Abstract: At the example of lexemes *дождь* – *rain* the paper shows the possibilities of the comparative parametric method for considering national specificity of the semantic development of equivalent lexemes in Russian and English.

Key words: semantic development, semantic feature, level of semantic development, national specificity.

Предлагаемая статья посвящена описанию возможностей использования сопоставительно-параметрического метода лингвистических исследований (Стернина 2014, с.3-8) для рассмотрения национальных особенностей семантического развития эквивалентных лексем в русском и английском языках. В качестве примера рассматриваются лексемы *дождь* и *rain*, эквивалентные в своих основных значениях.

Как показало исследование, семантическое развитие лексем *дождь* и *rain* прослеживается на трех уровнях: семемном, словообразовательном и фразеологическом.

Семантема лексемы *дождь* в русском языке включает четыре семемы: семему Д1 «атмосферное явление в виде водяных капель, падающих с неба в различном количестве» (*На улице дождь.* – Ю. Пешкова), семему Д2 «блестящие длинные нити из металла для украшения елки», семему К1 «множество, обилие, большое количество чего-либо сыплющегося, падающего» (*Целый дождь цветов сыпался на победителей.* –

Л.А. Чарская) и семему K1n/adv «большое количество, обилие/ в знач. нареч. дождем обильным потоком, во множестве» (...из тьмы, из неизвестности человек попадал под дождь славы, почёта, силы. – В. Гроссман).

В процессе исследования нами были выделены семантические признаки, релевантные для развития производных семантических единиц. Для семантического развития значения лексемы *дождь* внутри семантемы релевантными являются следующие семантические признаки: *большое количество* (семема K1n/adv «большое количество, обилие/ в знач. нареч. дождем обильным потоком, во множестве», семема K1 «множество, обилие, большое количество чего-либо сыплющегося, падающего»), *форма природного явления* (семема D2 «блестящие длинные нити из металла для украшения елки»).

По данным проведенного исследования лексема *дождь* является основой словообразовательного гнезда, включающего одиннадцать лексем. Семантическими признаками, релевантными для развития значения словообразовательного гнезда, оказываются следующие: *природное явление* (дождевой – с дождем, дождить – разг. дождь идет, задождить – разг. начаться дождю, дожденосный/ дождеродный – приносящий, рождающий дождь), *природное явление* и *большое количество* (дождемер – прибор для измерения дождя, дождливый – с частыми и обильными дождями), *благоприятное воздействие природного явления* (дождевание – искусственное орошение путем разбрызгивания воды с помощью специальных машин, дождевальн^{ый} – предназначенный, служащий для дождевания), *защита от природного явления* (дождевик – плащ), *форма природного явления* (дождина – большая дождевая капля).

Лексема *дождь* входит в состав одиннадцати фразеологических единиц. Семантические признаки, являющиеся основой фразеологического переноса, следующие: *природное явление* и *большое количество* (дождь льет как из ведра – обильный дождь), *большое количество* (сухой дождь – пыль в воздухе, золотой дождь – большие денежные средства, звездный дождь – «падение» звезд в небе), *неожиданность / внезапность проявления природного явления* (либо дождь, либо снег, либо будет, либо нет – неизвестно и невозможно предсказать, на одном часу и снег, и дождь – о событиях, происходящих одновременно, после дождичка в четверг – никогда), *неблагоприятное воздействие природного явления* (после дождичка даст Бог солнышко – надеяться в трудные дни на перемены, дождик вымочит, а красно солнышко высушит – о надежде на лучшее в тяжелые времена), *благоприятное воздействие природного явления* (будет дождичек, будут и грибки; а будут грибки, будет и кузовок – о благоприятном исходе чего-либо, было бы ненастью, да дождь помешал – что-то, что предупреждает неблагоприятное событие).

Как видим, семантическое развитие лексемы *дождь* осуществляется на трех уровнях семантического развития: семемном, словообразовательном и фразеологическом. Однако представленность этих уровней различна. Для определения репрезентативности каждого уровня развития семантики слова был использован введенный нами в рамках сопоставительно-параметрического метода *индекс представленности уровня семантического развития слова* (Портнихина 2011, с.46). Индекс представленности семемного уровня семантического развития слова для лексемы *дождь* оказался равным 12%, индекс представленности словообразовательного уровня семантического развития слова и индекс представленности фразеологического уровня семантического развития слова оказались одинаковыми и равными 44%. Данные показатели свидетельствуют, что семантическое развитие лексемы *дождь* преимущественно осуществляется на словообразовательном и фразеологическом уровнях.

Согласно исследованию, только один семантический признак – *большое количество* – релевантен для всех трех уровней семантического развития слова; остальные признаки мотивируют развитие слова либо на двух уровнях, либо только на одном.

Для определения важности семантического признака в развитии семантики слова также представилось целесообразным применить введенный в рамках сопоставительно-параметрического метода *индекс продуктивности семантического признака* (Портнихина 2011, с.47). Индексы продуктивности семантических признаков лексемы *дождь* оказались следующими: *большое количество* (32%), *природное явление* (32%), *благоприятное воздействие природного явления* (16%), *неожиданность / внезапность проявления природного явления* (12%), *неблагоприятное воздействие природного явления* (8%), *форма природного явления* (8%), *защита от природного явления* (4%).

Семантема лексемы *rain* в английском языке включает шесть семем: семему D1n/v «атмосферное явление в виде водяных капель, падающих с неба с различной частотой/ идти такому атмосферному явлению» (*The rain had almost stopped.* – R.Rendell) / *It rained on days when they needed sun.* – H. Dustin), семему D2n «физ. поток (электронов)», семему D2n/v «горн. капез/ горн. капать», семему K1n «кино «дождь», царапины на изношенных фильмах», две семемы K1n/v: «множество чего-либо падающего, сыплющегося/ сыпать, падать в большом количестве» (*Unable to get to our treasure, they were decimated by the rain of bolts our forebears showered down on them from the tower of this church.* – Tomorrow. E. Taylor), «множество, обилие чего-либо/ возникать в большом количестве, осыпать» (...*a rain of diamonds...*(The diamond waterfall) / *With a sound that was half-laugh and half-sob, she began to rain kisses on his ashen face* – (M. Sunley).

Для семантического развития значения лексемы *rain* внутри семантемы релевантными являются следующие семантические признаки: *большое количество* (семемы K1n/v «множество, обилие чего-либо/ возникать в большом количестве, осыпаться», «множество чего-либо падающего, сыплющегося / сыпать, лить, падать в большом количестве», семема Д2п «физ. поток (электронов)»), *большое количество* и *форма природного явления* (семема K1n «кино «дождь», царапины на изношенных фильмах»), *форма природного явления* и *влага* (семема Д2п/v «горн. капеж/ горн. капать»).

По данным проведенного исследования лексема *rain* является основой словообразовательного гнезда, включающего двадцать семь лексем. Семантическими признаками, релевантными для развития словообразовательного гнезда, оказываются следующие: *природное явление* (*rainy* – с дождем, дождливый, *rain-glass* – барометр, *rain-dance* – танец, заклинания для вызова дождя, *rain-maker* – специалист по искусственному вызыванию дождя, колдун, *rainless* – засушливый), *природное явление* и *большое количество* (*rainforest* – тропический лес, *rainfall* – ливень, *rain-gauge* – дождемер, *rainhead* – количество осадков, *rain-map* – карта осадков), *интенсивность проявления природного явления* (*rain-storm* – буря с сильным дождем), *форма природного явления* (*rain-drop* – капля дождя, *rain-mark* – след дождевой капли, *rain-pit* – след дождевой капли), *защита от природного явления* (*rain-cap* – непромокаемый головной убор, *rain-coat* – плащ, *rain-proof* – непромокаемый, *rain-tight* – непромокаемый, *rainwear* – непромокаемая одежда, *rain-pipe* – водосточная труба), *воздействие природного явления* (*rain-worm* – дождевой червь, *rainbow* – радуга, *rain-water* – дождевая вода, *rain-wash* – вымытый дождем, *raincrop* – неорошаемая сельскохозяйственная культура), *неблагоприятное воздействие природного явления* (*rain-check* – корешок билета на стадион, дающий право прийти на игру, перенесенную из-за дождя, *rainout* – мероприятие, перенесенное из-за дождя).

Данная лексема входит в состав двенадцати фразеологических единиц. Семантические признаки, являющиеся основой фразеологического переноса, следующие: *природное явление* и *большое количество* (*the rain comes down in torrents* – льет как из ведра, *it rains cats and dogs* – льет как из ведра), *благоприятное воздействие природного явления* (*small rain lays great dust* – мал золотник, да дорог, *to be as right as rain* – чувствовать себя вновь здоровым после болезни или травмы), *неблагоприятное воздействие природного явления* (*rain or shine* – что бы то ни было, *rain on smb's parade* – испортить что-то кому-то, *to get out of the rain* – избежать неприятности, *to be caught in the rain* – попасть под дождь, быть застигнутым дождем, *not to know enough when it rains* – плохо соображать, быть тупицей, *rain off* – помешать чему-либо (о дожде),

after rain comes fair weather/ sunshine – после ненастья солнышко, надеяться на лучшее в плохие времена), **интенсивность проявления природного явления** и **неблагоприятное воздействие природного явления** (**it never rains but it pours** – беда не приходит одна).

Как видим, аналогично лексеме **дождь**, семантическое развитие лексемы **rain** осуществляется на трех уровнях семантического развития: семемном, словообразовательном и фразеологическом. Однако, представленность этих уровней, как и у русского эквивалента, различна. Так, индекс представленности семемного уровня семантического развития слова для лексемы **rain** – 11,4%, индекс представленности словообразовательного уровня семантического развития слова – 61,3%, а индекс представленности фразеологического уровня семантического развития слова – 27,3%. Как видим, семантическое развитие лексемы **rain** в основном происходит на словообразовательном уровне.

Как показывают результаты исследования, один семантический признак – **большое количество** – релевантен для всех трех уровней семантического развития слова, а остальные релевантны либо для двух уровней, либо для одного. Индексы продуктивности перечисленных семантических признаков оказываются равными: **природное явление** (27,3%), **большое количество** (25%), **неблагоприятное воздействие природного явления** (22,7%), **защита от природного явления** (13,6%), **форма природного явления** (11,4%), **воздействие природного явления** (11,4%), **благоприятное воздействие природного явления** (4,5%), **интенсивность проявления природного явления** (4,5%), **влага** (2,3%).

Анализ показал, что семантическое развитие данных лексем мотивируют шесть одноименных семантических признаков: **природное явление**, **благоприятное воздействие природного явления**, **неблагоприятное воздействие природного явления**, **большое количество**, **защита от природного явления**, **форма природного явления**.

Для характеристики степени проявления национальной специфики семантического развития сравниваемых лексем с точки зрения продуктивности одинаковых семантических признаков мы использовали еще один введенный нами в рамках сопоставительно-параметрического метода параметр – **совокупный индекс продуктивности одноименных семантических признаков** (Портнихина 2011, с.47). Для лексемы **дождь** этот индекс оказался равен 100%, для лексемы **rain** – 104,5%.

Сравнение семантических признаков развития лексем **дождь** и **rain** в русском и английском языках показало, что каждая лексема обладает эндемичными семантическими признаками, не характерными для развития значений другой лексемы. Так, для развития значения лексемы **дождь** в русском языке характерен семантический признак **неожиданность / внезапность проявления природного явления**, для развития значения лексемы **rain** в английском языке – семантические признаки

интенсивность проявления природного явления, воздействие природного явления, влага.

Для оценки продуктивности эндемичных семантических признаков нами был использован *совокупный индекс продуктивности эндемичных семантических признаков* (Портнихина 2011, с.47). Для лексемы *дождь* его значение составило 12%, для лексемы *rain* – 18,2%.

Чтобы сделать окончательный вывод о степени проявления национальной специфики семантического развития сопоставимых лексем русского и английского языков, нами был использован *интегральный индекс национально-специфических различий семантического развития сопоставимых лексем*, определяемый как среднее арифметическое представленной в процентах разницы в показателях значений всех формализованных параметров, использованных для определения национальной специфики семантического развития сравниваемых слов, а также *шкала степени проявления национальной специфики семантического развития сопоставимых лексем*.

Полученное для лексем *дождь* и *rain* значение интегрального индекса национально-специфических различий оказалось равным 9,06%, что согласно используемой нами шкале свидетельствует о том, что различия в семантическом развитии рассмотренных лексем являются **заметными**.

Таким образом, с помощью сопоставительно-параметрического метода и введенных в его рамках формализованных параметров и шкалы оказалось возможным сделать обоснованные выводы о степени проявления национальной специфики семантического развития лексем русского и английского языков. Представляется, что применение описанной методики будет продуктивно при рассмотрении семантического развития любых пар сопоставимых наименований разных языков.

Литература

1. Портнихина Н.А. Национальная специфика семантического развития слова (на материале наименований природных явлений и небесных тел в русском и английском языках): дис. канд. филол. наук. – Воронеж, 2011.
2. Стернина М.А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2014.

К.О. Селезнева

Образованный человек и Образованные люди: сопоставительный аспект

Аннотация: В статье рассматриваются представления об образованном человеке и об образованных людях, полученные на материале примеров употребления данных словосочетаний в Национальном корпусе русского языка. Получено лингвокультурологическое описание образов образованного человека и образованных людей в русской языковой картине мира.

Ключевые слова: языковое сознание, Национальный корпус русского языка, структурные компоненты значения, языковая картина мира.

Abstract: The paper examines the ideas about an educated person and educated people, obtained from examples of the use of these phrases in the National Corpus of the Russian language. A linguistic and cultural description of the images of an educated person and educated people in the Russian linguistic worldview is obtained.

Key words: linguistic consciousness, National Corpus of the Russian Language, structural components of the meaning, linguistic worldview.

Целью настоящей статьи является сопоставление семантики словосочетаний *Образованный человек* и *Образованные люди* и соответствующих языковых образов. Названные словосочетания не случайно выбраны для исследования. По справедливому замечанию Е.В. Павловой, «реформирование системы высшего образования в России, продолжающееся и сегодня, порождает множество вопросов у всех её субъектов» (Павлова 2016). Очевидно, что само содержание понятия «образованность» является достаточно неопределённым для большего числа субъектов образовательного процесса.

Данная статья представляет собой часть комплексного исследования лексики в сфере образования, воспитания и обучения в русском языковом сознании не только на основе словарных (Селезнева 2019; Селезнева 2021a), экспериментальных (Селезнева 2021b; Морозова, Селезнева 2023), но и (как в нашем случае) – текстовых данных. Нами были использованы примеры из основного Национального корпуса русского языка, относящиеся к периоду 2000–2022 гг. (500 контекстов).

Анализ примеров употребления словосочетаний *Образованный человек* и *Образованные люди* позволил выделить ряд компонентов, которые входят в семантическую структуру значения названных словосочетаний. В связи с ограниченным объёмом статьи приведем только по одному примеру употребления данного словосочетания из НКРЯ.

Образованный человек

250 контекстов

1. Обладающий обширными, разносторонними знаниями (88¹).

Он твердо убежден, что смысл и глубину красоты невозможно постичь, мало зная и не будучи *образованным человеком*. [Александра Маринина. Последний рассвет (2013)].

2. Имеющий собственную точку зрения (32).

Понимаешь, мне, как *человеку образованному*, больше невозможно жить в этой стране. [Михаил Тюркин. Всемирный спор «ватников» и «креаклов» (20.08.2016) // 2016].

3. Получивший образование (25).

Пан Матиаш был *образованным человеком*, он учился в столице. [Мария Галина. Солнцеворот (2013)].

¹ В скобках обозначено общее количество зафиксированных в выборке из НКРЯ примеров

4. Умный, мыслящий (14).

По воспоминаниям родственников, он был хорошо *образованным человеком*, мудрым, культурным, вежливым и необычайно добрым. [Александр Бунин. Бунины в жизни Уфимского края // «Бельские просторы», 2013].

5. Культурный (13).

Новый *человек* – культурный, *образованный*, он участвует в общественной жизни и управлении государством. [В. О. Авченко. Фадеев (2017)].

6. Специалист в какой-либо области (10).

Я с интересом прочту любую рецензию, пусть даже критическую, но написанную профессиональным и *образованным человеком*. [Юрий Башмет. Вокзал мечты (2003)].

7. Читающий (10).

И, хотя в религиозном плане герой Бутова был *образованным* и начитанным *человеком*, в целом его отношение к религии весьма ироничное. [Ольга Хегай. «Человек-капсула» в постсоветской литературе // «Октябрь», 2013].

8. Обладающий нравственными качествами (8).

Говорили о Хаттабе как о душевном, благородном и *образованном человеке*. [П. В. Жеребцова. Дневник (2002)].

9. Воспитанный (7).

Это был *образованный*, воспитанный *человек*, который не причинял никаких беспокойств. [А. А. Тахо-Годи. Жизнь и судьба: Воспоминания (2009)].

10. Обладающий творческими способностями (7).

Прекрасно *образованный* молодой *человек* с бойким пером мог бы покормить себя публицистикой. [Константин Мильчин. Чекисты с лицами бомжей // «Русский репортер», № 43 (122), 12-19 ноября 2009].

11. Разбирающийся в искусстве (6).

Считается, что *образованный человек* должен разбираться в живописи и литературе, но почему-то не в минералогии, палеонтологии или технике. [В. О. Авченко. Кристалл в прозрачной оправе. Рассказы о воде и камнях (2015)].

12. Толерантный (5).

Для него, *образованного человека*, нет разницы между христианским пасторством и деятельностью языческих волхвов и вождей, он сравнивает православных батюшек со жрецами Ваала и Перуна. [И. А. Забежинский. «Грязен, неряха, груб, глуп и, наверное, пьяница... Боже мой, и это священник!» // Православие и мир (pravmir.ru) (07.11.2015)].

13. Учёный / занимающийся наукой (5).

Отец Шаши был *образованным человеком* – без пяти минут профессор. [Захар Прилепин. Санька (2006)].

14. Интеллигентный, человек умственного труда (4).

Образованный... интеллигентный... человек... [Татьяна Соломатина. Девять месяцев, или «Комедия женских положений» (2010)].

15. Занимающийся саморазвитием (2).

Но *образованный человек* – это *человек*, прежде всего ценящий, как я уже говорил, продолжение собственного развития, общение с людьми своего круга. [Владислав Иноземцев, Ирина Прусс. Проблемы для нас, наших детей и внуков // «Знание — сила» (2003)].

16. Не обладающий необходимыми практическими навыками (2).

У нас по-прежнему *образованный человек* зачастую не умеет не только обращаться с простейшими техническими приборами, но и просто держать в руках инструменты. [Г. В. Андреевский. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1920-1930-е годы (2008)].

17. Суеверный, боязливый (2).

Каждый уважающий себя *образованный человек* носит магнитный браслет от сглаза, надевает, когда у него радикулит, магнитный пояс, делает себе проверку черепа магнитно-резонансным методом, сбрасывает торсионную энергию на ауру или, наоборот, исключительно магнитным способом. [Михаил Вартбург. О поле, поле... // «Знание - сила» (2006)].

18. Грамотный (1).

Это был, как и многие его сверстники, яркий, смелый, предприимчивый, но чертовски плохо *образованный человек*, влюбленный в журналистику и гордый тем, что ему доверена «самая большая политика». [Борис Грищенко. Посторонний в Кремле (2004)].

19. Обладающий вкусом, стильный (1).

Конечно, сразу лезет в голову мысль, что стильным бедняком может быть только *человек образованный*, но мы ее отгоним. [Евгения Пищикова. Пятиэтажная Россия (2007) // «Русская Жизнь», 2008].

20. Обладающий индивидуальностью (1).

Он был, пожалуй, единственным *образованным*, интеллигентным *человеком* в аппарате, изобилующем посредственностями. [Соломон Могилевский. «Реквием музею» (2003) // «Вестник США», 10.12.2003].

В контексте актуализируется не один компонент значения / Недостаточный контекст (7).

Был ли у него комплекс недостаточно *образованного человека*? [Юрий Лепский. В поисках Бродского // «Дальний Восток», 2019].

Образованные люди

250 контекстов

1. Обладающий обширными, разносторонними знаниями (76).

Когда меня пригласили в Белый дом, Артур несколько часов терпеливо растолковывал мне смысл власти: «Отцы нашей демократии, создатели Декларации были глубоко *образованными людьми*, блестяще знали латынь, римское право». [И. Н. Вирабов. Андрей Вознесенский (2015)].

2. Имеющий собственную точку зрения (41).

И действует она вполне эффективно в том числе и на *людей образованных*, склонных считать, что они мыслят вполне себе самостоятельно. [Форум: Утро (2011)].

3. Получивший образование (29).

Классические университеты выпускали очень *образованных людей*, закладывали прочный фундамент, но работать на новой технике такие специалисты не могли – им приходилось проходить практику в течение нескольких лет, -- а технические школы, наоборот, не давали нужной научной базы. [Александра Борисова, Снежана Шабанова. Пять портретов в Главном корпусе // «За науку», 2014].

4. Специалист в какой-либо области (24).

Там появилось много *образованных людей*, много людей, применяющих в своей профессиональной деятельности высокие технологии. [Петр Мостовой. Потребление — растрата // «Знание - сила», 2006]

5. Культурный (17).

Сейчас в провинции по-настоящему *образованным*, культурным *людям* живется очень трудно. [Виктор Астафьев: «Жизнь свою прожил. Никогда не заносился» (2001) // «Известия», 02.12.2001].

6. Интеллигентный, человек умственного труда (14).

Что вкладывать в понятие интеллигенции и с каким из его значений себя идентифицировать: интеллигенты, *образованные люди*, образованщина, люди интеллектуальных профессий, специалисты-интеллектуалы?.. [В. Б. Катаев. Чехов плюс... Предшественники, современники, преемники (2004)].

7. Умный, мыслящий (14).

Значит, власть снова перейдет в руки умных и *образованных людей*, а собственность будет возвращена. [Артем Тарасов. Миллионер (2004)].

8. Обладающий нравственными качествами (6).

А в моем приходе есть *люди* гораздо более *образованные* и тонкие, не чета вам или мне. [Грэй Ф. Грин. Кетополис — Киты и броненосцы (2001)].

9. Занимающийся саморазвитием (5).

В 2007 году подписка на журнал начала увеличиваться, а это значит, любознательных, *образованных людей* в нашей стране стало больше. [О подписке на второе полугодие 2007 года // «Наука и жизнь», 2007].

10. Разбирающийся в искусстве (5).

Если сейчас вы попросите *людей*, даже *образованных*, назвать имена живописцев 70-х годов, то большинство начнет долго думать и в итоге вспомнит одну, две, три фамилии. [Владимир Воскресенский. «Помутнение разума когда-нибудь да рванет» (04.09.2016) // 2016].

11. Воспитанный (4).

Ведь *образованные люди* в непринужденной ситуации не говорят: «Учитывая вашу неизменную аккуратность в соблюдении сроков возвращения взятых у меня на время книг, я, разумеется, не колеблясь, одолжу вам этот словарь на некоторое не слишком длительное время». [Р. М. Фрумкина. Психолингвистика (2001)].

12. Грамотный (4).

Во-вторых, далеко не вся светская знать состояла из безграмотных людей – в высшем обществе *образованные люди* отнюдь не были редкостью. [5 мифов о западном Средневековье. Эксперты ПостНауки развенчивают мифы о жизни Европы в «Темные века» (01.2015)].

13. Читающий (4).

Ники – имена героев любимых книг, фильмов (чаще у начитанных, *образованных людей*), или просто звучные, или, что еще более ценно, загадочные имена (у любящих обратить на себя внимание и чаще всего совсем не имеющих понятия, кто это и откуда): Амалазунта, Капитан Немо, Гоблин, Орк, Мерлин, Годфрит, Джуна, Дюк, Перфекто, Чипакабра, Хосе Антонио, Антигона. [Александра Орджоникидзе. Ярмарка прозвищ. Новое имя не позволяет уйти от реальности даже в Сети (2002) // «Известия» (31.07.2002)].

14. Толерантный (2).

Семейный портрет Бяликов ясно показывает, что это *образованные люди*, которым не чужда как культура страны, в которой они живут, так и еврейская культура того времени. [Елена Ханга. Про все (2000)].

15. Учёный / занимающийся наукой (2).

Вообще вас всех, ученых, *образованных* и истинных *людей* в Петербурге, я считаю людьми заграничными, и вы меня маните, как заграница, как бегство от чудища. [Алексей Варламов. Пришвин или Гений жизни // «Октябрь» (2002)].

16. Не склонный к суевериям (1).

Дорогой мой, мы с вами *люди образованные* и знаем, что никакой это не домовой. [Петр Алешковский. Инкубы и суккубы // «Русский репортер», № 1-2 (080-081) (22-29 января 2009)].

17. Суеверный, боязливый (1).

Зато многое говорит о том, какие поверья и фобии таятся в душах современных, *образованных*, рационально мыслящих *людей*. [Борис Жуков. Замыкание мозгов, или Рукотворная телепатия // «Знание-сила», (2013)].

Представим семантические компоненты признаков исследуемых словосочетаний в таблице. Это позволит выявить общие признаки и различные, характерные только для одного из исследуемых словосочетаний, что будет наглядно для сопоставления. Перечислим эти компоненты с указанием количества выделенных контекстов.

**Сопоставление семантических компонентов словосочетаний
Образованный человек и Образованные люди**

	<i>Образованный человек</i>	<i>Образованные люди</i>
1. Обладающий обширными, разносторонними знаниями	88	76
2. Имеющий собственную точку зрения	32	41
3. Получивший образование	25	29
4. Умный, мыслящий	14	14
5. Культурный	13	17
6. Специалист в какой-либо области	10	24
7. Читающий	10	4
8. Обладающий нравственными качествами	8	6
9. Воспитанный	7	4
10. Обладающий творческими способностями	7	-
11. Разбирающийся в искусстве	6	5
12. Толерантный	5	2
13. Учёный / занимающийся наукой	5	2
14. Интеллигентный, человек умственного труда	4	14
15. Занимающийся саморазвитием	2	5
16. Не обладающий необходимыми практическими навыками	2	-
17. Суеверный, боязливый	2	1
18. Грамотный	1	4
19. Обладающий вкусом, стильный	1	-
20. Обладающий индивидуальностью	1	-
21. Не склонный к суевериям	-	1
В контексте актуализируется не один компонент значения/ Недостаточный контекст	7	-

Обращает на себя внимание тот факт, что у словосочетания *Образованный человек* выделено 20 смысловых компонентов, в то время как у словосочетания *Образованные люди* – 17. Более того, только со словосочетанием *Образованный человек* встречаются примеры, в которых оно может актуализировать не один компонент значения, а несколько.

Интересно, что значение «специалист в какой-либо области» и «интеллигентный, человек умственного труда» чаще зафиксировано со

словосочетанием **Образованные люди**. Словосочетание **Образованный человек** в этом значении встречается в 2-3 раза реже. Смысловый компонент «читающий» чаще входит в состав значения словосочетания **Образованный человек** (с ним было выделено 10 контекстов, в то время как со словосочетанием **Образованные люди** – 4).

Отметим, что количественный состав контекстов для остальных компонентов значения у исследуемых словосочетаний примерно одинаковый.

Таким образом, проведенное исследование позволило выделить общие семантические компоненты у словосочетаний **Образованный человек** и **Образованные люди**. Это, прежде всего, обладание обширными, разносторонними знаниями, своей собственной, независимой, точкой зрения, наличие образования, ум, способность мыслить, определённый уровень культуры. В обоих рассматриваемых словосочетаниях выделены компоненты значения, позволяющие утверждать, что и образованный человек, и образованные люди – это специалисты в какой-либо области, которые обладают определёнными нравственными качествами, воспитаны и толерантны, разбираются в искусстве. Как правило, заняты умственным трудом, грамотны, много читают, занимаются научной деятельностью и саморазвитием, интеллигентны.

По материалам представленных данных выделены также отличительные семантические компоненты словосочетания **Образованный человек**. Очевидно, что он обладает творческими способностями, вкусом, стилем и индивидуальностью, но при этом не имеет необходимых практических навыков.

Приведённые выше результаты исследования требуют дальнейшего, более глубокого осмысления и описания. Интересно будет сравнить их с материалами, полученными в ходе психолингвистического исследования и/или представленными в лексикографических источниках.

Литература

1. Морозова И. А., Селезнева К.О. Лексема *Воспитание* в сознании носителей русского языка // Вопросы психолингвистики. – №1 (55). – 2023. – С. 69-77.
2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 11.10.2024).
3. Павлова Е.В. Динамика представлений студентов о человеке с высшим образованием и образованном человеке // Вестник АмГУ. – Вып. 72. – 2016. – С. 85-90.
4. Селезнева К.О. Психолингвистическое исследование лексемы «Образование» // Вестник Воронежского университета. – Серия: Филология. Журналистика. – №4. – 2021. – С. 60-62.
5. Селезнева К.О. Результаты компонентного анализа лексических единиц, входящих в состав тематической группы «Общие номинации педагогов» // Казанская наука. – №3. – 2019. – С. 99-103.

6. Селезнева К.О. Тематическая группа «Образование» в лексикографических источниках // Психолингвистика и лексикография. Сборник научных трудов. – Воронеж: Издательство «РИТМ». – 2021. – Вып. 8. – С. 115-122.

В.И. Федосова

Национальная специфика наименований группы лиц, восходящих к общему предку, в русском и английском языках

Аннотация: Статья посвящена выявлению национальной специфики наименований группы лиц, восходящих к общему предку, в русском и английском языках.

Ключевые слова: национальная специфика, сопоставительно-параметрический метод, сопоставительный анализ, контрастивный анализ.

Abstract: The paper is devoted to the identification of the national specificity of the group of names of relatives tracing their ancestry back to one common person.

Key words: national specificity, comparative-parametric method, comparative analysis, contrastive analysis

Нами была предпринята попытка определить степень выраженности в русском и английском языке национальной специфики наименований группы лиц, восходящих к общему предку. И в русском, и в английском языке исследуемую группу можно разделить на три подгруппы: наименования лиц женского пола, наименования лиц мужского пола и наименования лиц обоих полов.

Материалом исследования послужили лексические единицы русского и английского языков, полученные методом сплошной выборки из различных лексикографических источников: Большого толкового словаря русского языка под редакцией С.А. Кузнецова, Толкового словаря русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, Большого англо-русского словаря под ред. И.Р. Гальперина, Нового англо-русского словаря В.К. Мюллера, Нового большого англо-русского словаря под рук. Ю. Д. Апресяна и Э. М. Медниковой, Longman Dictionary of Contemporary English, Collins COBUILD Advanced Learner's Dictionary, The Merriam-Webster Dictionary New Edition, Cambridge Advanced Learner's Dictionary, а также с использованием контекстных online словарей: <https://www.linguee.ru/>, <https://www.multitran.com/>, <https://woordhunt.ru/>.

В общей сложности были рассмотрены 21 русская лексема и 23 английских.

Для оценки степени проявления национальной специфики исследуемых группировок нами был проведен их сопоставительный и контрастивный анализ.

Сопоставительный анализ

Каждая из подгрупп была исследована с помощью выраженных в индексах восьми параметров, которые были разработаны в рамках сопоставительно-параметрического метода: *индекс полисемантической, индекс однозначности лексем группы, индекс первичной денотативной отнесенности к группе, индекс вторичной денотативной отнесенности к группе, индекс первичной и вторичной денотативной отнесенности к группе, индекс первичной коннотативной отнесенности к группе, индекс первичной денотативной и коннотативной отнесенности к группе, индекс принадлежности к исследуемой ЛСГ* (Стернина 2014; Федосова, Стернина 2024). Для оценки степени проявления национальной специфики рассматриваемых группировок нами были использованы шкалы определения степени проявления национальной специфики лексических группировок по отдельным параметрам и шкала выраженности национальной специфики лексических группировок (Стернина 2014).

Перейдем к рассмотрению выделенных подгрупп.

В подгруппу наименований лиц женского пола, восходящих к общему предку, входят следующие 10 лексем: *внучатая племянница, двоюродная бабушка, двоюродная сестра, тетя, тетька, тетушка, тетка, троюродная сестра, племянница, племяшка*. Данные лексемы развивают в общей сложности 14 семем. Таким образом, индекс полисемантической русских лексем данной подгруппы составил 1,4.

Большинство лексем (7) данной подгруппы являются однозначными, соответственно индекс однозначности лексем группы равен 70%. Все лексемы данной подгруппы входят в данную подгруппу по семеме Д1 – индекс первичной денотативной отнесенности составил 100%. Лексем, входящих в данную подгруппу по семемам Д2, Д1 и Д2, Д1 и К1, а также К1 зафиксировано не было – соответствующие индексы равны нулю.

Сему наименований родственных связей содержат 10 семем рассматриваемой подгруппы, таким образом, индекс принадлежности к исследуемой ЛСГ равняется 71%.

Количество английских лексем данной подгруппы составляет 7: *aunt, auntie, grand-aunt, great-aunt, grand-niece, great-niece, niece*. Данные лексемы развивают в своих семантемах 10 семем, таким образом, индекс полисемантической английских лексем данной подгруппы оказался равным 1,4.

Также, как и в русском языке, большинство английских лексем (4) являются однозначными. Таким образом, индекс однозначности лексем равен 57%. Все лексемы данной подгруппы входят в рассматриваемую подгруппу по семеме Д1 – индекс первичной денотативной отнесенности равен 100%.

Лексем, входящих в данную подгруппу по семемам Д2, Д1 и Д2, Д1 и К1, а также К1 зафиксировано не было – соответствующие индексы равны нулю.

Сему наименований родственных связей в общей сложности содержат 7 английских семем рассматриваемой подгруппы. Таким образом, индекс принадлежности к исследуемой ЛСГ английских лексем равняется 70%.

Применение к анализу полученных значений индексов шкалы определения степени проявления национальной специфики лексических группировок по отдельным параметрам показало, что различие индексов полисемантической характеризуется как *несущественное*, различие по параметру однозначности лексем группы – как *существенные*, а различие индексов принадлежности к исследуемой ЛСГ – *заметное*. По пяти параметрам: первичной денотативной отнесенности к группе, вторичной денотативной отнесенности к группе, первичной и вторичной денотативной отнесенности к группе, коннотативной отнесенности к группе, первичной денотативной и коннотативной отнесенности к группе различий не зафиксировано: в обоих языках соответствующие индексы оказались равны нулю.

Таким образом, из восьми используемых параметров различия по пяти отсутствуют, по одному являются несущественными, видимыми и существенными. Налицо преобладание отсутствия различий, а также несущественных и видимых различий. В результате на основании используемой шкалы выраженности национальной специфики лексических группировок национальная специфика признается *неярко выраженной*.

Рассмотрим подгруппу наименований лиц мужского пола, восходящих к общему предку.

В русском языке в данную подгруппу входят 11 лексем: *внучатый племянник, двоюродный брат, двоюродный дедушка, дядя, дяденька, дядечка, дядюшка, племянник, племянничек, племянш, троюродный брат*. Общее количество семем, развиваемых этими лексемами, равняется 15. Таким образом, индекс полисемантической данной подгруппы оказался равным 1,4. Вследствие того, что 9 лексем этой подгруппы являются однозначными, индекс однозначности составил 81%.

Проведенное исследование показало, что все лексемы входят в рассматриваемую подгруппу по семеме Д1, в результате индекс первичной денотативной отнесенности составил 100%, а индексы вторичной денотативной отнесенности, первичной и вторичной денотативной отнесенности, первичной коннотативной отнесенности и первичной денотативной и коннотативной отнесенности к группе оказались равными 0.

Сема наименований родственных связей содержится в 11 семемах исследуемой подгруппы, таким образом, индекс принадлежности к исследуемой ЛСГ составил 73%.

В английском языке в рассматриваемую подгруппу входят 8 лексем: *grand-nephew, great-nephew, grand-uncle, great-uncle, nephew, nuncle, nunky, uncle*, развивающие в общей сложности 15 семем. Индекс полисемантической английских лексем данной подгруппы составил 1,9. Индекс однозначности английских лексем оказался равным 75 % (6 лексем являются однозначными).

Все 8 английских лексем входят в рассматриваемую подгруппу по семеме Д1, таким образом индекс первичной денотативной отнесенности равен 100%. Лексем, входящих в исследуемую подгруппу по семемам Д2, Д1 и Д2, Д1 и К1, К1 выявлено не было – соответствующие индексы равны 0.

Индекс принадлежности к исследуемой ЛСГ английских лексем составил 53% (8 семем из 15 содержат сему наименований родственных связей).

Согласно шкалам определения степени проявления национальной специфики лексических группировок по отдельным параметрам, различия индексов полисемантической и однозначности русских и английских лексем являются заметным, индексов принадлежности к исследуемой ЛСГ – существенными. По пяти параметрам: первичной денотативной отнесенности к группе, вторичной денотативной отнесенности к группе, первичной и вторичной денотативной отнесенности к группе, первичной денотативной и коннотативной отнесенности к группе, коннотативной отнесенности к группе национальные различия отсутствуют.

В целом из восьми используемых параметров по пяти различия отсутствуют, по двум являются заметными и по одному – существенными. В этом случае степень выраженности национальной специфики рассматриваемой подгруппы должна быть признана *неярко выраженной*.

Рассмотрим подгруппу наименований лиц обоих полов, восходящих к общему предку.

В русском языке, лексем, входящих в данную подгруппу не было выявлено. Это позволяет нам прийти к выводу об *абсолютной* национальной специфике (Кочетова 2017) соответствующей английской подгруппы.

В английском языке в данную подгруппу входит 8 лексем: *cousin, cousin-german, cross cousin, first cousin, full cousin, half-cousin, parallel cousin, second cousin*. В семантемах этих лексем в общей сложности насчитывается 12 семем, таким образом, индекс полисемантической английских лексем оказался равен 1,5. Из 8 лексем 7 являются однозначными, в результате индекс однозначности лексем группы составил 86%.

Все английские лексемы входят в данную подгруппу по семеме Д1, таким образом, индекс первичной денотативной отнесенности равен 100%. Лексем, входящих в рассматриваемую группу по семемам Д2, Д1 и Д2, Д1 и К1, К1 выявлено не было. Значение их индексов равно нулю.

Поскольку сема наименований родственных связей содержится в 8 из 15 семем исследуемой подгруппы, индекс принадлежности к исследуемой ЛСГ составил 53 %.

Для окончательного вывода о степени выраженности национальной специфики наименований группы лиц, восходящих к общему предку, представилось необходимым оценить по вышеприведенным параметрам рассматриваемые группировки в целом.

Результаты проведенного анализа показали, что заметные различия зафиксированы только в индексах однозначности лексем группы. По всем остальным параметрам национально-специфические различия оказались видимыми, либо вообще не были отмечены. Это в соответствии со шкалой выраженности национальной специфики лексических группировок дает нам право констатировать, что по результатам проведенного сопоставительного анализа национальная специфика наименований лиц, восходящих к общему предку в русском и английском языках в целом может быть признана *неярко выраженной*.

Контрастивный анализ

Контрастивный анализ был проведен в рамках двух подгрупп: «Наименования лиц женского пола, восходящих к общему предку» и «Наименования лиц мужского пола, восходящих к общему предку». Поскольку подгруппа наименований лиц обоих полов, восходящих к общему предку в русском языке отсутствует, лексемы английского языка, входящие в эту подгруппу, составили контрастивные пары с лексемами русского языка, входящими в вышеперечисленные подгруппы.

Для анализа контрастивных пар были использованы введенные в рамках сопоставительно-параметрического метода индексы денотативной, коннотативной и функциональной идентичности лексем, а также интегральный индекс идентичности лексем (Лукина 2008).

На основании данных индексов и введенной в рамках сопоставительно-параметрического метода шкалы (Стернина, Козельская 2018), согласно которой в зависимости от значений интегрального индекса идентичности лексем соответствия признаются *эквивалентными, оптимальными, подходящими, приемлемыми или неподходящими*, были определены типы переводных соответствий для каждой из контрастивных пар.

Чтобы по результатам проведенного контрастивного анализа сделать вывод о степени выраженности национальной специфики исследуемой группировки нами была использована введенная нами шкала

выраженности национальной специфики контрастивных пар (Федосова, Стернина 2024, с.70).

Перейдем к рассмотрению контрастивных пар по подгруппам.

*Подгруппа наименований лиц женского пола,
восходящих к общему предку*

В данной подгруппе отмечено 17 контрастивных пар. Проведенный контрастивный анализ показал наличие эквивалентных, оптимальных и подходящих соответствий. Приведем пример каждого из них.

ДВОЮРОДНАЯ БАБУШКА – grand-aunt

Эквивалентное соответствие

• лицо• женского пола• находящееся в непрямом родстве по отношению к детям• являющееся тетей отца или матери• НЕОЦЕНОЧНОЕ• НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ• <i>межстилевое</i>• <i>общенародное</i>• <i>современное</i>• <i>общераспространенное</i>• <i>редкое</i>	• лицо• женского пола• находящееся в непрямом родстве по отношению к детям• являющееся тетей отца или матери• НЕОЦЕНОЧНОЕ• НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ• <i>межстилевое</i>• <i>общенародное</i>• <i>современное</i>• <i>общераспространенное</i>• <i>редкое</i>

Для данной контрастивной пары индекс денотативной, коннотативной и функциональной идентичности лексем равен 100%. Интегральный индекс идентичности лексем тоже равен 100%.

Оптимальное соответствие

ДВОЮРОДНАЯ СЕСТРА – cousin

• лицо• женского пола• находящееся в непрямом родстве• являющееся дочерью тети или дяди• НЕОЦЕНОЧНОЕ• НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ• <i>межстилевое</i>• <i>общенародное</i>• <i>современное</i>• <i>общераспространенное</i>• <i>высоко употребительное</i>	• лицо• женского или мужского пола• находящееся в непрямом родстве• являющееся дочерью или сыном тети или дяди• НЕОЦЕНОЧНОЕ• НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ• <i>межстилевое</i>• <i>общенародное</i>• <i>современное</i>• <i>общераспространенное</i>• <i>высоко употребительное</i>

Для данной контрастивной пары индекс денотативной идентичности равен 75%, индекс коннотативной идентичности – 100%, индекс функциональной идентичности – 100%. Интегральный индекс идентичности лексем- 92%.

ТЕТЕНЬКА – aunt

- лицо
- женского пола
- являющееся сестрой отца или матери

- НЕОЦЕНОЧНОЕ
- ЛАСКАТЕЛЬНОЕ
- *разговорное*
- *общенародное*
- *современное*
- *общераспространенное*
- *редкое*

- лицо
- женского пола
- являющееся сестрой отца или матери

или женой брата отца или матери

- НЕОЦЕНОЧНОЕ
- НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ
- *межстилевое*
- *общенародное*
- *современное*
- *общераспространенное*
- *высоко употребительное*

Для данной контрастивной пары индекс денотативной идентичности равен 83%, индекс коннотативной идентичности – 50%, индекс функциональной идентичности – 60%. Интегральный индекс идентичности лексем составил 64%.

В данной группе из 17 контрастивных пар 5 являются эквивалентными, 8 оптимальными, а 4 – подходящими. Таким образом, преобладают эквивалентные и оптимальные соответствия, что согласно шкале выраженности национальной специфики контрастивных пар, свидетельствует о *неярко выраженной* национальной специфике.

*Подгруппа наименований лиц мужского пола,
восходящих к общему предку*

В данную подгруппу входят 17 контрастивных пар. В результате проведенного контрастивного анализа были выявлены эквивалентные, оптимальные и подходящие соответствия. Приведем пример каждого из соответствий.

Эквивалентное соответствие

ДВОЮРОДНЫЙ ДЕДУШКА – great uncle

- лицо
- мужского пола
- находящееся в непрямом родстве по отношению к детям

- являющееся дядей отца или матери
- НЕОЦЕНОЧНОЕ
- НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ
- *межстилевое*
- *общенародное*
- *современное*
- *общераспространенное*
- *редкое*

- лицо
- мужского пола
- находящееся в непрямом родстве по отношению к детям

- являющееся дядей отца или матери
- НЕОЦЕНОЧНОЕ
- НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ
- *межстилевое*
- *общенародное*
- *современное*
- *общераспространенное*
- *редкое*

Для данной контрастивной пары индекс денотативной идентичности равен 100%, индекс коннотативной идентичности – 100%, индекс функциональной идентичности – 100%. Интегральный индекс идентичности лексем также равен 100%.

Оптимальное соответствие

ВНУЧАТЫЙ ПЛЕМЯННИК – grand nephew

• лицо	• лицо
• мужского пола	• мужского пола
• находящаяся в отдаленном	• находящаяся в отдаленном
непрямом родстве в третьем колене	непрямом родстве в третьем колене
• являющееся сыном брата или	• являющееся сыном брата или
сестры	сестры
• НЕОЦЕНОЧНОЕ	• НЕОЦЕНОЧНОЕ
• НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ	• НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ
• <i>межстилевое</i>	• <i>межстилевое</i>
• <i>общенародное</i>	• <i>общенародное</i>
• <i>устаревающее</i>	• <i>современное</i>
• <i>общераспространенное</i>	• <i>общераспространенное</i>
• <i>редкое</i>	• <i>редкое</i>

Для данной контрастивной пары индекс денотативной идентичности равен 100%, индекс коннотативной идентичности – 100%, индекс функциональной идентичности – 80%. Интегральный индекс идентичности лексем – 93%.

Подходящее соответствие

ПЛЕМЯШ – nephew

• лицо	• лицо
• мужского пола	• мужского пола
• являющееся сыном брата или	• являющееся сыном брата или
сестры	сестры
• НЕОЦЕНОЧНОЕ	• НЕОЦЕНОЧНОЕ
• ЛАСКАТЕЛЬНОЕ	• НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ
• <i>разговорное</i>	• <i>межстилевое</i>
• <i>общенародное</i>	• <i>общенародное</i>
• <i>современное</i>	• <i>современное</i>
• <i>общераспространенное</i>	• <i>общераспространенное</i>
• <i>редкое</i>	• <i>высокоупотребительное</i>

Для данной контрастивной пары индекс денотативной идентичности равен 100%, индекс коннотативной идентичности – 50%, индекс функциональной идентичности – 60%. Интегральный индекс идентичности лексем – 70%.

В целом в данной подгруппе выявлено 4 эквивалентных соответствий, 5 оптимальных и 8 подходящих. Так как в данной подгруппе преобладают эквивалентные и оптимальные переводные соответствия, то мы можем

утверждать, что национальная специфика данной подгруппы является *неярко выраженной*.

В целом группировка наименований лиц, восходящих к общему предку, включает 34 контрастивные пары и 2 безэквивалентные единицы (cross cousin и parallel cousin). Из отмеченных контрастивных пар 9 являются эквивалентными, 13 – оптимальными и 12 – подходящими. Налицо преобладание эквивалентных и оптимальных соответствий, что подтверждает *неярко выраженный* характер национальной специфики изучаемой группы наименований.

Таким образом, результаты как сопоставительного, так и контрастивного анализа наименований лиц, восходящих к общему предку, в русском и английском языках, проведенного с помощью инструментов сопоставительно-параметрического метода лингвистических исследований, показали, что национальная специфика изучаемой группировки является *неярко выраженной*.

Литература

1. Козельская Д.В., Стернина М.А. Контрастивный семный словарь наименований школьных педагогических работников и учащихся в русском и английском языках. – Воронеж: «Ритм», 2018.
2. Лукина Л.В. Национальная специфика семантики слова и проблема межъязыковой семантической эквивалентности (на материале наименований речевых событий в русском и английском языках): дис. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 2008.
3. Стернина М.А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований монография. – Воронеж: Истоки, 2014.
4. Федосова В.И., Стернина М.А. Национальная специфика наименований лиц по прямому родству в русском и английском языках (сопоставительно-контрастивный анализ) // «Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2024. – №4. – С. 65-74.

Раздел 3. Сопоставительные исследования национальных концептосфер и коммуникативного поведения

Е.А. Дьяконова

К вопросу о внутриязыковой и межъязыковой лингвокогнитивной асимметрии (на материале русского и английского языков)

Аннотация: Данная статья посвящена вопросу лингвокогнитивной асимметрии, под которой понимается актуализация различных когнитивно-семантических фреймов при описании одного и того же фрагмента действительности. Данный тип асимметрии

обусловлен несовпадением чувственного восприятия и, соответственно, осмысления и репрезентации одного и того же фрагмента действительности в различных языковых картинах.

Ключевые слова: языковая асимметрия, семантико-когнитивный подход, когнитивно-семантический фрейм.

Abstract: The paper is devoted to the issue of linguo-cognitive asymmetry, which refers to the actualization of different cognitive-semantic frames when describing the same fragment of reality. This type of asymmetry is caused by the mismatch of sensory perception and, accordingly, the comprehension and representation of the same fragment of reality in different linguistic pictures.

Key words: language asymmetry, semantic-cognitive approach, cognitive-semantic frame.

Данная статья посвящена вопросу лингвокогнитивной асимметрии. В.Г. Гак определяет языковую асимметрию в целом как «отступление от упорядоченности, регулярности, единообразия в строении и функционировании языковых единиц, отражающее одну из основных особенностей строения и функционирования естественного языка» (Гак 1998, с. 47).

Межъязыковая асимметрия определяется как «языковое явление, которое состоит в отсутствии однозначных соответствий между элементами двух языков» (Гарбовский, с. 369).

Следуя семантико-когнитивному подходу предложенному З.Д. Поповой и И.А. Стерниным (Попова, Стернин 2009) в рамках Воронежской теоретико-лингвистической школы, мы предлагаем рассмотреть межъязыковую и внутриязыковую асимметрию на когнитивно-семантическом уровне. Для этого нам необходимо воспользоваться понятием фрейма.

В.И. Хайруллин в своей книге «Перевод и фреймы» определяет фреймы следующим образом: «Фрейм – это структура данных для представления стереотипной ситуации» (Хайруллин 2019, с.14). Он выделяет два основных типа фреймов: культурные, активируемые при представлении информации об особых элементах культуры (реалиях) и когнитивно-семантические, отражающие специфические структуры мышления (Хайруллин 2019, с.16). Лингвокогнитивная симметрия представляет собой актуализацию одинаковых когнитивно-семантических фреймов при репрезентации одного и того же фрагмента действительности. Соответственно, под лингвокогнитивной асимметрией мы понимаем актуализацию разных когнитивно-семантических фреймов при описании одного и того же фрагмента действительности

Лингвокогнитивная асимметрия обусловлена несовпадением чувственного восприятия и, соответственно, осмысления и репрезентации одного и того же фрагмента действительности в различных языковых картинах. Если это языковые картины внутри одной лингвокультуры, то речь идет о внутриязыковой лингвокогнитивной асимметрии. Если это

языковые картины мира разных лингвокультур, то это межъязыковая лингвокогнитивная асимметрия.

Рассмотрим данные явления на примере. Стереотипная ситуация – рисунок, на котором одновременно нарисована пчела и сидит живая пчела. Носитель русского языка опишет оба явления с помощью одно и того же предлога: «НА картинке пчела» и «НА картинке пчела». Носитель английского языка опишет эти явления с помощью разных предлогов: ситуация с пчелой нарисованной, изображенной на картинке, описывается фразой “There is a bee IN the picture”, а с живой пчелой, сидящей на картинке, – “There is a bee ON the picture”. Так как предлог – это часть речи, обозначающая связи фактов действительности, то именно предлоги дают нам возможность, сравнить концептуализацию той или иной ситуации в языковой картине.

Опираясь на результаты проведенных нами психолингвистических экспериментов, мы можем сказать, что предлог «на» ярче всего представлен в сознании носителей русского языка как «обозначение расположения на поверхности/плоскости/основании» (Дьяконова, Федосова 2023, с.22), что совпадает с его лексикографическим описанием.

Английский предлог “on” «выражает аппликативное отношение – отношение некой основы или основания и того, что накладывается на эту основу» (Рейман 1982, с. 123). Соответственно, “on” является коррелятом русского предлога «на» в приведенном нами выше значении.

Английский предлог “in” «обозначает интернальное отношение (от латинского interna «внутренность, «недра»)» (Рейман 1982, с. 106), в общем виде это отношения содержания и формы, контейнера (в той или иной форме) и того, что в нем находится.

Мы видим, что русская лингвокультура осмысляет и, следовательно, репрезентирует само изображение и то, на что оно нанесено (картон, бумагу, холст), одинаково: как плоскость, поверхность. Английская лингвокультура осмысляет и репрезентирует две части этого фрагмента действительности по-разному: изображение – как пространство, внутри которого нечто размещается, а то, на что это изображение нанесено – как плоскость.

Однако в искусствоведческих и художественных кругах нередко можно услышать следующее высказывание: «В пространстве холста художник изобразил...». Данное высказывание актуализирует фрейм «изображение – это пространство», что подтверждается результатами проведенных нами психолингвистических экспериментов, согласно которым мы можем сказать, что предлог «в» ярче всего представлен в сознании носителей русского языка как обозначение расположения в локальном или временном пространстве (Дьяконова, Федосова 2023, с.22).

Описанное выше явление иллюстрирует внутриязыковую лингвокогнитивную асимметрию. Можно было бы предположить, что это

проявление заимствования фрейма. Однако это маловероятно. Скорее всего, это отражение специфики мировосприятия членов художественного сообщества, а также отражение целевой установки при создании живописного произведения. «Задача художника, работающего в станковой живописи, то есть создающего свои картины при помощи станка и мольберта, заключается в передаче трехмерного пространства окружающего мира на двухмерной плоскости живописной основы (дерево, бумага, холст, картон). Не так давно художников живописцев, графиков и проч. стали официально называть «художник двухмерного пространства» (Чеканцева, Чеканцев 2013,с.190).

Хотелось бы отдельно отметить разницу между профессионализмами (или профессиональными жаргонизмами) и профессиональными когнитивно-семантическими фреймами. Как нам представляется, использование специфических когнитивно-семантических фреймов в профессиональном сообществе служит не только обособлению сообщества и его консолидации, но и отражает специфический способ концептуализации действительности данным сообществом, а также может отражать определенные профессиональные установки.

На основании вышеизложенного отметим:

1. Лингвокогнитивная асимметрия представляет собой актуализацию разных когнитивно-семантических фреймов при описании одной и той же стереотипной ситуации;

2. Лингвокогнитивная асимметрия может подразделяться на внутриязыковую и межъязыковую.

3. Межъязыковая лингвокогнитивная асимметрия представляет собой актуализацию разных когнитивно-семантических фреймов при осмыслении и репрезентации одной и той же стереотипной ситуации в разных лингвокультурах;

4. Внутриязыковая лингвокогнитивная асимметрия свидетельствует о возможности актуализации разных когнитивно-семантических фреймов при осмыслении одного и того же фрагмента действительности разными представителями одной лингвокультуры;

5. Можно говорить о наличии когнитивно-семантических фреймов специфичных для того или иного сообщества внутри одной лингвокультуры;

6. В отличие от профессиональной лексики или жаргонизмов профессиональные когнитивно-семантические фреймы служат не только для выделения сообщества в самостоятельную группу и упрощению коммуникации внутри нее, но и могут отражать специфичный для нее способ концептуализации действительности и/или целевую установку при создании профессионального продукта.

Литература

1. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Языки русской культуры, 1998.
2. Гарбовский Н.К. Теория перевода. – М.: Издательство Московского университета, 2007.
3. Дьяконова Е.А., Федосова В.И. Психолингвистические значения предлогов «в», «из», «на» (По результатам психолингвистического эксперимента) // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка. – М.: Издательство ООО «РИТМ», 2023. – Вып. 9. – С.19-23.
4. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика: учебное издание. – М.: Издательство «АСТ: Восток-Запад», 2009.
5. Рейман Е.А. Английский предлоги. Значения и функции. – Ленинград: Издательство «Наука», 1982.
6. Хайруллин В.И. «Перевод и фреймы». – М.: Издательство «URSS», 2019.
7. Чеканцева З.А., Чеканцев П.А. Пространство в станковой живописи// Преподаватель. XXI век. – 2013. – №4. – С.189-192.

У. Дж. Камбаралиева, А. Ж. Кулжабаева Понятие нормы в русской и киргизской коммуникативных культурах

Аннотация: В статье рассматривается сущность понятия нормы в русском и киргизском коммуникативном поведении в сопоставительном аспекте. В результате ассоциативного эксперимента выявлено, что представителями русской и киргизской коммуникативных культур норма воспринимается как свод правил, дающий возможность регулировать как межличностные, так и межгосударственные отношения и может трансформироваться под влиянием совокупности факторов с этнокультурной спецификой.

Ключевые слова: коммуникативное поведение, норма, коммуникативная культура, коммуникативные нормы, традиция.

Abstract: The paper deals with the essence of the concept of norm in Russian and Kyrgyz communicative behavior in the comparative aspect. As a result of associative experiment, it is revealed that representatives of Russian and Kyrgyz communicative cultures perceive the norm as a set of rules, which gives an opportunity to regulate both interpersonal and interstate relations and can be transformed under the influence of a set of factors with ethno-cultural specificity.

Key words: communicative behavior, norm, communicative culture, communicative norms, tradition.

На данном этапе, когда «смешение народов, языков, культур достигло невиданного размаха и как никогда остро встала проблема воспитания терпимости к чужим народам, пробуждения интереса и уважения к ним, преодоления в себе чувства раздражения от избыточности, недостаточности или просто непохожести других культур» (Тер-Минасова 2000, с.8), исследование сущности и особенностей нормы поведения представителей различных этнокультур в процессе коммуникации становится одной из самых актуальных проблем.

Очевидным является тот факт, что основой взаимовыгодных эффективных связей между государствами являются глубокие знания не только культуры, истории и традиций проживающих в этих государствах народов, но и владение сведениями о нормах и специфике общения в процессе коммуникации.

Особенности взаимодействия коммуникантов в процессе общения впервые были номинированы термином «коммуникативное поведение» в труде известного ученого И.А. Стернина (Стернин 1989, с. 279). В дальнейшем, благодаря разработанной им методике и инструментарию исследования, а также научному анализу на примере конкретных народов, изучение коммуникативного поведения получило статус отдельного научного направления.

Коммуникативное поведение народов, «понимается как совокупность норм и традиций общения того или иного народа, описанные в системе» (Стернин 2008, с. 104). Коммуникативная культура является неотъемлемой частью национальной культуры, в которой на протяжении многих веков складывались коммуникативные программы, имеющие отношение к национально-культурным ценностям народа и отражающие определенные правила в процессе общения представителей различных лингвокультур. Коммуникативную культуру можно определить как совокупность сформированных в рамках определенного национального сообщества навыков, правил взаимоотношений, умений и знаний, которая может относиться к «презумпции общечеловеческой ценности» (Камбаралиева, Стернин 2021, с. 110). Коммуникативная культура, отражающая сформированность у людей определенных коммуникативных компетенций в рамках существующих норм, является главным условием эффективного осуществления межличностных, а также межэтнических взаимосвязей. Но для оценки степени эффективности коммуникативной деятельности необходима определенная шкала критериев соответствия нормам, принятым в том или ином коммуникативном пространстве.

В контрастном описании коммуникативного поведения представителей различных этнокультур одним из важных понятий является понятие нормы. По мнению В.С. Выготского, «...в действительности не существует никакой нормы, но встречается бесчисленное множество различных вариаций, и норма представляет из себя чисто отвлеченное понятие...» (Выготский 2008, с. 329).

Как нам представляется, «множество вариаций» нормы, отмеченное В.С. Выготским, имеет прямое отношение к личностному и этническому многообразию, что предполагает рассмотрение его исходя из этнокультурной специфики, социально-исторических условий, темпоральных рамок и индивидуально-психологических особенностей.

По определению И.А. Стернина, «коммуникативные нормы – это коммуникативные правила, обязательные для выполнения в данной

лингвокультурной общности» (Стернин, Камбаралиева 2018, с. 23) и они используются как в вербальном, так и в невербальном коммуникативном поведении. Понятие нормы по-разному воспринимается в русской и киргизской культуре, что дает возможность сделать вывод о трансформации его содержания под влиянием различных обстоятельств в сознании представителей русской и киргизской этнокультуры.

Как показали результаты проведенного нами ограниченного ассоциативного эксперимента, в большинстве случаев представителями русской национальности понятие «коммуникативная норма» воспринимается как «совокупность правил общения», что идентично с ответом представителей киргизской национальности. Но эта совокупность правил, по мнению респондентов-русских, «придуманная, принятая («когда-то», «кем-то», «где-то») в обществе» (32 участника из 40; от 18 до 70 лет), которая «не всегда соблюдается членами сообщества» и «не всегда соответствует сегодняшним требованиям». В некоторых ответах нормы коммуникативного поведения расценивались негативно как «ограничение свободы человека в обществе».

Представители киргизской коммуникативной культуры (42 чел.; 18 – 66 лет) продемонстрировали приверженность традиционным устоям в обществе и все участники (100%) коммуникативную норму определили положительно: как «регулирующий свод правил», «правила, соответствующие морали в обществе и религиозным канонам», которые «позволяют быть гибким в обществе, сочетать разные роли», выступает «как мерило воспитанности», «код понимания друг друга», и др. Для некоторых участников норма – как лакмусовая бумажка, индикатор, который «показывает, не оставил ли ты неприятное «послевкусие» у своего собеседника». По ответам участников этого опроса, а также исходя из результатов экспериментов, проведенных нами ранее, можно говорить о том, что в киргизской культуре имеются жесткие нормы для регулировки коммуникативного поведения мужчины с женщиной, младшего со старшим, руководителя с подчиненным, со «своим» и «чужим» (и наоборот) (см. Камбаралиева, Стернин 2021).

Таким образом, в русской коммуникативной культуре коммуникативная норма характеризуется как динамичное явление, трансформирующееся в зависимости от различных условий в обществе. В киргизском обществе, где наблюдается устоявшаяся, сильная зависимость человека от общественного мнения и бытующих традиций, нормы имеют незыблемые формы и устои, что позволяет рассматривать их как историческое, традиционно сохранившееся, статическое явление. Несмотря на изменения мнений по содержанию и функционированию норм в уже преобразовавшемся социуме, почти все респонденты-киргизы соблюдают нормы коммуникативного поведения как дань уважения к национальной культуре и к старшему поколению.

Как отмечает И.А. Стернин, «о коммуникативных нормах следует говорить в четырех аспектах: общекультурные нормы, групповые нормы, ситуативные нормы и индивидуальные нормы» (Стернин 2008, с. 106). Общекультурные нормы, связанные с национальными традициями, относятся к стандартам, которые разработаны в определенной этнокультурной общности и соблюдаются в часто повторяющихся общих этикетных ситуациях без учета таких формальных условностей, как возраст, статус, сфера общения, и т.д. В связи с национальной спецификой их содержания, общекультурные нормы не всегда адекватно могут быть восприняты представителями других этнокультур, поэтому в коммуникативных ситуациях возникает необходимость их толкования и комментирования для всех участников коммуникативного акта.

Ситуативные нормы проявляются в экстралингвистических ситуациях, когда содержание и направление коммуникации зависят от каких-либо требований или ограничений социума. Как отмечает И.А. Стернин, статусные ограничения позволяют выделить две разновидности коммуникативного поведения: 1) вертикальное коммуникативное поведение, когда эксплицируются статусы «вышестоящего» и «нижестоящего» участников коммуникации и 2) горизонтальное, когда наблюдается статус «равный» с «равным» (Стернин 2008, с. 106), выражающее паритетное отношение коммуникантов друг к другу. В киргизской и русской культурах доминирует коллективистское отношение, а индивидуалистское не всегда проявляется. Но в киргизском коммуникативном поведении нормы общения дифференцируются по целому множеству параметров и, по словам И.А.Стернина, «гораздо более вертикально, чем у русских» (Стернин 2008, с. 106). Например, в нормах общения киргизов даже у одинаковых по возрасту и полу людей может иметь большое значение статус гостя, руководителя, «чужого», «своего», знакомого, незнакомого, сородича, соплеменника, земляка, и т.д. (Камбаралиева, Стернин 2021).

Дифференцированное коммуникативное поведение по возрасту или по гендерной принадлежности наблюдается и в русской культуре, но оно менее вертикально, чем у киргизов. Следует отметить, что многие коммуникативные правила являются общими для обеих коммуникативных культур и бытуют в сознании их представителей, но они не всегда выполняются по различным индивидуально-психологическим и социально-экономическим причинам, к числу которых, по нашему мнению, можно отнести: 1) влияние условий процесса урбанизации, 2) появление элементов монокронического восприятия времени (влияния низкоконтекстной культуры) в полихронической высококонтекстной культуре русских и киргизов (по классификации культур Э.Холла), 3) маргинализацию выходцев из айлов и деревень.

По мнению И.А. Стернина, представители определенных «профессиональных, гендерных, социальных и возрастных групп» имеют свои групповые нормы коммуникативного поведения (Стернин 2008, с.106), в которых могут отражаться специфические и неизвестные другим группировкам регулирующие устои. Например, этика поведения врачей, педагогов; правила поведения служащих силовых структур, детей и подростков, клуба женщин, миллионеров, спортсменов, и т.д.

Из всех разновидностей коммуникативных норм, выделенных И.А. Стерниным, индивидуальные нормы отличаются своей изменчивостью и зависимостью от личностной культуры и индивидуальных качеств отдельного представителя этнокультуры, поскольку они «представляют собой индивидуальное преломление общекультурных и ситуативных коммуникативных норм в языковой личности» (Стернин 2008, с. 107). Отсюда следует, что каждый человек выступает как представитель отдельной этнокультуры и носитель всеобщих, общих и индивидуальных признаков коммуникативного поведения народов. При этом большое влияние на формирование личностных качеств индивида оказывают такие факторы, как жизнь в семейной, образовательной и социальной среде, историко-географические условия и социально-психологические условия жизни народа.

Таким образом, коммуникативные нормы общения в русской и киргизской культуре имеют этнокультурную специфику и выполняют идентичную регулирующую функцию в социуме, обеспечивая эффективность коммуникативного акта, направленного на адекватную передачу информации как предмета обмена.

Литература

1. Выготский Л. С. Педагогическая психология. – М.: АСТ Астрель-Хранитель, 2008.
2. Камбаралиева У.Д., Стернин И.А. Русское и киргизское коммуникативное поведение. – Воронеж: «РИТМ», 2021.
3. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – Москва: Слово, 2000
4. Стернин И.А. О понятии коммуникативного поведения // *Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung*. – Halle, 1989. – S. 279 – 282.
5. Стернин И.А. Избранные работы Теоретические и прикладные проблемы языкознания. – Воронеж: «Истоки», 2008.
6. Стернин И.А., Камбаралиева У.Д. Теоретические проблемы описания коммуникативного поведения// *Коммуникативные исследования*. – Омск, 2018. – № 2 (16). – С. 20-37.

Раздел 4. Сопоставительные исследования в психолингвистике

Н.В. Акованцева

Сопоставительный анализ психолингвистических значений слов «отдых» и «море»

Аннотация: В статье приводится психолингвистическое описание семантики слов «отдых» и «море», сформулированные по результатам свободного ассоциативного эксперимента. Проводится сопоставительный анализ психолингвистических значений слов «отдых» и «море».

Ключевые слова: психолингвистическое значение, море, отдых, семантика, ассоциативный эксперимент, обыденное языковое сознание.

Abstract: The paper provides a psycholinguistic description of the semantics of the words «rest» and «sea», according to the results of a free associative experiment. A comparative analysis of the psycholinguistic meanings of the words «rest» and «sea» is carried out.

Key words: psycholinguistic meaning, sea, rest, semantics, associative experiment, everyday language consciousness.

В нашей кандидатской диссертации мы описывали ассоциативное поле «отдых» (Акованцева 2022). Самой яркой реакцией в свободном ассоциативном эксперименте была лексема «море». Нами была поставлена цель сопоставить психолингвистические значения лексем «отдых» и «море» и выявить степень схожести ассоциатов, полученных на эти стимулы.

Участниками свободного ассоциативного эксперимента на слово-стимул «отдых» стали 419 испытуемых (ИИ). Была использована методика описания психолингвистического значения методом семантической интерпретации результатов психолингвистических экспериментов как актуализации отдельных семантических компонентов семантики слова (Стернин, Рудакова 2011, с. 139–164).

Психолингвистические значения лексемы «отдых»

1. Пребывание на природе, например, на море или у воды

(Пребывание на) природе 0,02 (*природа 6, на природе 2*), например, на море 0,57 (*море 87, на море 23, на морях, океан, у моря 2, море любовь, море пляж, моря и океаны, Черное море, шезлонг на берегу моря, на острове, пальмы 1*), летом 0,05 (*лето 20, летний 2*), на пляже 0,05 (*пляж 14, белый песок, песок, пляжный зонтик, пляжный лежак, на пляже*), на юге 0,03 (*Сочи 7, юг 3, на юге 1*), на реке 0,02 (*речка 3, река, река лес 1, вода 3, пруд 2*), рыбалка 0,01, в деревне 0,002, дача 0,002, палатка на берегу 0,002, лес 0,005, солнце 0,01, лазурное небо 0,002.

СИЯ – 0,77

2. Развлечения

Развлечения 0,01 (*развлечения 2, развлечение 1*), весело (*проводить время 1*) 0,01 (*весело 2, веселье 2, веселиться 1*) в компании 0,004 (*компания 1, компания физиков 1*) друзей 0,01 (*друзья 4*), на вечеринке 0,002, слушать музыку 0,004, танцевать 0,002 (*танцы 1*), есть 0,004 (*еда 1, шашлыки 1*), выпивать 0,01 (*ливо 3, бухать 1*); смотреть телевизор 0,01 (*телевизор 2, телек 2, комеди клуб 1*), смотреть футбол 0,004, сидеть за компьютером 0,002, заниматься любовью 0,004 (*любовь 1, секс 1*), заниматься спортом 0,002

СИЯ – 0,10

3. Сон

Сон 0,02, спать 0,02, дом 0,01, диван 0,01, хотя бы просто поспать 0,004, лежать 0,002

СИЯ – 0,06

4. Расслабление, тишина, покой

Расслабление 0,03 (*расслабление 3, лень 3, расслабиться 2, релаксация 2, расслабон 1, relax 1*), покой 0,01 (*спокойствие 2, покой 1, гармония 1, успокоение нервов 1*), тишина 0,002, чтение 0,002, книга 0,002

СИЯ – 0,05

5. Путешествия

Путешествие 0,01 (*путешествие 2, круиз 2*), например, за границу 0,01 (*за границей 2, за рубежом 2*), на Украину 0,004, Гавайи 0,002, Мальдивы 0,002, Север 0,002, горы 0,002

СИЯ – 0,03

6. Спорт

Спорт 0,004, футбол 0,004

СИЯ – 0,01

7. Пребывание в учреждении отдыха

Турбаза 0,004, лагерь 0,002, санаторий 0,002

СИЯ – 0,01

То же, что: каникулы 0,02, отпуск 0,02, выходные, свободное время 0,004; выходной досуг, ничегонеделание, отрыв, перерыв в работе, уход от работы 0,002

Противоположно: работа 3, работать 1, труд 1

Фразы: активный 0,01, хорошо 0,01; приятно, удовольствие, хороший, всегда, мечта, счастье 0,004; все время, длинный, желанный, кайфовый, кайфушка, классный, клевый, короткий, комфорт, круто, лафа, мало, незабываемый, от суеты, погружаться, полноценный, постоянный, приятный, спокойный, удача, это круто!, лучший, прекрасно, радость, хорошо время провести, наслаждение, обалдеть, отлично 0,002

Не интерпретируются: жизнь 0,01; время, зло, кирпич, легко, мать, настроение 0,002

Отказы – 11.

В 2023 году был проведен свободный ассоциативный эксперимент на слово-стимул «море», участниками которого стали 139 испытуемых (ИИ).

Полученное в результате эксперимента ассоциативное поле было обработано методом семантической интерпретации (Стернин, Рудакова 2011). Совокупности сем, относящихся к одному денотату, были объединены в отдельные семемы, и была описана их семная структура.

По данным эксперимента психолингвистическое значение лексемы *море* имеет следующую структуру:

1. Желаемое место проведения отдыха, отпуска в непосредственной близости, например, песчаный пляж; чаще всего летом, когда тепло; вызывает положительные чувства и эмоции, ассоциируется со спокойствием.

(Желаемое) место 0,02 (*Геленджик 1, Крым 1, Турция 1*) проведения отдыха 0,07 (*отдых 9*), отпуска 0,04 (*отпуск 2, путешествие 1, комфорт 1, расслабление 1, уединение 1*) в непосредственной близости, например, песчаный пляж 0,2 (*песок 16, пляж 7, солнце 3, берег 1, небо 1*), чаще всего летом 0,01 (*лето 2*), когда тепло 0,02 (*тепло 2, жара 1*), дует ветер 0,01 (*ветер 1, приятный воздух 1*); рядом дом 0,01 (*дом 2*); вызывает положительные чувства и эмоции 0,08 (*эмоций 2, эмоции 1, счастья 1, удовольствие 1, умиротворение 1, красота 1, любовь 1, мечта 1, неизвестность 1, чистота 1*); ассоциируется со спокойствием 0,07 (*спокойствие 10*), дает чувство свободы 0,04 (*свобода 5*), умиротворения 0,01 (*умиротворение 1*).

СИЯ – 0,59

2. Вода, часть мирового океана; имеет волны; соленое, глубокое, синее, бескрайнее, шумит.

Вода 0,09 (*вода 12, речка 1*), часть мирового океана 0,01 (*океан 2*); имеет волны 0,06 (*волны 6, волнение 1, волнуется 1*); соленое 0,02 (*соль 2, соленое 1*), глубокое 0,04 (*глубина 3, глубокое 1, дно 1, бездна 1*), синее 0,03 (*синее 2, синее и большое 1, голубая вода и берег 1*), шумит 0,01 (*шум 1*), бескрайнее 0,04 (*горизонт 1, безграничность 1, бесконечность 1, бескрайние горизонты 1, простор 1*); в нем могут быть кораллы 0,01 (*кораллы 1*), медузы 0,01 (*медузы 1*), рыба 0,01 (*рыба 1, рыбы 1*), дельфины 0,01 (*дельфин 1*); например, Черное 0,04 (*Черное 5*).

СИЯ – 0,37

3. чего. Огромное количество, чрезвычайное обилие чего-л.

чего. Огромное количество, чрезвычайное обилие чего-л. 0,02 (*подарков 1, денег 1, возможности 1*).

СИЯ – 0,02

Фразеологизмы: море по колено 0,02 (*колено 1, по колено 2*).

Не интерпретируются: нет.

Не актуально: нет.

Сопоставительный комментарий

В семантеме лексемы «море» компонент значения «отдых» достаточно ярко выражен: зафиксировано 9 реакций, что соответствует 7% от общего числа реакций в САЭ. Следовательно, можно говорить о том, что ассоциативная связь между лексемами «море – отдых» имеет место, хотя выражена менее ярко, чем «отдых – море» (20,8% от общего числа реакций). Компоненты значения «летом», «отпуск», «песчаный пляж» свидетельствуют о том, что в сознании носителей русского языка, проживающих в Воронеже, *море* ассоциируется с желаемым местом проведения отдыха, отпуска в летнее время. И совершенно отсутствует упоминание о *море* как источнике пропитания, что, например, актуально для жителей Севера (Ильина 2017, с. 21–22).

Море вызывает положительные чувства и эмоции; ассоциируется со спокойствием, дает чувство свободы и умиротворения. В семантеме лексемы «отдых» также присутствуют компоненты значения «расслабление», «покой», «тишина».

Самое яркое психолингвистическое значение лексемы «отдых» – это «пребывание на природе, например, на *море* или у воды» и самое яркое психолингвистическое значение лексемы «море» – это «желаемое место проведения отдыха, отпуска в непосредственной близости, например, песчаный пляж; чаще всего летом, когда тепло; вызывает положительные чувства и эмоции, ассоциируется со спокойствием».

Таким образом, в обыденном языковом сознании *море* чаще всего ассоциируется с возможным и желаемым местом для проведения отдыха (отпуска), а *отдых* мыслится чаще всего на море.

Литература

1. Акованцева Н.В. Ассоциативное поле как особый вид лексической группировки (на материале экспериментального исследования ассоциативного поля «отдых/отдыхать»): дис. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 2022.
2. Ильина Е.В. Манифестации лингвокультурного концепта *море* в лексикографическом дискурсе // Лингвокультурология. – Тюмень, 2017. – №11. – С. 12–23.
3. Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы. – LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011.

И.А. Барабушка, Л.А. Кривенко

Специфика актуализации лексем *столица* и *capital* в языковом сознании искусственных билингвов

Аннотация: Статья посвящена выявлению особенностей репрезентации семантики лексем *столица* и *capital* в языковом сознании носителей английского языка как неродного в условиях субординативного (искусственного) билингвизма.

Ключевые слова: свободный ассоциативный эксперимент, субординативный билингвизм, эндемичность реакций, совпадение реакций, интерференция родного языка, первичная языковая личность, вторичная языковая личность.

Abstract: The paper is devoted to identification of peculiarities of actualization of semantics of lexemes *столица* and *capital* in the linguistic consciousness of non-native English speakers in the situation of subordinative (artificial) bilingualism.

Key words: free association experiment, subordinative bilingualism, endemic reactions, common reactions, interference of the native language, primary linguistic personality, secondary linguistic personality.

Урбанистическая семантика представляет собой увлекательную область исследования, которая изучает, как языковые и культурные элементы формируют наше восприятие городского пространства. В условиях стремительной урбанизации понимание семантики городов становится все более актуальным. Город не только служит физической средой, но и является сложной системой знаков и значений, которые влияют на поведение и мышление его жителей. Изучение урбанистической семантики в первичном и вторичном языковом сознании позволяет глубже понять, как различные группы людей воспринимают и интерпретируют городскую среду. Первичное языковое сознание включает в себя непосредственные, интуитивные реакции на городские элементы, такие как архитектура, улицы и общественные пространства. Это восприятие формируется через личный опыт и взаимодействие с окружающей средой. Вторичное языковое сознание, в свою очередь, связано с более сложными концептуальными структурами, которые формируются в результате образования, социальных взаимодействий и культурных контекстов. В данной статье мы рассмотрим, как эти два уровня языкового сознания влияют на восприятие урбанистической семантики, чтобы выявить общие паттерны и уникальные особенности восприятия городской среды.

Материалом для данного исследования послужили результаты свободного ассоциативного эксперимента, участие в котором принимали две группы студентов бакалавриата и магистратуры в возрасте от 18 до 23 лет, проходящих обучение на естественно-научных факультетах Воронежского государственного университета. Все респонденты являлись искусственными билингвами, изучающими английский язык в вузе, но обладающими разным уровнем владения иностранным языком. Общее количество испытуемых составило 200 человек. В ходе эксперимента первая группа респондентов записывала первую пришедшую на ум ассоциацию на стимул *столица*, а вторая – на стимул *capital*. Ассоциации должны были быть даны на том же языке, что и стимул.

По данным проведенного САЭ были составлены ассоциативные поля топонимов *столица* и *capital* и определены индексы яркости (ИЯ) каждой из реакций (Стернин, Рудакова 2011, с. 189):

Ассоциативное поле лексемы *столица*

СТОЛИЦА 100: Москва 0,45, России 0,13, центр 0,13, Красная площадь 0,08, Берлин, богатство, большая, власть, гостиница, Европа, звезда, клякса, красота, Кремль, культурная столица – Питер, Мехико, нашей родины, небоскребы, Париж, правительство, Рейкьявик, сто лиц, столица, толпа, шум 0,01

Ассоциативное поле лексемы *capital*

CAPITAL 100: Moscow 0,33, London 0,14, government 0,09, Voronezh 0,06, big, center 0,04, main, skyscrapers 0,03, crowd, a lot of people 0,02, big city, block of flats, boulevards, Britain, bustle, cultural center, head, Kremlin, London is the capital of Great Britain, majority, monuments, noise and bustle, polluted, Saint-Petersburg, St. Basil's cathedral, the richest one, two-faced politicians, war, Washington capitals, White House 0,01

В ходе проведенного исследования были детально изучены и описаны денотативный и коннотативный макрокомпоненты психолингвистического значения лексем *столица* и *capital*. В предложенной ниже таблице представлены сгруппированные на основе семантических признаков ассоциации, полученные в ответ на стимулы на Я1 и Я2, а также значения введенного нами индекса представленности семантического признака (ИПСЦ) (Барабушка, Кривенко 2023, с 87).

Таблица 1.

Денотативный макрокомпонент значения

Семантический признак		Ассоциации			
		столица 100	ИПСЦ (%)	capital 100	ИПСЦ (%)
Признаковая часть	<i>Разновидность</i>	Москва 45, Берлин 1, Париж 1, культурная столица — Питер 1, Мехико 1, Рейкьявик 1	50	Moscow 33, London 14, Voronezh 6, Saint-Petersburg 1	54
	<i>Возможная сфера деятельности</i>	власть 1, правительство 1	2	government 9, cultural center 1	10
	<i>Составные элементы</i>	гостиница 1, небоскребы 1	2	skyscrapers 3, block of flats 1, boulevards 1, monuments 1	6
	<i>Расположение</i>	центр 13, Европа 1	14	center 4, Britain 1	5
	<i>Население, жители</i>	толпа 1	1	a lot of people 2, crowd 2, majority 1	5
	<i>Физические параметры</i>	большая 1	1	big 4, big city 1	5
	<i>Статус населенного пункта</i>	-	0	main 3, head 1	4
	<i>Качественные параметры</i>	красота 1, шум 1	2	bustle 1, noise and bustle 1, polluted 1	3

	<i>Достопримечательности</i>	Красная площадь 8, Кремль 1	9	Kremlin 1, St. Basil's cathedral 1, White House 1	3	
	<i>Опасность</i>	-	0	war 1	1	
	<i>Благополучие</i>	богатство 1	1	the richest one 1	1	
	<i>Возможная сочетаемость</i>	России 13, нашей родины 1	14	-	0	
Реляционная часть	<i>Идентификация</i>	-	0	two-faced politicians 1 Washington capitals 1	2	
	<i>Актуализация прецедентных текстов</i>	-	0	London is the capital of Great Britain 1	1	
	<i>Не интерпретируются</i>	<i>эхо-реакции</i>	столица 1	1	0	0
		<i>фонетические</i>	сто лиц 1	1		
		звезда 1, клякса 1	2			

Для анализа полученных на слово-стимул реакций-ассоциатов нами были использованы введенные ранее **индекс эндемичности реакций (ИЭР)** – отношение количества эндемичных реакций, полученных на слово-стимул на данном языке, к общему количеству полученных на него разных реакций, и **индекс совпадения реакций (ИСР)** – отношение количества совпадающих реакций, полученных на слово-стимул на данном языке, к общему количеству полученных на него реакций (Барабушка, Кривенко 2025, с 75). Для качественной характеристики степени выраженности исследуемых параметров была использована шкала ранжирования степени выраженности исследуемых параметров (Кривенко 2013, с. 10).

По данным исследования, обе лексемы характеризуются *значительно выраженной* степенью представленности индекса эндемичности реакций (ИЭР для лексемы *столица* равен 60%, для лексемы *capital* – 66,7%) и *ярко выраженной* степенью представленности индекса совпадения реакций (ИСР для лексемы *столица* равен 40%, для лексемы *capital* – 33,3%).

Было выявлено, что, несмотря на в целом схожие семантические характеристики, формирующие денотативный макрокомпонент значения, реакции респондентов, актуализирующих конкретный признак, не являются идентичными.

Отметим совпадающие реакции: Москва – Moscow, культурная столица Питер – Saint-Petersburg, правительство – government, небоскребы – skyscrapers, центр – center, толпа – crowd, большая – big, шум – noise and bustle 1, Кремль – Kremlin, богатство – the richest one.

Исследование показало, что в психолингвистических значениях обеих лексем *значительную* степень представленности имеет семантический признак «Разновидность» (ИПСП 50% для лексемы *столица* и ИПСП 54% для лексемы *capital*).

Заметная степень представленности характерна для семантических признаков «Расположение» и «Возможная сочетаемость» (ИПСП 14%) в психолингвистическом значении лексемы *столица*, а также «Возможная сфера деятельности» (ИПСП 10%) в психолингвистическом значении лексемы *capital*.

Низкая степень представленности семантического признака была выявлена у семантических признаков «Достопримечательности» – ИПСП 9%, «Возможная сфера деятельности» – ИПСП 2%, «Составные элементы» – ИПСП 2%, «Качественные параметры» – ИПСП 2%, «Население, жители» – ИПСП 1%, «Физические параметры» – ИПСП 1% в психолингвистическом значении лексемы *столица*, а также у семантических признаков «Составные элементы» – ИПСП 6%, «Расположение» – ИПСП 5%, «Население, жители» – ИПСП 5%, «Физические параметры» – ИПСП 5%, «Статус населенного пункта» – ИПСП 4%, «Качественные параметры» – ИПСП 3%, «Достопримечательности» – ИПСП 3%, «Актуализация прецедентных текстов» – ИПСП 2%, «Опасность» – ИПСП 1%, «Благополучие» – ИПСП 1%, «Идентификация» – ИПСП 1% в психолингвистическом значении лексемы *capital*.

Для количественной и качественной характеристики уникальных и совпадающих семантических признаков, выделенных у стимулов на Я1 и Я2, были использованы введенные нами **индекс эндемичности семантических признаков (ИЭСП)**, представляющий собой отношение количества семантических признаков, выявленных на материале только одного языка, к общему количеству семантических признаков, выявленных в данном языке, и **индекс совпадения семантических признаков (ИССП)**, вычисляемый как отношение количества семантических признаков, выявленных на материале обоих языков, к общему количеству семантических признаков, выявленных в данном языке (Барабушка, Кривенко 2025, с 74).

Исследование показало, что обе лексемы имеют *заметную* степень эндемичности и *высокую* степень совпадения семантических признаков. Лексема *столица* имеет показатель ИЭСП, равный 23,7%, и показатель ИССП 73,3%. Показатели индексов лексемы *capital* следующие: ИЭСП – 13,3%, ИССП – 86,7%. Эндемичными для лексемы *столица* оказались семантические признаки «Статус населенного пункта», «Опасность», «Идентификация» и «Актуализация прецедентных текстов». Для лексемы *capital* был выявлен такой эндемичный семантический параметр, как «Возможная сочетаемость», кроме того, в ответ на данный стимул были

даны несколько реакций, которые вошли в категорию не интерпретируемых. Совпадающими семантическими признаками оказались следующие: «Разновидность», «Возможная сфера деятельности», «Составные элементы», «Расположение», «Население, жители», «Физические параметры», «Качественные параметры», «Достопримечательности» и «Благосостояние».

В ходе исследования также был описан коннотативный макрокомпонент значения лексем *столица* и *capital*, который включает в себя оценочную, эмоциональную и функциональную характеристики данных лексем.

Таблица 2.

Коннотативный макрокомпонент значения

		<i>столица</i>	<i>capital</i>
Оценочная характеристика	<i>Неоценочное</i>	Москва 45, Россия 13, центр 13, Красная площадь 8, Берлин 1, большая 1, власть 1, гостиница 1, Европа 1, звезда 1, клякса 1, красота 1, Кремль 1, Мехико 1, нашей родины 1, небоскребы 1, Париж 1, правительство 1, Рейкьявик 1, сто лиц 1, столица 1	Moscow 33, London 14, government 9, Voronezh 6, big 4, center 4, 92 block of flats 1, boulevards 1, Britain 1, head 1, Kremlin 1, London is the capital of Great Britain 1, majority 1, monuments 1, Saint-Petersburg 1, St. Basil's cathedral 1, Washington capitals 1, White House 1
	<i>Неодобрительное</i>	толпа 1, шум 1	a lot of people 2, crowd 2, bustle 1, noise and bustle 1, polluted 1, two-faced politicians 1, war 1
	<i>Одобрительное</i>	богатство 1, культурная столица Питер 1	cultural center 1, the richest one 1
Эмоциональная характеристика	<i>Неэмоциональное</i>	Москва 45, Россия 13, центр 13, Красная площадь 8, Берлин 1, большая 1, власть 1, гостиница 1, Европа 1, звезда 1, клякса 1, красота 1, Кремль 1, Мехико 1, нашей родины 1, небоскребы 1, Париж 1, правительство 1, Рейкьявик 1, сто лиц 1, столица 1	Moscow 33, London 14, government 9, Voronezh 6, big 4, center 4, main 3, skyscrapers 3, big city 1, block of flats 1, boulevards 1, Britain 1, head 1, Kremlin 1, London is the capital of Great Britain 1, majority 1, monuments 1, Saint-Petersburg 1, St. Basil's cathedral 1, Washington capitals 1, White House 1
	<i>Отрицательно-эмоциональное</i>	толпа 1, шум 1	a lot of people 2, crowd 2, bustle 1, noise and bustle 1, polluted 1, two-faced politicians 1, war 1

	Положительно-эмоциональное	богатство 1, культурная столица — Питер 1	cultural center 1, the richest one 1
Функциональная характеристика		межстилевая общеупотребительная современная общераспространенная частотная тонально-нейтральная	межстилевая общеупотребительная современная общераспространенная частотная тонально-нейтральная

На основании показателей индексов яркости оценочных сем можно сделать вывод о том, что у обеих лексем преобладает неоценочная характеристика (показатель ИЯ неоценочных сем лексемы *столица* – 96%, лексемы *capital* – 89%). У лексемы *столица* показатели ИЯ неодобрительных и одобрительных сем оказались равны 2%. У лексемы *capital* на втором месте неодобрительная характеристика (показатель ИЯ неодобрительных сем – 9%), на третьем – одобрительная (показатель ИЯ одобрительных сем – 2%).

Мы также определили степень выраженности общей оценки слова, для чего был использован индекс общей оценочности слова (ИООС), представляющий собой отношение количества оценочных реакций к общему количеству респондентов (Рудакова 2023, с. 94). Показатель ИООС для лексемы *столица* составил 0,04, что говорит об отсутствии оценочности, а для лексемы *capital* – 0,11 что, согласно шкале степени выраженности общей оценочности слова (Рудакова, там же), говорит о слабо выраженной степени проявления оценочности.

Что касается эмоциональности, у обеих лексем превалирует неэмоциональная характеристика (показатель ИЯ неэмоциональных сем лексемы *столица* – 96%, лексемы *capital* – 89%). У лексемы *столица* показатели ИЯ отрицательно-эмоциональных и положительно-эмоциональных сем равны 2%. У лексемы *capital* на втором месте оказалась отрицательно-эмоциональная характеристика (показатель ИЯ отрицательно-эмоциональных сем – 9%), на третьем – положительно-эмоциональная характеристика (показатель ИЯ положительно-эмоциональных сем – 2%).

В рамках проведенного исследования были составлены психолингвистические значения лексем *столица* и *capital*.

Психолингвистическое значение:

СТОЛИЦА 100

Столица – центр 0,13 России 0,13, Москва 0,45, она большая 0,01, в ней находится Красная площадь 0,08, Кремль 0,01, гостиница 0,01, небоскребы 0,01, правительство 0,01, в ней сосредоточена власть 0,01, богатство 0,01, красота 0,01, в ней шум 0,01 и толпа 0,01, это культурная столица Питер 0,01, Европа 0,01, Берлин 0,01, Мехико 0,01, Париж 0,01, Рейкьявик 0,01

CAPITAL 100

A capital is a big 0,04 (head 0,01) city 0,01 like Moscow 0,33, London 0,14 (Britain 0,01), Voronezh 0,06 or Saint-Petersburg 0,01 that serves as the main 0,03 center 0,04 of government 0,09. It features skyscrapers 0,03, boulevards 0,01, block of flats 0,01 and a lot of people 0,02 (majority 0,01), contributing to noise and bustle 0,01, crowds 0,02 and pollution 0,01. It is usually the richest one 0,01 and it is considered a cultural center 0,01 known for its monuments 0,01 and symbols such as St. Basil's cathedral 0,01, Kremlin 0,01, White House 0,01 and Washington capitals 0,01.

Результаты проведенных нами изысканий показали, что многозначная в английском языке лексема *capital* воспринимается русскоязычными искусственными билингвами однозначно, так как из шести значений, обнаруженных в англоязычных толковых словарях, респонденты актуализировали только одно – «самый главный город в стране/регионе, в котором располагается правительство», что полностью совпадает с их восприятием лексемы *столица* и отражает связь столицы с общественно-политической сферой жизни страны. В семантическом ядре обоих психолингвистических значений находятся семы, объективирующие в сознании респондентов конкретный город, а также осуществляемую в нем деятельность. В рамках признаковой части денотативного макрокомпонента значений рассматриваемых лексем совпали 9 из 12 семантических признаков. В фокусе внимания оказались присущие столицам немалые размеры, большое количество людей и шум, а также их связь с богатством и благосостоянием. Высокая степень совпадения семантических признаков свидетельствует о том, что влияние первичной языковой личности проявляется в первую очередь в смысловом наполнении лексемы. Так, большинство реакций, актуализирующих семантический признак «Разновидность» в денотативном макрокомпоненте значения лексемы *capital* относятся к российским реалиям (*Moscow, Saint-Petersburg, Voronezh*) и лишь одна к реалиям страны изучаемого языка (*London*) (то же наблюдается и в рамках параметра «Достопримечательности» (*Kremlin, St. Basil's cathedral*). Интересно отметить, что единственный прецедентный текст, актуализированный в реляционной части денотативного макрокомпонента значения лексемы *capital*, также относится к российской действительности (“*London is the capital of Great Britain*” – единственное, что многие помнят из школьной программы по английскому языку). Таким образом, можно заключить, что в данном случае наблюдается интерференция родного (русского) языка на экстралингвистическом уровне, в то время как примеров явной лексической или грамматической интерференции Я1 обнаружено не было.

Литература

1. Барабушка И.А., Кривенко Л.А. Топонимы VORONEZH и ВОРОНЕЖ в языковом сознании субординативных билингвов // Сопоставительные исследования 2023. Вып. 20. – Москва: РИТМ, 2023. – С. 84-91.
2. Барабушка И.А., Кривенко Л.А. Общее и различное в репрезентации топонимов в первичном и вторичном языковом сознании // Язык и национальное сознание: сборник научных трудов. Вып. 31.– Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2025. – С. 73-77.
3. Кривенко Л.А. Национальная специфика семантем русской и английской субстантивной лексики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2013.
4. Рудакова А.В. Значение слова как феномен языкового сознания: психолингвистический аспект. – Москва: Издательство ООО «РИТМ», 2023.
5. Стернин И. А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы. – LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011.

Д.В Утицких

Национальная специфика семантико-когнитивной организации ассоциативных полей ВРЕМЯ – TIME

Аннотация: В данной статье исследуется национальная специфика ассоциативных полей слов-стимулов *ВРЕМЯ* и *TIME*, входящих в частотное ядро русского и английского языков. Предлагается модель описания семантико-когнитивной организации АП на основе сопоставительно-параметрического метода лингвистических исследований.

Ключевые слова: ассоциативное поле, национальная специфика, семантико-когнитивная организация, сопоставительно-параметрический метод.

Abstract: The paper examines the national specifics of the associative fields of the stimulus words *ВРЕМЯ* and *TIME*, which are part of the frequency core of the Russian and English languages. A model for describing the semantic-cognitive organization of the AF based on the comparative-parametric method is proposed.

Key words: associative field, national specifics, semantic-cognitive organisation, comparative-parametric method.

Исследование разных культурных общностей через сравнение образов их языкового сознания является особенно актуальным в настоящее время, когда расширяющиеся межэтнические контакты обнажают различия в сопоставляемых фрагментах образа мира народов. Цель нашего исследования – выявление национальной специфики ассоциативных полей, которые дают доступ к языковому сознанию носителей языка. В предлагаемом фрагменте проводится сравнение ассоциативных полей (АП) русского слова *ВРЕМЯ* и английского *TIME*, входящих в частотное ядро русского (Ляшевская, Шаров 2009) и английского языков (по данным СОСА– корпуса современного американского английского языка). С этими словами был проведен свободный ассоциативный эксперимент (САЭ),

в котором приняли участие 200 носителей русского языка и 200 носителей американского варианта английского языка в возрасте от 18 до 35 лет. Из полученных в эксперименте ассоциатов сформированы ассоциативные поля (АП) слов-стимулов, которые стали материалом для дальнейшего изучения.

Сопоставление ассоциативных полей предполагает количественный и качественный анализ, позволяющий определить особенности их структурной и семантико-когнитивной организации. При всей многочисленности подобных работ и разнообразии подходов (Пищальникова 2007, с.20) до настоящего время актуальной остается проблема разработка методов и принципов сопоставительного анализа ассоциативных полей одноименных стимулов разных языков в интересах выявления и описания их национальной специфики. В этом русле находится и наша работа. Мы рассматриваем ассоциативное поле как многоуровневую, неоднородную структуру, которая отражает знания разного плана: языковые, оценочно-прагматические, когнитивные, а также информацию экстралингвистического характера.

В исследовании мы пользуемся общепринятой методикой проведения свободного ассоциативного эксперимента и обработки его результатов, а также методом семантико-когнитивной интерпретации результатов психолингвистических исследований (Стернина 2020) и инструментами сопоставительно-параметрического метода (Стернина 2014).

Исходными положениями для предлагаемой модели сопоставления АП стали идея Дж.Дизе о возможности формирования ассоциативного значения на основе набора слов-реакций на данный стимул (Deese 1965), а также суждения о коммуникативной природе ассоциативного поля и о слитности процессов познания и коммуникации, изложенные в работах Ю.Н. Караулова и В.А. Пищальниковой (Караулов 1996, Пищальникова 2007).

С учетом многоуровневого характера вербальных реакций на основе анализа соотношения реакции и слова-стимула, а также содержания реакции мы предлагаем для сопоставительного анализа АП различать следующие типы реакций: семантические, речевые, культурно-обусловленные.

Представим полученные результаты.

ВРЕМЯ

Время 200: часы 34; деньги 24; идет, час 6; мало 5; бежит, бесконечность, течет 4; бремя, года, день, лечит, относительно, песок 3; 15:00, быстро, вперед, год, истекло, летит, ограничение, секунда, скоротечно, ценность 2; быстрое, быстротечно, быстротечность, вечер, вечность, все изменит, всегда, вышло, дедлайн, действий, дело, делу..., длится, долгое, дорогое, жить, закончилось, замирание, зимовать, исход, кончилось, кот, мгновение, место, мимолетно, минута, момент,

московское, недремя, необратимо, неподвластно, ночное, ночь, обед, ограниченность, ограничено, опыт, относительность, пластично, поздно, полдень, постоянство, пришло, программа, пространство, проходит, прочь, радость, река, ресурс, сейчас, секунды, скорость, скоротечность, смерть, сознание, спешит, спокойное, сроки, старость, текучее, текучесть, тикает, торопливость, точное, уроки, уход, уходит, ушло, формальность, ценить; 17:00,14:00,9:00,5:00.

1. Семантические реакции

1.1 Понятийные

Прибор измерения времени 37: часы 3б, тикает 1.

Движение 21: идет 7, течет 4, замирание, пластично, пришло, приходит, прочь, текучее, текучесть, уход, уходит, ушло 1.

Длительность 20:

а) ограниченная 12: истекло 2, вышло, закончилось, исход, кончилось, мимолетно, мгновение, момент, ограниченность, ограничено, смерть 1.

б) неограниченная 8: бесконечность 4, вечность, всегда, длится, долгое 1.

Определенный момент 11: 15:00 2, 17:00, 14:00, 9:00, 5:00; дедлайн, обед, сейчас, сроки, точное 1.

Скорость 17: бежит 4, быстро 2, летит 2, скоротечно 2, быстро, быстро, быстро, скорость, скоротечность, спешит, спокойное, торопливость 1.

Философская категория 10: относительно 3, необратимо, неподвластно, относительность, постоянство, пространство, сознание, формальность 1.

Единицы счета времени 9: час 6, секунда 2, минута 1.

Часть суток 9: день 3, ночь 2, вечер, ночное, полдень, поздно 1.

Период времени (года, жизни) 6: год 2, зимовать, опыт, старость, уроки 1.

Ресурс 6: ресурс 1, мало 5.

1.2 Оценочно-эмоциональные 5: ценность 2, дорогое, радость, ценить 1.

1.3 Символические 2:

– песок 1 (время движется, как песок сыплется сквозь пальцы – сравнение символизирует быстротечность, неуловимость и необратимость времени);

– река 1 (река времени – символ быстротечности, изменчивости и необратимости времени).

2. Речевые реакции

привычная сочетаемость 7: года 3 (время года), действий 1 (время действий), жить 1 (время жить), место 1 (выражение время и место),

московское 1 (московское время – декретное время второго часового пояса);

фонетические реакции 4: *бремя 3, недрема 1;*

коммуникативные реакции 1: *все изменит 1.*

3. Культурно-обусловленные реакции:

3.1 Прецедентные тексты 4:

вперед 2: Время, вперед! (из стих. В.Маяковского «Марш времени»; роман В Катаева (1932); позже худ. фильм «Время, вперед!»(1965); музыка пьеса Г. Свиридова для заставки ТВ программы «Время»);

кот 1: Кот времени – это персонаж в произведениях литературы, кино, который олицетворяет собой течение времени и изменение его скорости);

программа 1: ТВ программа «Время».

3.2 Фразеология 32:

деньги 24: время–деньги (афоризм из книги «Совет молодому купцу» Б. Франклина);

делу 2; дело, делу 1: делу время – потехе час (посл.);

лечит 3: время лечит (погов.).

TIME

Time 200: clock 50, (указанный час) 15, management 10, hour 9, date 8, watch 6, day 5, money, late 4, fast, frame, minute, minutes, place, valuable 3, hours, limited, morning, night, noon, now, period, time, wasted, when 2; action, afternoon, age, arrival, band, capsule, central, countable, curios, early, endless, energy, essence, hours minutes seconds, hours of the day, hurry, impatient, infinite, is it, life, limit, lost of time, machine, manage, mine, nonreversible, not enough, numbers, pass, patience, precious, quick, running, save, second, seconds, sheet, space, still, stop, stopwatch, timely, to go, unlimited, wait, what time is it, world, zone, 1:00, 10:04, 10:36am, 12:00, 12:06, 1300, 2:12, 3 o'clock, 3:00, 3:00, 4:00, 4:15, 5:15, 8:23, 9:34am 1. Отказ 3.

1. Семантические реакции

1.1. Понятийные

Прибор измерения времени 60: *clock 50, watch 6, capsule, machine, numbers, stopwatch 1.*

Определенный момент 26: *date 8, now 2, sheet, timely, 1:00, 10:04, 10:36am, 12:00, 12:06, 1300, 2:12, 3 o'clock, 4:00, 4:15, 5:15, 8:23, 9:34am, 2.00 1.*

Единицы счета времени 25: *hour 12, minutes 6, second 3, hours 2, countable, hours minutes seconds 1.*

Часть суток 13: *day 5, morning 2, night 2, noon 2, afternoon, early 1.*

Длительность 11 :

а) ограниченная 6: *frame 3, limited 2, limit 1.*

б) неограниченная 3: *unlimited, endless, infinite 1.*

Скорость 7: *fast 3; hurry 1, still 1, quick 1, running 1.*

Философская категория 6: *nonreversible, countable, energy, essence, space, world1.*

Период времени (года, жизни) 3: *period 2, age 1.*

Движение 3: *pass, action, stop 1.*

Ресурс 3: *save, not enough, wasted 1.*

1.2 Оценочно-эмоциональные 6: *valuable 3, precious, impatient, curios 1.*

1.3 Символические 0

2. Речевые реакции

привычная сочетаемость 24: *management 10* (time management – управление временем); *place 3; what time is it 2; arrival 1* (время прибытия); *life 1* (*lifetime* – время действия); *lost of time 1* (потерянное время); *manage 1; mine 1; patience 1* (терпение и время); *wait 1* (time wait); *to go 1* (time to go – пора идти); *zone 1* (часовой пояс);

коммуникативные реакции 6: *late 4; when 2;*

эхо-реакции 2: *time 2.*

3. Культурно-обусловленные реакции:

3.1 Прецедентные тексты 3: *band 1* (рок-группа), *central* (Центральноевропейское время, относящееся к часовому поясу UTC+1 и опережающее всемирное координированное время на 1 час).

3.2 Фразеология 4: *money 4* (афоризм из книги «Совет молодому купцу» Б. Франклина).

В целях описания национальной специфики семантико-когнитивной организации рассматриваемых ассоциативных полей были использованы инструменты сопоставительно-параметрического метода лингвистических исследований (Стернина 2014).

Для определения соотношения видов реакций в АП нами были введены индексы их представленности: 1. *Индекс представленности семантических реакций* – вычисляется как отношение количества семантических реакций к общему числу полученных реакций. 2. *Индекс представленности речевых реакций* – отношение количества речевых реакций к общему числу полученных реакций. 3. *Индекс представленности культурно-обусловленных реакций* – отношение количества культурно-обусловленных реакций к общему числу полученных реакций. Результаты сравнения даны в таблице 1.

Таблица 1

№	Индекс представленности (ИП) типов реакций	русский	английский
1.	ИП семантических реакций	76,5%	80,5%
2.	ИП речевых реакций	6%	16%
3.	ИП культурно-обусловленных реакций	17,5%	3,5%

Как видно из таблицы, семантические реакции преобладают и в русском, и в английском АП, что вполне закономерно, поскольку они отражают аспекты значения слов-стимулов в сознании носителей языка. Доля речевых реакций значительно больше в английском языке, что может служить показателем большей степени стереотипности в ответах американских респондентов. В русском поле по сравнению с английским преобладают культурно-обусловленные реакции, которые по существу являются цитатными и также могут рассматриваться как проявление стереотипности реагирования, но с другим содержанием – культурной пресуппозицией.

Исследование показало, что в русском и английском АП при общности признаков, выделенных в параметре «семантические реакции», представленность их видов различается. Для определения доли понятийных /оценочно-эмоциональных / символических реакций введен индекс, вычисляемый через отношение количества реакций данного вида к общему количеству семантических реакций. Полученные результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2

Семантические реакции	русский	английский
1.1 Доля понятийных реакций	95,42%	96,28%
1.2 Доля оценочно-эмоциональных реакций	3,26%	3,72%
1.3 Доля символических реакций	1,32%	0

Сравнение данных показывает, что в русском и английском АП преобладают понятийные реакции, поскольку они формируют объективное содержание значения. В английском поле незначительно преобладают оценочно-эмоциональные ответы, а в русском больше представлены символические реакции. Особо следует отметить, что среди понятийных реакций, наряду со словами-ассоциатами в прямом значении, представлены слова в переносном, метафорическом значении: **рус.** *идет* 7, *бежит* 4, *течет* 4, *истекло* 2, *летит* 2; *вышло*, *пластично*, *пришло*, *ресурс*, *спешит*, *текущее*, *текучесть*, *уход*, *уходит*, *ушло*1; **англ.** *hurry*, *pass*, *running*, *save*, *I*. Это побудило нас к введению *индекса метафоричности*, который представляет собой отношение общего количества метафорических реакций к общему количеству понятийных реакций. В русском языке он составил 19,8% – в английском 2,58%. Время образно осмысливается как река с ее течением, песок, движение которого также ассоциируется с ходом времени, как ресурс и как субъект, подобный человеку, который обладает способностью двигаться (это универсальная метафора, которая есть и в английском).

Сопоставление семантических признаков, выделенных в АП слов-стимулов ВРЕМЯ и TIME показывает, что при значительной общности их состава они различаются по количеству ассоциатов их представляющих. Для наглядности представим сравнение частотных показателей понятийных признаков в таблице 3.

Таблица 3

Понятийные реакции	Рус.	Англ.
Прибор измерения времени	37	60
Движение	21	3
Длительность	20	9
Скорость	17	7
Определенный момент	11	26
Философская категория	10	6
Единицы счета времени	9	25
Часть суток	9	13
Период времени	6	3
Ресурс	6	3

И в русском, и в английском АП самым частотным является признак «прибор для измерения времени», однако показатель его частотности без малого в два раза выше в ответах американцев. На втором месте в русском свойство времени – «движение», а в английском – «определенный момент», на третьем – в русском АП «длительность», в американском – «единицы счета времени». Наибольшая разница в показателях частотности реакций русских и американцев у признаков «прибор измерения времени» и «движение». Таким образом, можно высказать предположение, что в языковом сознании американских респондентов время представлено как категория исчисляемая, определяемая, наблюдаемая и измеряемая. А для русского сознания более актуальна способность времени к движению. Это находит отражение и в метафорических контекстах, преобладающих в реакциях русских респондентов.

Проведенное сопоставление АП слов-стимулов ВРЕМЯ и TIME по предложенным типам реакций позволяет эффективно выявлять национальную специфику их семантико-когнитивной организации, а сопоставление одноимённых индексов в разных языках даёт возможность сделать вывод о наличии или отсутствии национальной специфики по тому или иному параметру.

Литература

1. COCA – Corpus of Contemporary American English. – <https://www.english-corpora.org/coca/>
2. Deese J. The Structure of associations in language and Thought. – Baltimore, 1965.

3. Караулов Ю. Н. Типы коммуникативного поведения носителя языка в ситуации лингвистического эксперимента // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996. – С. 67-96.
4. Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). – М.: Азбуковник, 2009.
5. Пищальникова В.А. История и теория психолингвистики: курс лекций. Ч.2. Этнопсихолингвистика. – М.: Московский государственный лингвистический университет, 2007.
6. Стернин И.А. Проблемы интерпретации результатов ассоциативных экспериментов // Вопросы психолингвистики. – № 45. – 2020. – С.111-125.
7. Стернина М.А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований. – Воронеж: Истоки, 2014.

Раздел 5. Сопоставительные исследования текста

О.А. Гавриш

Сопоставительный анализ употребления инициальных аббревиатур в текстах региональных и федеральных СМИ

Аннотация: В статье рассматриваются особенности употребления инициальных аббревиатур, частотность их употребления в различных рубриках региональных и федеральных печатных СМИ.

Ключевые слова: инициальные аббревиации, частотность, СМИ.

Abstract: The paper examines the use of initial abbreviations, their frequency, and applicability in various rubrics of regional and federal print media.

Key words: initial abbreviations, frequency, mass media.

Цель данного исследования – сопоставить употребление аббревиатур в текстах региональных и федеральных СМИ.

Под аббревиатурами, вслед за Н.Ю. Шведовой, мы понимаем «существительные, состоящие из усеченных отрезков слов, входящих в синонимичное словосочетание, последний из которых (опорный компонент) может быть целым, неусеченным словом» (Русская грамматика 1980, с. 252).

В данном исследовании анализу подвергаются только инициальные аббревиатуры: звуковые (например, *ГИТИС*, *ГЭС*, *МИД* и др.) и буквенные (например, *ВТБ*, *РФ*, *ДТП* и др.).

Анализ употребления инициальных аббревиатур в региональной газете «Коммуна» (сентябрь, 2024 г., 4 номера – №№36-38) был выполнен ранее и представлен в статье (Гавриш 2024).

На первом этапе исследования методом сплошной выборки были выявлены примеры употребления инициальных аббревиатур

в федеральной газете «Известия». В результате сплошной выборки в четырех номерах газеты «Известия» (№31595, №31600, №31605, №31610) были выделены 826 примеров, среди которых 188 различных аббревиатур. Отметим, что количество аббревиатур в проанализированных выпусках газеты «Известия» отличается: в вып. №31595 представлена 181 языковая единица (среди них 50 разных аббревиатур), в вып. №31600 – 225 аббревиатур (82 разные аббревиатуры), в вып. №31605 – 178 примеров аббревиаций (56 разных аббревиатур) и в №31610 – 242 примера (87 разных аббревиатур).

На втором этапе была осуществлена тематическая классификация всех примеров. Были выделены следующие тематические группы:

- **страны и региональные объединения и соглашения:** *РФ* (Российская Федерация – 100 примеров), *США* (Соединенные Штаты Америки – 77 примеров), *ООН* (Организация Объединенных Наций – 33 примера), *СССР* (Союз Советских Социалистических Республик – 19 примеров), *БРИКС* (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка – на англ. Brazil, Russia, India, China, South Africa – 14 примеров), *ЕС* (Европейский союз – 14 примеров), *КНР* (Китайская Народная Республика – 12 примеров), *ФРГ* (Федеративная Республика Германия – 9 примеров), *СВПД* (Совместный всеобъемлющий план действий – 12 примеров), *ОАЭ* (Объединенные Арабские Эмираты – 6 примеров), *АТР* (Азиатско-Тихоокеанский регион – 6 примеров), *НАТО* (Организация Североатлантического договора – англ. North Atlantic Treaty Organisation – 4 примера) и др.;

- **официальные государственные учреждения и организации:** *МИД* (Министерство иностранных дел – 21 примеров), *СМИ* (средства массовой информации – 10 примеров), *ФНС* (Федеральная налоговая служба – 7 примеров), *ОСР* (Объединения самозанятых России – 4 примера), *ГЖИ* (Государственная жилищная инспекция – 4 примера), *МВД* (Министерство внутренних дел – 2 примера), *ЖКУ* (жилищно-коммунальные услуги – 2 примера) и др.;

- **военная сфера:** *БПЛА* (беспилотные летательные аппараты – 21 пример), *ВМФ* (Военно-морской флот – 18 примеров), *СВО* (специальная военная операция – 15 примеров), *ВСУ* (Вооруженные силы Украины – 14 примеров), *ПВО* (противовоздушная оборона – 4 примера), *БМП* (боевая машина пехоты – 2 примера) и др.;

- **экономика и промышленность:** *МСП* (малое и среднее предпринимательство – 20 примеров), *ЦБ* (Центральный банк – 14 примеров), *ПДС* (программа долгосрочных сбережений – 13 примеров), *ВВП* (валовой внутренний продукт – 7 примеров), *НДФЛ* (налог на доходы физических лиц – 5 примеров), *НСПК* (Национальная система платежных карт – 4 примера), *ОКБ* (объединенное кредитное бюро – 4 примера), *ПСК* (полная стоимость кредитов – 4 примера), *НАПФ* (Национальная

ассоциация негосударственных пенсионных фондов – 3 примера), НДС (налог на добавленную стоимость – 3 примера), ПАО (публичное акционерное общество – 3 примера) и др.;

- **образование (научные и высшие учебные заведения):** РЭУ (Российский экономический университет – 6 примеров), РУДН (Российский университет дружбы народов – 4 примера), ВНИИ (Всероссийский научно-исследовательский институт – 3 примера), РАН (Российская академия наук – 3 примера), ВШЭ (Высшая школа экономики – 2 примера), МГТУ (Московский государственный технический университет – 2 примера), МГУ (Московский государственный университет – 1 пример), МГИМО (Московский государственный институт международных отношений – 1 пример) и др.;

- **искусство (театры):** МХТ (Московский художественный театр – 10 примеров), МХАТ (Московский художественный академический театр – 5 примеров), ГИТИС (Государственный институт театрального искусства – 1 пример);

- **транспорт:** ДТП (дорожно-транспортное происшествие – 3 примера), КМЗ (Кингисеппский машзавод – 2 примера), СП (Северный поток – 1 пример), ТО (техосмотр – 1 пример) и др.;

- **спорт:** ЦСКА (Центральный спортивный клуб Армии – 18 примеров), МОК (Международный олимпийский комитет – 15 примеров), КХЛ (Континентальная хоккейная лига – 8 примеров), ФИДЕ (Международная шахматная федерация, от фр.: Fédération Internationale des Échecs – 7 примеров), ISU (Международный союз конькобежцев (ИСУ, от англ. International Skating Union – 6 примеров) и др.;

- **здоровье:** БАД (биологически активные добавки – 7 примеров), НКПП (национальный календарь профилактических прививок – 4 примера), ВСП (врачебно-сестринский персонал – 5 примеров), ВОЗ (Всемирная организация здравоохранения – 2 примера) и др.

Частотный анализ аббревиатур инициального типа показал, что наиболее частотными являются следующие аббревиатуры (от 10 до 100 упоминаний): РФ (100 примеров), США (77 примеров), ООН (33 примеров), БПЛА (21 пример), МИД (21 пример), МСП (20 примеров), СССР (19 примеров), ВМФ (18 примеров), СВО (18 примеров), МОК (15 примеров), СВО (15 примеров), БРИКС (14 примеров), ВСУ (14 примеров), ЕС (14 примеров), ЦБ (14 примеров), ПДС (13 примеров), КНР (13 примеров), МХТ (10 примеров), СМИ (10 примеров):

В Госдуме РФ поддержали эту инициативу [№31605, с. 3]; Американский журналист Сеймур Херш утверждает, что за диверсией стоит правительство США [№31605, с. 5]; Крупнейшие торговые партнеры РФ в Африке – Египет, Алжир, Марокко, Нигерия, ЮАР, следует из таможенной статистики UN Comtrade (база данных ООН) [№31605, с. 6]; Всего над территорией Московской области было сбито

два десятка БПЛА – в Раменском городском округе, а также в Подольске, Люберцах, Домодедово и Коломне [№31600, с. 2]; В китайском МИДе поддержали идею и подчеркнули важность Совбеза ООН в обеспечении глобальной безопасности [№31605, с. 6].

Реже встречаются (от 5 до 9 примеров) такие аббревиатуры, как: ФРГ (9 примеров), PS (9 примеров), КХЛ (8 примеров), СВЦД (8 примеров), БАД (7 примеров), ВВП (7 примеров), ФИДЕ (7 примеров), ФНС (7 примеров), АТР (6 примеров), ISU (6 примеров), ОАЭ (6 примеров), ОПГ (6 примеров), РЭУ (6 примеров), ВСП (5 примеров), МХАТ (5 примеров), НДФЛ (5 примеров), US (5 примеров):

При этом Генпрокуратура и правительство ФРГ по-прежнему не раскрывают промежуточные итоги расследования терактов. [№31605, с. 4]; Специалисты отметили: переход вызван как исчерпанием запасов PS4, так и ростом потребностей игроков в качественной графике и расширенных функциях, которых нет у старых моделей [№31595, с. 6]; В имиджевом плане для КХЛ плохая история [№31600, с. 8]; Россия видит готовность нового иранского правительства президента Масуда Пезешкиана к переговорам по ядерной программе, однако США не стремятся возвращаться к выполнению своих обязательств в рамках сделки, известной как Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД), сообщил «Известиям» посол РФ в Тегеране Алексей Дедов [№31600, с. 4] и др.

Достаточно редкими были: ОСР (4), ГЖИ (4), НАТО (4), НСПК (4), НКПП (4), ОКБ (4), ПВО (4), ПСК (4), РУДН (4), СКА (4), УНИКС (4), ФЗ (4), ЮАР (4), ААЦ (3), ВНИИ (3), ДТП (3), ИИ (3), МТС (3), НАПФ (3), НДС (3), НПО (3), ОДКБ (3), ОПС (3), ПАО (3), РАН (3), РПЛ (3), ЕВА (3), FVP (3), АЭС (2), АЮР (2), БМП (2), ВОЗ (2), ВШЭ (2), ГА (2), ГД (2), ДВФО (2), ЖКУ (2), ЖКХ (2), КоАП (2), РЭБ (2), КПО (2), МВД (2), МГТУ (2), НБКИ (2), НРД (2), НПФ (2), ПЭК (2), РПГ (2), СДЭК (2), СИЗО (2), ССАГПЗ (2), ТЭК (2), ФАС (2), ФГ (2), ФСБ(2), ФТС (2), ФШР (2), ХАМАС (2), ЦКБР (2), АВА (2), КМЗ (2), QR (2), WTA (2):

Законопроект, который должен обеспечить соблюдение прав этой категории граждан, появился после постановления Конституционного суда от апреля 2024 года, напомнил «Известиям» председатель правления Ассоциации юристов России (АЮР) Владимир Груздев [№31600], с. 3]. Хотя формально Армения – светское государство, его конституция (ст. 18.1) закрепляет «исключительную миссию» ААЦ как «национальной церкви в духовной жизни армянского народа, в деле развития его национальной культуры и сохранения его национальной самобытности» [№31600, с. 4]. Примерно половину от всех жалоб составили претензии на размер платежей за ЖКУ и техобслуживание домов [№31605, с. 5].

Единично авторами региональных материалов были использованы следующие аббревиатуры (85 единиц): АдГ, АТРЭ, АНО, АРБ, АТОР,

АШР, БВМП, БКС, БТР, ВВС, ВМС, ВС, ВТБ, ВЭФ, ГИТИС, ГК, ГРЭС, ГТА, ГЭС, ДКП, ЕГАИС, ЕГРН, ЕЭС, ИА, ИИХФ, ИМЭМО, ИНН, ИП, ИПЭИ, ИСАА, ИСИП, КНДР, КС, ЛГБТ, МАГАТЭ, МГИМО, МГЛУ, МГУ, МРОТ, МЭР, НРД, НКЦ, НИУ, НОК, НОЦ, НПЗ, НПП, ОАО, ОНФ, ООО, ОЭСР, ПГ, ПДС, ПО, ПЭМФ, РА, РАНХиГС, РЛС, РПЦ, РСМД, РФС, СБ, СК, СМС, СНГ, СП, СЭ, ТО, ТТП, УЕФА, ФОМС, ФСК, ФХР, ЦВЗ, ЦИБ, ЦРУ, ЮНЕСКО, АТАСМС, ВСАА, IT, MVP, UN, VPN, WSJ.

На сессии директор ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова Алексей Маслов перечислил тренды на рынке КНР, которые надо учитывать предпринимателям из РФ [№31595, с. 4]; Но склонность к сбережениям (отношение среднего депозита домохозяйства к среднему доходу) очень различается в зависимости от региона, следует из исследования проекта ОНФ «За права заемщиков» (расчеты в нем сделаны на основании данных Росстата и ЦБ) [№31600, с. 4]; Как подчеркивает вице-президент АТОР по выездному туризму Артур Мурадян, на операторов российских платежных систем оказывается колоссальное санкционное давление [№31605, с. 7].

В федеральной газете «Известия» аббревиатуры приводят в основном без расшифровки, так как большинство из них являются общепринятыми, понятными читателям. Однако некоторые из аббревиатур расшифровывалось при первом упоминании (чаще всего сначала приводился расшифровочный комплекс, а в скобках аббревиатура, которая впоследствии использовалась без расшифровки), так как отсутствие расшифровки могло привести к непониманию текста, например:

Иностранец может попасть в список людей, сотрудничающих с санкционными компаниями, среди которых находятся Мосбиржа и Национальный расчетный депозитарий (НРД) [№31610], с. 6]; Так, председатель совета Национальной ассоциации негосударственных пенсионных фондов (НАПФ) Аркадий Недбай заявил «Известиям», что ассоциация поддерживает увеличение базы для расчета налогового вычета до 1 млн рублей [№31610, с. 5]; Власти обсуждают расширение перечня жизненных ситуаций, при которых граждане смогут досрочно без потери дохода получить средства, накопленные по программе долгосрочных сбережений (ПДС) [№31610, с. 4]; Полная стоимость кредитов (ПСК) наличными – включает в себя не только ставку, но и все связанные с займом платежи, в том числе взносы по страхованию, – в августе составила в среднем 28,7%, заявили «Известиям» в ОКБ [№31605, с. 7].

Стоит отметить, что в текстах всероссийской газеты «Известия» были и аббревиатуры, которые могли бы вызвать затруднения при развертывании (расшифровке), но были приведены в издании без объяснений: СКА (Спортивный клуб армии), ДКП (денежно-кредитная политика), РФС (Российский футбольный союз) и др.:

– Каждый контракт из СКА, который присылают для регистрации в ЦИБ, нами тщательно разбирается, – отмечал в интервью «Спорт-Экспрессу» президент КХЛ Алексей Морозов [№31600, с. 8]; По его словам, если из-за этого влияния инфляция отклоняется от целевого значения, Банк России может поднять уровень ключевой ставки для урегулирования роста цен, то есть проводить более жесткую ДКП [№31600, с. 5]; Тогда многие тоже критиковали РФС за ту игру, считая соперника слабым [№31610, с. 8].

Сопоставим особенности употребления инициальных аббревиатур в региональной и федеральной газетах.

В региональных СМИ (газета «Коммуна») зафиксировано 83 уникальные аббревиатуры (всего 328 примеров употребления в четырех выпусках), а в федеральных СМИ (газета «Известия») – 188 уникальных аббревиатур (всего 826 примеров в 4 выпусках). Среднее количество словоупотреблений в четырех номерах газеты «Коммуна» (68 тыс.) и в четырех номерах газеты «Известия» (67,2 тыс.) примерно одинаково (при анализе не учитывались страницы телепрограммы).

Был определен удельный вес частотных аббревиатур (частотными считаем от 10 до 100 упоминаний в газете «Известия» и от 10 до 29 упоминаний в газете «Коммуна»), который рассчитывался как отношение количества аббревиатур в региональной/федеральной газете к общему количеству словоупотреблений в соответствующих номерах СМИ. Были получены следующие данные: плотность употребления в газете «Известия» в 3 раза выше, чем в региональной газете («Известия» – $826/67200=0,12$; «Коммуна» – $328/68000=0,004$). Определение плотности разных аббревиатур (высчитывалась аналогично) показала, что в газете «Известия» разных аббревиатур в 2,3 раза больше, чем в газете «Коммуна» («Известия» – $188/67200=0,003$; «Коммуна» – $83/68000=0,012$).

Сопоставительный анализ употребления инициальных аббревиатур в региональных и федеральных СМИ показывает, что наиболее частотной аббревиатурой для обоих видов газет является **РФ** (однако в газете «Известия» аббревиатура приводится в 1,5 раза чаще, чем в газете «Коммуна»). В газете «Известия» на втором месте по частотности находится аббревиатура **США** (77 упоминаний), в «Коммуне» она упоминается только 1 раз.

Аббревиатуры **ООН**, **СССР** примерно одинаково частотны для обоих видов газет, **СВО** – в 3 раза чаще употребляется в региональной газете, **БПЛА** – почти в 3 раза чаще в газете «Известия», **БРИКС** – в 5 раз чаще в газете «Известия».

Остальные частотные аббревиатуры имеют эндемичный характер. Только в газете «Известия» были отмечены аббревиатуры: **МВД**, **МСП**, **МВФ**, **МОК**, **ВСУ**, **ЕС**, **ЦБ**, **ПДС**, **КНР**, **МХАТ**. В основном они относятся к области политики, искусства и военной сфере. В газете «Коммуна» среди

частотных аббревиатур выделяются только три: **ВГУ, МЧС, ТЮЗ**. Аббревиатура **ВГУ** имеет чисто региональный характер.

Таким образом, региональные СМИ в основном ориентированы на локальную аудиторию, что отражается в специфике используемых аббревиатур и тематике публикаций; федеральные СМИ охватывают более широкий круг вопросов, включая международные отношения и глобальные экономические процессы.

Литература

1. Русская грамматика: [в 2 т.] / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; гл. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1980. – Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – 1980.
2. Гавриш О.А. Особенности употребления инициальных аббревиатур в текстах региональных СМИ // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка. – Москва: Издательство ООО «РИТМ», 2024. – Вып. 10. – С. 173-179.

Е.В. Дмитриенко

Комбинаторные девиации в полилингвальном учебном дискурсе

Аннотация: Данная статья посвящена анализу комбинаторных девиаций в полилингвальном учебном дискурсе на материале русского, английского и немецкого языков, и проводится в рамках комбинаторной девиатологии – раздела комбинаторной лингвистики, изучающего комбинаторные девиации и девианты, возникающие по причине межъязыковой интерференции и связанные с нарушением синтагматических и парадигматических связей слов при переводе.

Ключевые слова: полилингвальный учебный дискурс, комбинаторные девианты, комбинаторная лингвистика, межъязыковая интерференция.

Abstract: The paper is devoted to the analysis of combinatorial deviations in polylingual educational discourse on the material of Russian, English and German languages which is conducted within the framework of combinatorial deviatology - a section of combinatorial linguistics, which studies combinatorial deviations and deviants arising due to interlingual interference and associated with the violation of syntagmatic and paradigmatic links of words in translation.

Key words: multilingual academic discourse, combinatorial deviants, combinatorial linguistics, interlingual interference.

Комбинаторная лингвистика изучает синтагматические связи языковых единиц и их комбинаторный потенциал (Влавацкая 2017, с. 21). Комбинаторная девиатология – раздел комбинаторной лингвистики, изучающий комбинаторные девиации и девианты, возникающие по причине межъязыковой интерференции.

Цель исследования – выявить комбинаторные девианты, возникающие в полилингвальном учебном дискурсе, используя метод сопоставления английского и русского, а также немецкого и английского языков. Для

этого потребуется определить термины «комбинаторный девиант» и «полилингвальный учебный дискурс».

В нашем исследовании мы рассматриваем учебный дискурс как уникальную форму институционального дискурса, представляющую собой сложное коммуникативное пространство, возникающее в образовательной среде и действующее в рамках статусно-ролевых отношений между участниками учебного процесса. Для обозначения образовательной среды, связанной с изучением нескольких иностранных языков (в нашем случае – двух – английского как иностранного, а затем немецкого как второго иностранного) в данной работе используется термин «*полилингвальный учебный дискурс*».

В рамках полилингвального учебного дискурса студенты сталкиваются с межъязыковой интерференцией – случаями отклонения от норм любого из языков, которые происходят в речи полиязычных вследствие языкового контакта (Вайнрайх 1979, с. 127). Одна из двух взаимодействующих систем (родной – иностранный / ИЯ1 – ИЯ2) будет являться первичной по отношению к другой, изучаемой позднее. В ходе этого процесса полиязычные также сталкиваются с межъязыковой девиацией – когнитивным процессом, реализуемым в системе межъязычия в результате интерферентного игнорирования системно-коммуникативных свойств единиц системы второго языка на всех его уровнях (Дебрэнн 2006, с. 35).

Комбинаторные девианты относятся к языковым выражениям или конструкциям, которые отклоняются от типичных моделей сочетания слов в рамках данного языка. Далее представлены примеры комбинаторных девиантов в парах русский – английский, где первичной языковой системой является русский язык, и английский – немецкий, где первичной языковой системой выступает английский, т.к. он является первым иностранным языком и большинство обучающихся при изучении немецкого проводят аналогии с ним. Примеры были получены путем наблюдения за устными выступлениями и анализа письменных работ, и могут быть сгруппированы по следующим критериям.

1. Некорректное использование предлогов:

«*I will explain you the rules*»* вместо «*I will explain the rules to you*». В русском языке глаголы типа объяснять (to explain) не требуют предлога перед косвенным объектом, здесь русская структура переносится в английский язык.

«*Ich möchte ein großes Geschenk für mein Geburtstag*»* в немецком языке вместо «*Ich möchte ein großes Geschenk zu meinem Geburtstag*». Английский предлог «for» заставляет студента неправильно использовать für, в то время как в немецком языке в данном контексте требуется zu.

2. Буквальный перевод коллокаций:

«*She sits on a diet*»* вместо корректного «*She is on a diet/She keeps a diet*».

В данном случае русская фраза «сидеть на диете» на английский

переведена буквально.

«*Es macht Sinn*»* вместо «*Es ergibt Sinn*» – в данном предложении английская коллокация «*It makes sense*» приводит к буквальному переводу «*macht*», в то время как в немецком языке подобное выражение будет считаться некорректным, т.к. используется глагол «*ergibt*».

3. Неправильный порядок слов в придаточных предложениях.

«*He asked me when did I get there*»* вместо «*He asked me when I got there*». В данном предложении интерференция произошла внутри одного языка – правила построения вопросов в английском языке не распространяются на придаточные предложения.

«*Ich glaube, er geht ins Kino, weil er hat Zeit*»* вместо корректного варианта «*Ich glaube, er geht ins Kino, weil er Zeit hat*». Влияние английского языка заставляет студента ставить глагол *hat* в ту же позицию, в которой он стоял бы в английском языке, вместо того чтобы отправлять его в конец предложения, как это требуется в немецком.

4. Ошибки при использовании наречий.

«*He speaks very good English*»* вместо «*He speaks English very well*».

В английском языке «*good*» является прилагательным, а «*well*» требуется для описания действий, являясь наречием.

«*Er hat wirklich hart studiert*»* вместо «*Er hat sehr fleißig studiert*». В немецком языке слово «*fleißig*» (старательно) означает «тяжело» в смысле работы или учебы, в то время как «*hart*» обозначает физическую характеристику «твердый». Эта ошибка возникает из-за того, что изучающие язык буквально переводят слово «*hard*».

5. Неправильное использование времен.

«*Yesterday I have seen this film*»* вместо корректного «*Yesterday I saw this film*». Причиной данной ошибки является тот факт, что в русском языке нет разделения времен на столько категорий, что усложняет выбор для студентов.

«*Ich werde morgen in die Schule gehen*»* вместо «*Ich gehe morgen in die Schule*» в немецком языке. В немецком языке обычно используется настоящее время для описания будущих действий, когда понятен контекст (*Ich gehe morgen in die Schule*). Однако, изучающие язык могут находиться под влиянием английских конструкций будущего времени (*I will go to school tomorrow*) и неоправданно использовать *werden*.

«*Ich arbeitete noch, als er ankam*»* вместо «*Ich war noch am Arbeiten, als er ankam*». В английском языке в данном случае используется простое или длительное прошедшее время (*I worked/I was working*) для описания действий в прошлом, в то время как в немецком языке данная фраза звучит нетипично и для таких контекстов используется «*war am Arbeiten*».

«*Ich war gehend, als er anrief*»* вместо «*Ich ging, als er anrief*». К появлению данного девианта привела аналогия с «*I was walking*», т.к. в

данном контексте в английском используется продолженное время, которое в немецком отсутствует.

Из примеров видно, что комбинаторные девианты были выявлены в обеих парах рассматриваемых языков данного дискурса (РЯ – ИЯ; ИЯ1 – ИЯ2). Были обнаружены такие ошибки, как неправильное использование времен, наречий, некорректное использование предлогов, неправильный порядок слов в придаточных предложениях и буквальный перевод коллокаций.

Из общего количества собранных девиаций в английском языке – 20 единиц, большинство было определено в категорию «некорректное использование предлогов». Во всех примерах данной группы была проведена аналогия с русским управлением глаголов, что демонстрирует прямое влияние первичной языковой системы.

В примерах, собранных в немецком языке, преобладающей категорией девиантов (8 из 17 единиц) стала группа «неправильное использование времен, при этом большинство девиантов появились в ходе построения предложения по аналогии с английской конструкцией продолженного времени или использованием будущего времени. Это показывает влияние первого иностранного языка на изучение второго.

Различие в преобладающих видах девиаций в английском и немецком языках демонстрирует особенности их структур, а также разницу влияния первичных языковых систем. Английские предлоги часто идиоматичны, зависят от контекста и отличаются от прямых эквивалентов в русском, что делает их более сложными для понимания. В свою очередь, система времен в немецком языке менее обширная, чем в английском, что и приводит к излишним аналогиям.

Литература

1. Вайнрайх У. Языковые контакты. Киев: издат. «Вища школа», 1979.
2. Влавацкая М.В. Языковая комбинаторика: аспекты изучения // Научный диалог, 2017. – № 5. – С.21-32.
3. Дебрэнн М. Теоретические и прикладные аспекты межъязыковой девиатологии: дис. ... докт. филол. наук. – Новосибирск, 2006.

Е.Ю. Дьякова

Сопоставительный анализ языковых стратегий социальной рекламы и социального брендинга

Аннотация: Статья посвящена сопоставительному анализу языковых стратегий, применяемых в социальной и коммерческой рекламе с элементами социального брендинга. Рассматриваются лексические, синтаксические и стилистические особенности изучаемых рекламных текстов, выявляются сходства и различия в использовании языка для достижения коммуникативных целей в этих двух областях.

Ключевые слова: социальная реклама, социальный брендинг, коммерческая реклама, языковая стратегия, рекламный текст.

Abstract: The paper presents a comparative analysis of linguistic strategies employed in social and commercial advertising with elements of social branding. The research examines the lexical, syntactic, and stylistic features of advertising texts, identifying similarities and differences in the use of language to achieve communicative goals in these two areas.

Key words: social advertising, social branding, commercial advertising, linguistic strategy, advertising text.

Изучение языка как инструмента рационального и эмоционального воздействия в рекламных текстах социальной направленности представляет неподдельный лингвистический интерес и определяет актуальность данного исследования, целью которого является сравнительный анализ языковых стратегий, используемых в социальной рекламе и коммерческой рекламе с элементами социального брендинга.

По определению Г.Г. Николаешвили, социальная реклама – вид некоммерческой рекламы, направленной на привлечение внимания к проблемам социума и изменение моделей общественного поведения. Такая реклама призвана не только изменить общественное мнение по какой-то социально-значимой проблеме, но и сформировать новые социальные ценности (Николаешвили 2008).

В свою очередь, под социально ориентированным брендингом подразумевается особый PR-механизм, применяемый в коммерческой рекламе, сущность которого заключается в организации социального пространства вокруг бренда (Савинова 2013, с. 96). Социальный брендинг – это стратегия, направленная на создание и укрепление позитивного имиджа компании или бренда путем активного участия в социальных инициативах и демонстрации социальной ответственности. Это интегрированная в бизнес-стратегию деятельность, которая связывает ценности бренда с социальными проблемами и способствует достижению как коммерческих, так и социальных целей.

Успешная реализация процесса социального брендинга в значительной степени способствует созданию положительного имиджа бренда. Если компания создает вокруг себя социальную сферу, в которой затрагивает проблемы, касающиеся разных слоев общества, это обеспечивает ее существенные преимущества среди конкурентов на рынке и расширяет её известность среди покупателей. Например, повышается лояльность потребителей, властей, доверие инвесторов и возможных партнеров.

Социальная реклама является видом некоммерческой рекламы, в то время как социальный брендинг – это элемент коммерческой рекламы. Однако налицо пересечение затрагиваемой в исследуемых текстах социально значимой проблематики, что и дает нам основание для сопоставительного исследования с целью выделения сходных и специфических черт данных видов рекламной коммуникации.

Существуют различные способы типологизации социальной рекламы. Так, по характеру целей, преследуемых социальной рекламой, Н.Г. Хорошкевич выделяет:

1. Решение проблем между отдельными социальными группами, взаимоотношение общества и индивидуума;
2. Взаимоотношения общества и социальных институтов;
3. Отношения личности и общества;
4. Отношения личности и государства;
5. Межличностные отношения;
6. Общество и окружающая среда;
7. Отношение личности к охране окружающей среды;
8. Отношение человека к самому себе (Хорошкевич 2015).

В качестве эмпирического материала в рамках данной работы нами были использованы англоязычные рекламные материалы социальной направленности по следующим проблемам: проблемы окружающей среды и, в частности, угроза вымирания животного мира и уменьшения биоразнообразия планеты, пластиковое загрязнение мирового океана, а также проблемы отношения к отдельным социальным группам (дискриминация) и, в частности, отношение к больным ВИЧ, к неизлечимо больным людям, эксплуатация детского труда, проблемы межличностных отношений, такие как насилие в семье в отношении женщин, насилие в отношении детей.

Вышеперечисленные проблемы во многом совпадают и пересекаются с направлениями социально ориентированного брендинга. Проведенный сопоставительный анализ позволил выявить значительное пересечение целей социальной рекламы в чистом виде и социальной составляющей коммерческой рекламы. Так, обзор официальных веб-сайтов и страниц в социальных сетях целого ряда ведущих производителей косметических средств (Procter&Gamble Company, L'Oréal, Maybelline, NYX, Estée Lauder, MAC Cosmetics, Avon), одежды и аксессуаров (H&M, Calvin Klein, Marks & Spencer), спортивной одежды и обуви (Nike, Adidas Group, New Balance, Puma, Vans), сетей супермаркетов (Tesco, Sainsbury's), автомобилей (KIA Motors, AUDI, Mazda), информационных технологий (Microsoft), быстрого питания (KFC, McDonald's) позволил выделить следующие наиболее значимые темы:

- Обеспечение устойчивого развития и защита окружающей среды (ответственное использование ресурсов, переработка, минимизация отходов производства);
- Пропаганда здорового образа жизни;
- Защита культурного и исторического наследия;
- Борьба с тяжелыми заболеваниями;
- Борьба с гендерной дискриминацией;
- Филантропия;

- Помощь детям (доступность образования и развития);
- Поддержка пожилых людей, людей с инвалидностью и ментальными проблемами;
- Гармония с природой и самим собой.

При этом удалось выявить значительные расхождения в способах аргументации, используемых в социальной рекламе и социальной составляющей коммерческой рекламы.

В частности, оба вида рекламного дискурса в своей аргументации используют апелляцию к логике и разуму, рисуя сценарий того, что произойдет в будущем, если адресат произведет/ не произведет какие-либо действия. Однако в большинстве подобных контекстов в случае социальной рекламы рисуется негативный сценарий будущего, в то время как социальный брендинг задействует только позитивные сценарии.

Проиллюстрируем вышесказанное примерами:

By 2050 oceans are expected to contain more plastic than fish (by weight), and the entire plastic industry will consume 20% of total oil production and 15% of the annual carbon budget. Don't let garbage replace wildlife. Данная социальная реклама направлена против пластикового загрязнения мирового океана. При помощи будущего простого времени авторы рисуют неутешительную картину будущего, если люди не задумаются и не начнут действовать уже в настоящем.

Следующий рекламный пример может быть рассмотрен с точки зрения антитезы, которая позволяет сравнить настоящее, когда еще можно улучшить ситуацию и более негативный сценарий в будущем, если действия не будут предприняты. Мы видим две картинки: слева океан с плывущей в нем акулой и надписью *Horrrifying*, справа океан без акулы и надпись *More horrrifying*. Данный рекламный текст призывает реципиента задуматься, что страшнее: угроза, которую представляет собой акула – свирепый хищник, или же угроза ее полного отсутствия в природе: *Horrrifying – more horrrifying*. Таким образом, создается эффект контраста, который служит для того, чтобы повлиять на восприятие ситуации реципиентом и заставить его понять ценность каждого живого существа на планете.

Данный вид аргументов направлен на разрушение поведенческих стереотипов. Например, "Если мы не будем заботиться об окружающей среде, наши дети унаследуют загрязненную планету".

Обратимся к примерам социального брендинга, в котором коммерческие компании рисуют социально значимый образ будущего, который будет зависеть от действий в настоящем:

OUR ACTIONS TODAY AFFECT OUR FUTURE. Mary Kay strives to preserve our precious and limited resources for future generations.

Creating the Future of Beauty Together. We see beauty everywhere. We have for generations. And we want to preserve the beauty for generations to come (Estée Lauder).

Мы видим, что реклама производителя косметики Mary Kay акцентирует внимание на позитивном образе будущего и декларирует свои устремления сделать вклад в сохранение ресурсов настоящего для поколений будущего.

To ensure that you can enjoy the products you love today without sacrificing tomorrow, we've put goals in place to help us to work towards our long-term vision (P&G). В данном контексте тоже декларируются долгосрочные цели компании *Procter & Gamble*, связанные с позитивным образом будущего.

Следующее разительное отличие между изучаемыми видами рекламной коммуникации социальной направленности можно наблюдать на лексическом уровне. Анализ рассматриваемых нами примеров социальной рекламы позволил выявить употребление большого количества лексем с негативной семантикой, например, *destruction, dying, horrifying, torture, violence, victims, abuse*. Так, например, метафорически воздействие пластика на дикую природу представлено как «война», «убийство», пластик концептуализируется как «смертельное оружие» (мина, граната и т.п.) или «жестокий убийца», который мучает свою жертву:

Disposable plastic is a weapon of mass destruction.

The plastic you use once tortures the oceans forever.

Более того, социальная реклама часто апеллирует к таким негативным чувствам, как страх и отвращение, оказывают шокирующее воздействие на адресата, выводит его из зоны комфорта.

Что касается социального брендинга, то здесь использование лексем с негативной семантикой встречается крайне редко. На первый план в таких текстах выходят слова и выражения с позитивной семантикой, например, *sustainability, social responsibility, responsible sourcing, giving back to our community, to build a better world for us all, global safety, gender equality, value, awareness, help, support, community engagement, community involvement, community impact, recycling, pride, respect, love, life*.

Такой выбор лексического оформления сообщения позволяет создать образ социально ответственного бренда, деятельность которого не только не вредит окружающей среде, но и обеспечивает устойчивое развитие в будущем, поддерживает местные сообщества в настоящем, пропагандирует осознанное отношение к потреблению, помогает нуждающимся в поддержке социальным группам. Проиллюстрируем вышесказанное несколькими примерами:

*Based on the shared values of our **social contribution initiatives** – mobility and challenge, KIA Motors fulfills its **social responsibilities** and endeavors to **make society a better place** by continually challenging itself.*

*As the experts in all things about the home, we feel a **corporate social responsibility** to bring **health, hygiene and the comforts of home** to people in need. That's when our products matter more than ever (P&G).*

*The Mazda Drive for Good Event is our way of **giving back to our communities** across the country.*

*Through our Planet Champion Programme, we train our employees on **sustainable practices** and inspire them to do their part, both at the restaurants and at home (McDonald's).*

*We aspire to **build a better world for us all** – free from bias and with **an equal voice and representation** for women and men. A world where everyone sees equal (P&G).*

*57% of the materials we use today are **recycled, organic or sustainably sourced**. Our goal is to make it 100% by 2030 (H&M).*

Таким образом, проведенное исследование позволило установить, что в основе социального брендинга лежит интенция повлиять на адресата сообщения с целью повысить лояльность бренду за счет создания образа социально ответственного бренда. В свою очередь, в основе социальной рекламы лежит интенция оказать определенное, часто шокирующее, эмоциональное воздействие на адресата сообщения с целью изменить его отношение к той или иной социально значимой проблеме и заставить его изменить свое социальное поведение.

Литература

1. Николайшвили Г.Г. Социальная реклама: Теория и практика: учебное пособие. – М.: Аспект Пресс, 2008.
2. Савинова Е.Н. Технологии social branding в системе взаимодействия государства и бизнеса // Вестник государственного и муниципального управления. – Москва, 2013. – №3 – С. 95-99.
3. Хорошкевич Н.Г. Социальная и политическая реклама: учебно-методическое пособие. – Екатеринбург: УрФУ, 2015.

Е.Н. Подтележникова

Сопоставительный анализ осязательно-слуховых синестезий в прозе Т. Пратчетта

Аннотация: В статье представлен сопоставительный анализ осязательно-слуховых синестезий в прозе Т. Пратчетта, современного британского писателя жанра комического фэнтези.

Ключевые слова: синестезия, чувственное восприятие, семный анализ, структура значения слова, метафорический перенос, Т. Пратчетт, комическое фэнтези.

Abstract: The paper presents a comparative analysis of tactile-auditory synesthesia in the prose of T. Pratchett, a modern British writer of the comic fantasy genre.

Keywords: synesthesia, sensory perception, seme analysis, structure of word meaning, metaphorical transfer, T. Pratchett, comic fantasy.

Явление синестезии изучается широким кругом исследователей. В психологии под синестезией понимается «феномен, заключающийся в том, что стимуляция одной сенсорной модальности приводит к возникновению ощущений, характерных для другой сенсорной модальности» (Рубинштейн 2007, с. 613). У людей с развитым синестетическим восприятием зрительные образы сопровождаются вкусовыми ощущениями, звуки подкрепляются зрительными ассоциациями и т.д. В лингвистике «синестезия, экспрессия которой основана на сочетании обозначений двух и более разнородных ощущений, при котором одно из обозначений приобретает переносное значение, является компактным средством интенсификации значения и выражения субъективно-эмоционального отношения человека к описываемому денотату» (Филиппова 2010, с. 6).

Целью нашего исследования является сопоставительный анализ осязательно-слуховых синестезий в прозе Т. Пратчетта, современного британского писателя жанра комического фэнтези. Выбору объекта исследования предшествовал анализ сорока одной книги Т. Пратчетта серии «Плоский мир», который позволил сформировать корпус из 756 контекстов, содержащих синестетические словосочетания. Отбор лексики осуществлялся на основе её вхождения в лексико-семантические группы зрительного, слухового, вкусового, обонятельного или осязательного восприятия. Наличие в значении слов сем чувственного восприятия определялось методом компонентного анализа по словарным дефинициям. При анализе синестезии Т. Пратчетта мы придерживались узкого подхода к определению данного явления (Ярошенко 2023, с. 92) и к синестетическим словосочетаниям относили только те, в которых оба слова принадлежат к разным типам чувственного восприятия (*sweet melody*: вкус + слух) и не затрагивают эмоции. При этом мы не ограничивались только метафорическими переносами (Яницкая 2010, с. 3), но также рассматривали словосочетания, в основе которых лежит метонимический перенос, образное сравнение или антитеза.

Количественный анализ исследовательского корпуса показал преобладание синестетических моделей «осязание + слух» (47,1%) и «осязание + зрение» (33,3%) при незначительной представленности моделей «обоняние + зрение» (5,2%), «зрение + слух» (5%), «слух + зрение» (2,9%), «осязание + обоняние» (2,8%), «вкус + слух» (1,7%), «вкус + обоняние» (1,3%), «вкус + зрение» (0,7%).

Сопоставительный анализ синестетических словосочетаний модели «осязание + слух» показал наличие противопоставления «звук – тишина», где звучание выражается, прежде всего, лексемами, описывающими речевую деятельность человека (*voice, tone, word, advice, sentence, whisper*), а также другие типы звуков (*noise, scream, sound, crunch, echo, knock, thunderbolt*). Тишина представлена только лексемой *silence*.

Семантический анализ позволил выделить наиболее частотное основание для метафорического переноса – особенность поверхности: *Now his voice was back to its normal oil-smooth tones (Pyramids); ...now the oiled silk of his voice became armor, hard as steel... (Pyramids); Now her voice was silky smooth...(A Hat Full Of Sky); ... a voice that wasn't his, a voice that sounded old and dry... (The Light Fantastic); It was a soft, feminine voice, almost an inviting voice... (The Color of Magic); Mrs Earwig says that sort of thing is black magic,' said Annagramma, her voice as sharp and sudden as a knife (A Hat Full Of Sky)*. Также Т. Пратчетт часто использует прилагательные со значением веса: *They called me a figurehat! The voice was heavy with sarcasm (Sourcery); Now, begone from my land.' Her voice was hard (The Shepherd's Crown); A tiny dry voice at the back of his brain said... (The Light Fantastic)*. В качестве основания для метафорического переноса также используются другие свойства предметов: *...he said, in a brittle old voice... (The Color of Magic); When she spoke, her voice was strained (Mort); 'Did you say something about something flapping around loose?' she said, in the tight voice of someone pulling themselves together (Mort); 'Have you any idea, father,' he began, employing that thin, razor-edged voice that accountants use to preface something unexpected and very expensive (Pyramids)*. Температурные прилагательные составляют всего 1% от общего числа контекстов: *Death screamed a curse in his cold crypt voice (The Color of Magic)*.

Далее был проведен сопоставительный анализ коннотативного содержания синестетических словосочетаний модели «осязание + слух». Оказалось, что представленность прилагательных с положительной и отрицательной коннотацией практически одинаково, что может свидетельствовать о желании автора сбалансировать эмоциональное воздействие речи персонажей на читателя. Т. Пратчетт использует такие прилагательные с положительной окраской, как *oil-smooth, oily, silk, silky, smooth, soft, tiny*; с отрицательной – *dry, sharp, cold, heavy, hard, brittle, strained, tight, razor-edged*.

Тишина в прозе Т. Пратчетта занимает особое место. Она подобна живому существу или туману, который, просачиваясь сквозь щели, заполняет собой всё пространство: *Silence came from the other side – a busy, thick silence that crawled through the cracks and spilled out into the passage, a kind of silence that is worse than screams (Wyrd Sisters)*. В этом случае температурные осязательные синестезии более частотны (28%), чем при описании звуков, и обладают преимущественно отрицательной коннотацией: *They flew in chilly silence for several seconds (Wyrd Sisters); The trees around the clearing trembled for a moment, there was the sound of laughter on the breeze, and then the freezing silence closed in again (Mort); In the warm silence the everlasting rumbling of his stomach sounded especially loud (Guards! Guards!)*. Кроме того, в составе синестетических

словосочетаний для описания тишины используются такие прилагательные, как *damp, deep, heavy, long, short, thick*.

Таким образом, сопоставительный анализ показал, что синестетические словосочетания модели «осязание + слух», являясь наиболее частотными в прозе Т. Пратчетта, в полной мере выполняют функцию интенсификации значения и эмоционального воздействия на читателя, участвуя в создании противопоставления «звук – тишина».

Литература

1. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2007.
2. Филиппова Г.Н. Узуальная и окказиональная синестезия в современном немецком языке: автореф. дис. канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 2011.
3. Яницкая Н. И. Адъективная синестезия в английской и русской поэзии романтизма: автореф. дис. канд. филол. наук. – Москва, 2010.
4. Ярошенко П. В. Синестетические словосочетания в параллельном мультязычном корпусе // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. – 2023. – Т. 82. – № 4. – С. 91-99.

Л.Г.Попова, Э.В. Свидерская

Специфика вербального оформления английской и русской образовательной рекламы

Аннотация: В предлагаемой статье рассматривается специфика вербального оформления рекламы образовательных услуг в русском и английском языке с позиции анализа рекламных сообщений в сфере маркетинговой лингвистики.

Ключевые слова: маркетинговая лингвистика, целевая аудитория, языковые средства, образовательная реклама, вербальное оформление рекламы.

Abstract: The paper examines the specifics of the verbal design of educational advertising in Russian and English from the perspective of analyzing advertising messages in the field of marketing linguistics.

Keywords: marketing linguistics, target audience, language tools, educational advertising, verbal design of advertising.

Реклама образовательных услуг становится особенно актуальной в современном мире (Бирюкова, Паршков, 2024), где конкуренция между образовательными учреждениями усиливается, а спрос на качественное обучение растет. Реклама образовательных услуг находится на стыке множества научных дисциплин: маркетинговой лингвистики, маркетинга, психологии, социологии (Стрельцова, 2021, с. 3).

Для маркетинговой лингвистики особый интерес представляют особенности использования тех или иных языковых средств и отражения культурных и социальных особенностей в языке рекламных сообщений. В рамках настоящего исследования рассматриваются рекламные сообщения, размещённые для продвижения образовательных услуг в России и Великобритании, на русском и английском языках соответственно.

При создании аргументации в рекламном дискурсе важнейшую роль играет лексика. Каждое слово в рекламном тексте должно не только способствовать четкому пониманию информации, которую хочет донести рекламодатель, но и убедить читателя в правдивости и правильности представленных данных. Как отмечают Д.Э. Розенталь и Н.Н. Кохтев в книге «Язык рекламных текстов», использование эмоционально окрашенной информации в сочетании со стандартными элементами текста помогает создать более яркое и глубокое восприятие рекламы (Розенталь, Кохтев 1981, с. 31).

Для повышения воздействия рекламы на аудиторию часто используются стилистические фигуры, такие как эпитеты, метафоры и сравнения, что делает текст более выразительным и запоминающимся. В образовательной рекламе наиболее распространены эпитеты, указывающие на высокое качество обучения, такие как «качественный», «квалифицированный» и «уникальный», которые подчеркивают достоинства образовательных услуг и профессионализм педагогов. Приведем некоторые примеры.

Россия:

Skyeng: "**Уникальная** методика обучения и **квалифицированные** преподаватели помогут вам достигнуть успеха!"

LinguaTrip: "**Качественные** языковые курсы от лучших школ мира, которые откроют для вас двери в новую культуру!"

Языковая школа Альянс: "Наши **высококвалифицированные** преподаватели создадут для вас **комфортную** атмосферу обучения!"

Тинькофф Образование: "**Уникальные** курсы, которые помогут вам развить важные навыки для **успешной** карьеры!"

Великобритания:

1. British Council: "Get **quality education** with **experienced** teachers who will help you speak English with **confidence**!"

2. EF Education First: "Our **unique** immersion program guarantees that you will quickly master English!"

3. Open University: "Explore **fascinating** subjects with our **recognized** international approach to learning!"

4. University of Cambridge Online Courses: "Choose our **specialized** programs and learn from **the world's best** instructors!"

Большинство учебных заведений используют скрытое сравнение с конкурентами, применяя прилагательные в сравнительной и превосходной степени, такие как «эффективнее», «выгоднее», «лучше», а также слова с положительной семантикой, например, «особенный», «уникальный» и «неповторимый». Например, Skyeng: "Наши уроки **эффективнее**, чем у конкурентов, благодаря индивидуальному подходу и инновационным методам!"; Sputnik: "Выбирайте только **лучшие** курсы, которые обеспечивают **уникальные** результаты и высокое качество обучения!" или британские варианты: Imperial College London: "Join Imperial for an

unparalleled experience in education, where our innovative courses set you ahead of the competition"; University College London (UCL): "Experience a **superior** learning environment at UCL, with **unique** opportunities to collaborate with leading researchers."

Одним из самых эффективных стилистических средств в рекламе является метафора, так как она не только придаёт выразительность речи, но и становится мощным инструментом убеждения. Лучшие метафоры оставляют пространство для работы подсознания, что усиливает эмоциональное восприятие рекламы и её влияние на потребителя. Важность метафоры в коммуникации заключается в её способности воздействовать на интеллект и чувства адресата, в результате чего язык рекламы активно использует этот прием. Представим примеры из российской и британской образовательной рекламы: *Россия*: Learn English Center: "Погрузитесь в английский мир, чтобы **заглянуть за горизонт** своих возможностей!"; Skillbox: "**Запустите карьеру** с нашими курсами — ваше образование станет мощным двигателем успеха!" и *Великобритании*: University of Edinburgh: "**Soar to new heights** with an education that elevates your career and broadens your horizons"; University of Bristol: "**Plant the seeds of your future** with an education that nurtures growth and innovation".

В рекламных текстах часто используется лексика с положительной коннотацией, представленная в пяти основных группах, которые описывают уникальные возможности для развития, квалификацию педагогов, дружелюбную атмосферу, современные методы обучения и доступные цены. Например, такие слова как «радость» и «счастье» используются для эмоциональной аргументации: «Учить язык — это большая радость!» или «Мы воспитываем счастливых, уверенных в себе людей!».

Языковая игра в рекламе подразумевает сознательное нарушение норм и правил речевого общения, а также искажение общепринятых понятий для придания сообщению большей яркости и выразительности.

Ю.С. Бернадская, Т.А. Костылева в своей работе, в частности, отмечают, что для усиления аргументации рекламодатели активно применяют языковые средства, такие как риторические фигуры, диалогизация и ссылки на авторитетные организации (Бернадская, Костылева, 2008, с. 139). Это делает текст более убедительным и привлекательным.

В зависимости от целей и намерений рекламодателя можно выделить несколько способов речевого воздействия, включая убеждение, побуждение, внушение, уговаривание, подражание и манипулирование (Сергеева, Хонг Нгок 2020, с. 3). В контексте образовательной рекламы могут использоваться все эти методы, но наибольшее значение имеет именно убеждение. Это достигается как через рациональные аргументы, такие как факты, логика и статистика, так и посредством эмоциональных доводов, основанных на риторических фигурах и экспрессивных языковых

конструкциях. Использование таких языковых средств помогает создать впечатление убедительности и достоверности высказываний.

Сопоставительный анализ английских и русских текстов образовательной рекламы показал большое количество сходств. В текстах на сопоставляемых языках присутствуют эпитеты, указывающие на высокое качество обучения, скрытое сравнение с конкурентами, применяются прилагательные в сравнительной и превосходной степени, используется метафора. Отличительной особенностью русских текстов выступает номинация самих конкурентов, что в рекламных текстах на английском языке отсутствует. Дополнительным отличием русских текстов является присутствие в них лексики с положительной коннотацией, использование таких слов, как «счастье» и «радость».

Литература

1. Бернадская Ю.С., Костылева Т.А. (2006). Приемы речевого воздействия в рекламе. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/priemy-rechevogo-vozdeystviya-v-reklame?gclid=EAlaIqo_bChMI8vjxwqzi6gIVvCB7Ch0huQ5TEAAAYASAAEGk4-fD_BwE (дата обращения: 10.10.2024).
2. Бирюкова Е.В., Паршков Н.С. Этнокультурный компонент в рекламных текстах образовательных организаций в иноязычном образовании // Многоязычие в образовательном пространстве. – 2024. – №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnokulturnyy-komponent-v-reklamnyh-tekstah-obrazovatelnyh-organizatsiy-v-inoazychnom-obrazovanii> (дата обращения: 17.10.2024).
3. Розенталь Д.Э., Кохтев Н.Н. Язык рекламных текстов. – М.: Высш. шк., 1981.
4. Сергеева Е.В., Ву Хонг Нгок Лексические средства воздействия на адресата в педагогическом рекламном дискурсе (на материале рекламы музыкальных школ и курсов творчества) // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2020. – №195. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksicheskie-sredstva-vozdeystviya-na-adresata-v-pedagogicheskom-reklamnom-diskurse-na-materiale-reklamy-muzykalnyh-shkol-i-kursov> (дата обращения: 17.10.2024).
5. Стрельцова О.И. Особенности выражения информации о социальном статусе коммуникантов в текстах, продвигающих образовательные услуги // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – №5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vyrazheniya-informatsii-o-sotsialnom-statuse-kommunikantov-v-tekstah-prodvigayuschih-obrazovatelnye-uslugi> (дата обращения: 17.10.2024).

К.М. Шилихина

Метадискурс в различных режимах коммуникации: сопоставительный анализ корпусных данных

Аннотация: На основе данных различных подкорпусов Национального корпуса русского языка в статье проводится количественное и качественное сопоставление функционирования ряда метакommunikативных конструкций, содержащих глаголы речи (как *говорится*, что называется, я бы сказал(а), как принято говорить). Цель исследования заключается в обнаружении сходств и различий в употреблении метакommunikативных маркеров в различных режимах речи.

Ключевые слова: языковой корпус, метакоммуникация, рефлексия говорящего, конструкция, лексический выбор.

Abstract: Using the data of various subcorpora of the Russian National Corpus, the paper compares the functioning of a number of metacommunicative constructions. The analysis includes constructions containing verbs of speech (*as they say, what may be called, I would say, as they usually say*). The aim of the study is to identify similarities and differences in the use of metacommunicative markers in different speech modes.

Key words: language corpus, metacommunication, speaker's reflection, construction, lexical choice.

Метакоммуникация является достаточно популярным объектом исследования в современной лингвистике. Интерес к ней объясняется тем, что метакоммуникативные компоненты высказывания отражают процесс регулирования дискурса и социальных отношений между его участниками (Чернявская 2020, Hyland 2005). Кроме того, метакоммуникация эксплицирует языковую рефлексия говорящих, т.е. то, как они структурируют дискурс и как они оценивают качество коммуникации.

На сегодняшний день значительная часть исследований, посвященных метакоммуникативной составляющей дискурса, выполнена на материале письменных академических текстов, и это вполне объяснимо: для научной коммуникации ее логическая организация имеет первостепенное значение (Hyland 2005). В последнее время метакоммуникация изучается и на материале компьютерно-опосредованного дискурса, где на первый план выходит организация взаимодействия между коммуникантами и регуляция понимания (Metadiscourse in Digital Communication 2021). Если же говорить об объеме анализируемых данных, то, как правило, он невелик, и это не дает исследователям возможности делать более широкие обобщения.

Естественным путем решения проблемы данных кажется обращение к языковым корпусам. Однако некоторые исследователи, например (Ådel & Maaßen 2010), отдают предпочтение качественным исследованиям конкретных текстов, в которых отбор материала производится «вручную», и критически оценивают возможности корпусов для изучения метакоммуникации. Для такого негативного отношения к корпусным данным есть по меньшей мере две причины: во-первых, метакоммуникативные конструкции могут не иметь постоянной формы, и это существенно затрудняет поиск в корпусе и отбор данных, а во-вторых, языковые единицы, которые могут использоваться как метакоммуникативные маркеры, часто могут выполнять и другие функции, поэтому при работе с корпусом по-прежнему необходимо вручную отбирать только те контексты, в которых реализуется именно метакоммуникативная функция, а это достаточно трудоемкий процесс.

Критика возможностей корпуса в определенной мере справедлива, однако представляется, что достоинства корпусов многократно

перевешивают возникающие трудности (Шилихина 2024). Названные выше проблемы решаются различными способами. Например, проблему отсутствия постоянной формы можно обойти, если ограничить исследование «однословными» метакоммуникативными маркерами, например, вводными словами или глаголами, называющими речевые действия (*шутить, иронизировать*). Однако при таком подходе из поля зрения выпадает огромный пласт метакоммуникативных маркеро-конструкций (например, *скажем так, если можно так выразиться, что называется, так сказать, как я говорю в таких случаях / ситуациях*).

Как можно решить проблему нахождения в корпусе метакоммуникативных конструкций, состав которых изменчив? На наш взгляд, можно использовать несколько вариантов поисковых запросов – от поиска точных форм до поиска конструкций с учетом вариантов заполнения некоторых слотов: например, для конструкций «*как сейчас / теперь / нынче / говорят*» в лексико-грамматическом поиске можно оставить только тэг «наречие», не задавая конкретного варианта.

Вторая проблема решается ручной обработкой конкорданса: обработка Excel-таблиц (использование различных вариантов сортировки) позволяет достаточно быстро отделить метакоммуникативное использование от прочих вариантов функционирования интересующих нас конструкций.

В данном исследовании была поставлена цель проанализировать, как часто говорящие используют метакоммуникативные комментарии лексического выбора в различных режимах речи. Для этого проводился количественный и качественный анализ употребления конструкций в основном, устном, газетном (центральные СМИ) подкорпусах и подкорпусе «Социальные сети» Национального корпуса русского языка. При таком подходе появляется возможность делать выводы относительно того, насколько метакоммуникация распространена в различных типах и модусах дискурса.

Для анализа отбирались конструкции, в которых используются глаголы речевой деятельности (*говорить, сказать, называть / назвать, выражаться / выразиться*). Поскольку объем данной статьи не позволяет нам представить все проанализированные конструкции, мы ограничимся следующими: *как говорится, что называется, я бы сказал(а), как принято говорить*. Эти конструкции имеют общую метакоммуникативную функцию – они маркируют рефлексивную функцию говорящего относительно определенного способа номинации или дескрипции. В примерах ниже выделены интересующие нас конструкции и те средства номинации, на которых говорящий акцентирует внимание адресата:

И в дальнейшем продолжится понижение температуры, так что нам, как говорится, не заказаны и 20-градусные морозы», – отмечала синоптик. [МЧС предупредило о сильном снегопаде и гололедице в Москве // Ведомости, 2021.12.18]

Ну / что называется себе дорожке/ потому что если ты получишь травму/ то/ как бы дальше-то как жить? [В. Дубынин. Мозг и агрессия (2017)]

Он создал, я бы сказал, цирковую империю. [Игорь Кио. Иллюзии без иллюзий (1995-1999)]

Бывшие уличные хулиганы, дети из неполных семей и прочие, как сейчас принято говорить, «социально незащищенные слои населения», за несколько лет выходили в богачи, в миллионеры, в элиту. [vk (02.02.2016)]

Отметим, что выбранные для анализа конструкции отличаются и по своим формальным, и по содержательным характеристикам: если конструкции как *говорится*, *что называется* и *я бы сказал(а)* имеют постоянную форму, то конструкция как *принято говорить* допускает наличие переменных в своем составе (ее вариантами можно считать как *было принято говорить*, как *сейчас / нынче / теперь принято говорить* – в таблицах ниже переменный слот обозначен знаком «*»). Прагматически конструкция «*я бы сказал(а)*» отличается от остальных, поскольку она направлена не только на способ выражения мысли, но и на говорящего. Три другие конструкции указывают на узуальность выбранных способов номинации или дескрипции.

Процедура корпусного анализа включала несколько этапов. На первом этапе сбора материала для получения максимального количества контекстов были использованы различные варианты запросов в поиске точных форм и в режиме лексико-грамматического поиска. Общее количество контекстов до ручной обработки в Excel-таблицах приведено в таблице 1.

Таблица 1. Общее количество контекстов в четырех подкорпусах НКРЯ до ручной обработки конкордансов

Конструкция	Основной подкорпус	Газетный подкорпус	Устный подкорпус	Социальные сети
<i>как говорится</i>	7536	21220	1264	3259
<i>что называется</i>	5272	10175	451	1102
<i>я бы сказал(а)</i>	2299	4071	795	1123
<i>как * принято говорить</i>	255	497	27	67

Как уже упоминалось выше, конструкции могут употребляться как в метакоммуникативной функции (и тогда мы имеем дело с синтаксически независимыми вводными конструкциями), так и как значимая часть высказывания (часто – как подлежащее и сказуемое), например:

Исходное выражение является тем, что называется на языке лингвистики устойчивым словосочетанием и функционирует как целое, т. е. именно как имя: ср. рукав три четверти, половина бюджета — три четверти бюджета и т. п., полученное же выражение устойчивым словосочетанием не является [Ю. С. Степанов. О предпосылках лингвистической теории значения // «Вопросы языкознания», 1964].

Я чаще всего бываю в одном доме на Безменовке, возле морга, и если бы вы согласились встретиться, я бы сказал вам адрес и мы бы условились о времени... [Сергей Шикера. Стень (1998) // «Волга», 2009]

Наличие таких употреблений требует ручной обработки конкордансов; наиболее экономный способ обработки – различные виды сортировки контекстов в таблицах Excel, которые позволяют группировать контексты в зависимости от позиции интересующих нас конструкций в высказываниях, наличия знаков препинания, которые сигнализируют наличие вводных конструкций и т.д. На втором этапе исследования (после ручной обработки) объем полученных конкордансов существенно изменился: в Таблице 2 представлено оставшееся количество контекстов и их процентная доля от первоначального конкорданса.

Таблица 2. Общее количество контекстов в четырех подкорпусах НКРЯ после ручной обработки конкордансов

Конструкция	Основной подкорпус	Газетный подкорпус	Устный подкорпус	Социальные сети
<i>как говорится</i>	7118 (94,5%)	7707 (36,3%)	1264 (100%)	3259 (100%)
<i>что называется</i>	3497 (66,3%)	9394 (92%)	296 (65,6%)	926 (84%)
<i>я бы сказал(а)</i>	1676 (72,9%)	2244 (55,1%)	568 (71,4%)	645 (57,4%)
<i>как * принято говорить</i>	255 (100%)	497 (100%)	27 (100%)	67 (100%)

Обращает на себя внимание резкое уменьшение конкорданса для конструкции «*как говорится*» в газетном подкорпусе: после ручного анализа осталось только 36,3% контекстов, в которых «*как говорится*» употребляется как метакоммуникативный маркер. Такая ситуация объясняется характерным для данного режима речи обилием контекстов с «эвиденциальным» употреблением конструкции, с помощью которой в высказывание вводится источник информации:

Как говорится на сайте Манежа, пострадали стропила, которые перекрывали без промежуточных опор пространство почти в пятьдесят метров. [Зачем построили московский Манеж // Парламентская газета, 2021.12.12]

Интересно, что в устном подкорпусе и в подкорпусе «Социальные сети» «эвиденциальные» употребления конструкции «*как говорится*» не зафиксированы, что позволяет говорить о полной прагматикализации этой конструкции в повседневной устной и компьютерно-опосредованной коммуникации и о тяготении «эвиденциального» употребления к письменной речи, где указание на источник информации является важным.

Для конструкции «*как * принято говорить*» объем конкордансов остался неизменным, что указывает на ее исключительно метакоммуникативное функционирование.

Основной подкорпус дает наиболее общее представление о функционировании исследуемых конструкций во всех режимах речи, представленных в НКРЯ: конструкция «*как говорится*» используется чаще других. Среди отобранных конструкций она же является «лидером» по частотности употребления и в других подкорпусах.

Если же сравнивать подкорпуса с точки зрения частотности употребления анализируемых конструкций, то наибольший объем метакоммуникации характерен для устного дискурса. Если сравнить данные об относительных частотах употребления четырех конструкций, нетрудно заметить, что «*как говорится*» тяготеет к устной речи – относительная частота этой конструкции в последние 70 лет составляет около 100 вхождений на 1 млн. словоупотреблений, в то время как в остальных подкорпусах она не превышает 40. То же можно сказать и о конструкции «что называется» – в устном подкорпусе ее относительная частота в последние десятилетия составляет около 60 вхождений на 1 млн. словоупотреблений, а в трех остальных подкорпусах она не превышает 30. Частотность употребления конструкции «я бы сказал(а)» в газетном подкорпусе падает, в основном подкорпусе и в социальных сетях ее частотность не превышает 20 вхождений, а вот в устном подкорпусе начиная с 1960-х годов ее относительная частота достаточно устойчиво держится между 50 и 100 вхождениями. Конструкция «*как * принято говорить*» употребляется преимущественно в письменных текстах, во всех подкорпусах ее относительная частота самая незначительная – от 1 до 2 вхождений на 1 млн. словоформ.

Что касается окружения, в котором встречаются конструкции, маркирующие лексический выбор, то, как правило, акцентируется внимание либо на речевых клише, либо на метафорических номинациях, либо на стилистически сниженных способах названия или описания объектов или ситуаций, контрастирующих с общей стилистикой высказывания.

Подведем некоторые итоги. Работа с корпусными данными позволяет делать выводы о функционировании метакоммуникативных конструкций в различных режимах речи, сопоставляя данные о частотности их употребления. Обращение к конкордансам также дает возможность анализировать синтаксическое поведение метакоммуникативных конструкций, однако этот аспект в данной работе не затрагивался и составляет перспективу дальнейших исследований.

Литература

1. Чернявская В.Е. Метапрагматика коммуникации: когда автор приносит свое значение, а адресат свой контекст // Вестник СПбГУ. Язык и литература. – 2020. – Т.17. – Вып.1. – С. 135-146.

2. Шилихина К.М. Корпусные данные во внутриязыковых и межъязыковых сопоставительных исследованиях // Сопоставительные исследования 2024. – М.: ООО «Ритм», 2024. – С. 13-18.
3. Ädel A., Mauranen A. Metadiscourse: Diverse and divided perspectives // Nordic Journal of English Studies. – 2010. – № 9 (2). – P. 1-11.
4. Hyland K. Metadiscourse: Exploring interaction in writing. – Continuum, 2005.
5. Metadiscourse in Digital Communication. New Research, Approaches and Methodologies. Ed. by L. D'Angelo, A. Mauranen & S. Maci. – Cham: Palgrave Macmillan, 2021.

Раздел 6. Сопоставительные исследования в области грамматики

В.Н. Картавец

Реципрок *1/S* социатив в английском языке: внутриязыковое сопоставление

Аннотация: В статье представлено сопоставительное исследование средств выражения семантики взаимности и совместности в английском языке. На основе понятия функционально-семантического поля автор делает вывод о наличии в английском языке двух периферийных вариантов категориальной семантики залоговости, каждый из которых может рассматриваться как отдельная категория низшего порядка.

Ключевые слова: залог, функционально-семантическое поле, реципрок, социатив, функциональная грамматика.

Abstract: The paper aims at the comparative analysis of language means expressing reciprocity and sociativity in English. Basing on the concept of a functional semantic field, the author concludes that they represent two corresponding minor categories on the periphery of the major category of voice.

Key words: voice, functional semantic field, reciprocity, sociativity, functional grammar.

Теория залогов предполагает существование в языках мира различных залогов, выделяемых на основе морфологических форм глагола, маркирующих отношение обозначаемого ими действия к подлежащему. При этом существуют, кроме прочих, два вида залогов: реципрок, обозначающий взаимное действие, и социатив, обозначающий совместное действие, он же кооперативный залог (Храковский 1990).

Теория функциональной грамматики, разработанная А.В. Бондарко и его единомышленниками, предполагает, в свою очередь, существование в языке функционально-семантического поля залоговости, объединяющего в себе различные смыслы, связанные с отношением действия к подлежащему и различные языковые средства, их выражающие (Бондарко 1976; Храковский 1990). При подобном подходе становится

возможным описанием залоговой семантики, не получающей специального морфологического выражения в данном языке, то есть не оформленной в категорию залога. Для этого авторы теории оперируют понятием периферии поля. Например, описывают в качестве периферии поля залоговости различные разряды возвратных глаголов (Бондарко 1976), среди которых есть и взаимно-возвратный, непосредственно «отвечающий» в русском языке за выражение реципрокальной семантики. Придерживаясь данного подхода, обратимся к материалу английского языка и сопоставим два множества языковых средств, выражающих реципрокальные (взаимное действие) и социативные (совместное действие) отношения соответственно.

Так, в английском языке есть наличие оппозиции активного и пассивного (в русскоязычной терминологии – действительного и страдательного) залогов, которые являются именно залогом в собственно морфологическом смысле слова и, соответственно, претендуют на то, чтобы рассматриваться в качестве ядра английской залоговости (см.: Смирницкий 1959). Далее важно отметить, что многочисленные варианты залоговой семантики, получившие в русском языке языковое воплощение в виде соответствующих разрядов возвратных глаголов, в английском языке в единую морфологическую общность не выкристаллизовались.

Соответственно, смыслы, выражаемые реципроком и социативом, не получают в английском языке ни регулярного морфологического оформления, наподобие того, как его получает оппозиция актива и пассива, ни лексико-грамматического оформления в виде разрядов глаголов с определенным, но единым для всех глаголов данного множества морфологическим формантом. Данные факты указывают на то, что рассматриваемые языковые средства относятся к периферии поля залоговости. Рассмотрим их более подробно.

Реципрок может быть выражен, во-первых, в рамках трех синтаксических конструкций:

A and B talked about the weather – конструкция с подлежащим, в котором выражены все участники действия;

A and B talked to each other about the weather – конструкция с подлежащим, в котором выражены все участники действия, и местоименным маркером реципрока;

A/B talked to B/A about the weather – конструкция с подлежащим, в котором выражена одна сторона действия.

Данные конструкции находятся в отношениях взаимной трансформации, что легло в основу универсального теста на реципрокальность, предложенного В.П. Недялковым (Nedjalkov 2007).

Во-вторых, с одной из этих конструкций соотносится употребление специального маркера реципрока в английском языке – реципрокальных

местоимений. Таких местоимений два: *each other* и *one another* (с предложными вариантами). Функционально к ним примыкает предложно-местоименное сочетание *between our/your/themselves*. Данные местоимения и сочетание, на наш взгляд, можно назвать относительно регулярными средствами выражения реципрока в английском языке.

В-третьих, в английском языке достаточно многочисленны глаголы с приставками *di-* и *co(n)-*, выражающие реципрокальные смыслы: *differ, diverge, coincide, conflict, cooperate*. То есть, данные приставки можно назвать нерегулярными, словообразовательными маркерами реципрока в английском языке.

В-четвертых, в английском языке существуют и глаголы, не имеющие вышеназванных приставок, в которых реципрокальная семантика заключена в корне – *fight, struggle, talk* и др. Данные глаголы логично назвать «скрытым» сегментом реципрокальности в английском языке.

Таким образом, мы видим, что выражение реципрокальности в английском языке базируется на трех синтаксических моделях, в рамках которых функционируют специализирующиеся на выражении реципрокальной семантики местоимения, а также приставочные (со специальными реципрокально ориентированными приставками) и бесприставочные реципрокальные глаголы.

Что касается социатива, то его важным свойством является наличие во многих случаях объекта, на который направлено совместное действие: *We celebrated his birthday* (ср. с описанием аналогичных ситуаций А. Мустайоки: Мустайоки 2006). В отличие от реципрокальной семантики, когда прямой объект может выражать одну из сторон реципрокального действия (с глаголом *fight*), при выражении социатива прямой объект выражает предмет/ситуацию, на который/которую направлено совместное действие (см. пример выше). Или же, как и во многих случаях с реципроком, прямой объект при выражении социативной семантики вообще отсутствует, как в пословице *Birds of a feather flock together*. Отметим, что для выражения социатива в конструкциях, когда сотрудничающие участники выражены в позициях слева и справа от сказуемого, как и для реципрока, характерно использование предлога *with*. При этом трансформационный потенциал социативных конструкций аналогичен трансформационному потенциалу реципрокальных конструкций и воспроизводит тест на реципрокальность, описанный В.П. Недялковым (Nedjalkov 2007):

A and B celebrated X ⇔ *A and B celebrated X together* ⇔ *A/B celebrated X together with B/A*.

При этом маркером социатива будет наречие *together*, употребляемое отдельно или с предлогом *with*, вводящим позицию для второго участника. Роль данного наречия в образовании социатива сопоставима с ролью реципрокальных местоимений в образовании реципрока, однако оно может

использоваться и для выражения иных, отличных от социативной, видов семантики.

Что же касается глаголов, ингерентно несущих рассматриваемую семантику, то с ними дело будет обстоять иначе. Глаголы сотрудничества или совместного обсуждения, конечно, присутствуют в английском языке, но они являются глаголами, несущими одновременно и реципрокальную семантику: *cooperate, collaborate, discuss*. Получается ли, что отдельных социативных глаголов, «оторванных» от выражения реципрокальности, в английском языке не существует? Напрашивается ответ, что не существует. По крайней мере, нам пока не встречались такие глаголы.

Проанализируем сходства и различия средств выражения реципрока и социатива в английском языке.

Что касается сходств:

- и реципрок, и социатив выражаются равноуровневыми средствами языка: глагольными приставками, местоименным или наречным маркером, конструкцией с предлогом *with*;

- и реципрок, и социатив допускают аналогичные трансформации своих конструкций без потери основного – пропозиционального – содержания, но с изменением коммуникативных смыслов (см. об этом подробнее: (Кобозева 2000));

- и реципрок, и социатив выражаются в некоторых случаях одновременно – одними и теми же приставочными глаголами.

При этом мы не находим в английском языке глаголов, ингерентно передающих семантику социатива без семантики реципрока. Корни, ингерентно несущие семантику социатива, также пока не обнаружены. Последнее говорит о том, что реципрок в большей степени освоен лексикой английского языка, чем социатив. Социатив, в свою очередь, освоен синтаксисом.

Приведенный выше анализ позволяет нам сделать вывод, что на периферии функционально-семантического поля залоговости в английском языке находятся две грамматические категории, объединяющие равноуровневые средства выражения определенной категориальной семантики, которые также можно описать по полевому принципу. Получается эффект матрешки – поля низшего порядка существуют внутри поля более высокого порядка. Причем эти поля имеют, подобно уже описанным лингвистами полям, зону синкретизма, в которой находятся глаголы, совмещающие в своем лексическом значении семантику социатива и реципрока. Данные глаголы можно назвать реципрокально-социативными по аналогии с взаимно-совместным типом залога, выделяемым в некоторых языках (см. Храковский 1990).

Подобное представление категорий реципрока и социатива соответствует системному подходу к описанию языковых категорий, в котором принято выделять подсистемы в составе систем высшего порядка

(Мельников 1978). В.Ю. Копров также пишет о выделении подсистем при семантико-функциональном подходе к залоговости, однако имеет в виду смежные подсистемы, например, выражение причины при помощи возвратных глаголов (Копров 2016).

В заключение отметим, что изучение функционирования систем реципрока, социатива и залоговости в целом, а также зоны реципрокально-социативного синкретизма является перспективным продолжением нашего исследования.

Литература

1. Nedjalkov V.P. Reciprocal Constructions. – Amsterdam: John Benjamins, 2007.
2. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. – Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1976.
3. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. – М.: Эдиториал УРСС, 2000.
4. Копров В.Ю. Семантико-функциональная грамматика русского и английского языков – М.: ФЛИНТА: Наука, 2016.
5. Мельников Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики. – М.: Сов. радио, 1978.
6. Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса – М.: Языки славянской культуры, 2006
7. Смирницкий А.И.. Морфология английского языка. – М: Изд-во лит. на иностр. яз., 1959.
8. Храковский В.С. Залог // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 160-161.

Т.С. Орлова

Сопоставление способов выражения числа существительных в английском языке: исторические, этимологические и грамматические факторы

Аннотация: В статье проводится рассмотрение различных способов выражения категории числа в английском языке.

Ключевые слова: категория числа, существительное, английский язык.

Abstract: The paper examines various ways of expressing the category of number in English.

Key words: number category, noun, English.

В английском языке формирование числа существительных – это процесс, обусловленный как грамматическими, так и этимологическими особенностями слов. Для большинства английских существительных форма единственного числа является стандартной формой слова, при этом она часто не требует добавления окончаний или изменений. Такое явление называется нулевой флексией. Однако есть исключения, когда изменение формы слова происходит посредством чередования внутренних морфем, например, изменение слова "foot" на "feet". Это указывает на то, что

в английском языке сохраняются следы древних грамматических структур, где изменение гласных в корне слова обозначает множественное число.

Особый интерес представляют существительные, формы единственного и множественного числа которых совпадают. Примеры таких слов включают "deer" и "fish", где одинаковая форма используется для обозначения как одного, так и для нескольких объектов. Эти случаи демонстрируют аспекты английского языка, где традиционные морфологические изменения уступают место контекстуальному пониманию количества.

Существительные с латино-греческой этимологией в английском языке часто сохраняют формы множественного числа, характерные для исходных языков. Например, слово "datum" во множественном числе становится "data", а "oasis" превращается в "oases". Эти примеры показывают, как историческое наследие языка продолжает влиять на его современное использование и подчеркивает глубокую связь английского с другими европейскими языками.

Также встречаются супплетивные формы образования множественного числа. В английском языке ярким примером является "person", которое во множественном числе принимает форму "people". Эти изменения не следуют общим морфологическим правилам, а являются результатом исторического языкового развития.

Таким образом, механизмы формирования числа существительных в английском языке отражают сложную взаимосвязь между историческим развитием, этимологическим происхождением слов и грамматическими правилами. Подобная система обеспечивает не только грамматическую функциональность, но и культурное разнообразие, делая английский язык уникально выразительным и гибким.

В изучении языка особенно важно понимание того, как формы числа существительных соотносятся с их семантическим значением. Исследования в этой области часто указывают на то, что лингвистическая форма числа может не полностью совпадать с его содержательным значением, подчеркивается не всегда очевидное соответствие между формой выражения и планом содержания. Как замечает В. И. Дегтярев, исторически сложившиеся языковые формы иногда находятся в диссонансе с современными представлениями о том, что они обозначают, что приводит к некоторым несоответствиям и парадоксам в использовании языка (Дегтярев 1982, с. 8).

Примером такого диссонанса может служить употребление грамматической формы единственного числа для обозначения коллективного понятия, как в случае с фразой "the kangaroo is found in Australia", где говорится о виде в целом, а не об одной особи. Аналогичным образом, использование множественного числа для указания на единичный объект или понятие ("the Netherlands" или "billiards") подчеркивает, что

форма множественного числа может передавать идею о сложности или множественности аспектов единого объекта.

Существуют также существительные, которые традиционно используются только в единственном числе – так называемый *singularia tantum*. Эти слова часто относятся к абстрактным понятиям, как, например, "happiness", к неисчисляемым веществам ("sugar"), к названиям отдельных небесных тел ("Sun") или к географическим названиям ("North"). Они указывают на уникальность и неделимость объекта или понятия, что отражает особенности восприятия этих объектов в реальности. Однако в некоторых контекстах, например, при обозначении различных типов или сортов веществ, такие существительные могут использоваться в множественном числе, подчеркивая разнообразие и множественность вариантов в рамках одного понятия.

Такое использование множественного числа существительных разряда *singularia tantum* может быть особенно выразительным в литературе, где авторы стремятся создать более насыщенный и многослойный образ. Например, в романе Джоанны Мэнселл "Forgotten Fire" упоминается: "By next week there could be dull skies, rain and cold winds". Здесь слово "skies" во множественном числе используется для создания образа разнообразия погодных условий, что добавляет глубины описанию и подчеркивает нестабильность предстоящей погоды (Forgotten fire. Mansell, Joanna. Richmond, Surrey: Mills & Boon, 1992).

Изучение способов выражения числа в языке позволяет не только лучше понять грамматические особенности языка, но и глубже осмыслить, как языковые формы могут влиять на восприятие и интерпретацию реальности.

В английском языке также существует особая категория существительных, известная как *pluralia tantum*, которая относится к словам, употребляющимся исключительно во множественном числе. Эти существительные обычно описывают предметы, состоящие из нескольких частей и не воспринимающиеся как единичные объекты, например, "scissors" (ножницы) или "glasses" (очки). Такие предметы часто состоят из двух и более соединенных и функционирующих вместе частей, что обуславливает их употребление во множественной форме.

Другая группа существительных, относящаяся к *pluralia tantum*, включает в себя названия наук и академических дисциплин, например, "mathematics" (математика), "physics" (физика) или "linguistics" (лингвистика). Эти термины, как правило, обозначают целые области знаний, что также подразумевает множественность в их семантике.

Третья категория включает в себя слова, которые по своей природе выражают собирательность или коллективность. Примерами таких слов могут служить "customs" (таможенные пошлины или обычаи), "proceedings" (заседания, делопроизводство) или "contents" (содержание).

Эти существительные включают в себя множество аспектов или элементов, что обуславливает их употребление во множественной форме.

Анализируя эти слова, А.И. Смирницкий говорит о «партитивной множественности», под которой понимается способность этих слов отражать множественность их составных частей в рамках одного объекта или понятия. Концепция единичности у таких предметов может быть передана только с помощью добавления количественных определителей, например, "a pair of" (пара), "a set of" (набор), или "a piece of" (кусок), что позволяет конкретизировать обсуждаемое количество, как в "a pair of shoes" (пара ботинок) или "a set of tools" (набор инструментов) (Смирницкий 1959, с. 122).

Следует отметить, что подобные языковые особенности, как указывал А.А. Реформатский, могут рассматриваться как аномалии в грамматической системе, поскольку они исключают прямое количественное разграничение на уровне формы слова. Однако такие аномалии находят свое объяснение в логике языка и реальности, подчеркивая сложность и гибкость английской грамматики в выражении количественных и качественных характеристик объектов. Это делает английский язык особенно выразительным и адаптивным, позволяя говорящим точно передавать и различать многие аспекты окружающего мира.

Проведённый анализ подтверждает, что формирование числа существительных в современном английском языке отличается значительной вариативностью. Регулярные способы образования множественного числа сочетаются с изменением корневых гласных, супплетивными формами и заимствованиями, отражающими влияние исторических и этимологических факторов на грамматическую систему. Наличие омонимичных форм единственного и множественного числа, а также существительных, не меняющих своей формы при указании на множественность, подчёркивает гибкость английского языка в передаче количественных и качественных признаков. Углублённое рассмотрение этих явлений способствует более полному пониманию механизмов языковой эволюции и проливает свет на внутрисистемные процессы, лежащие в основе морфологических изменений.

Литература

1. Дегтярев В. И. Категория числа в славянских языках. – Ростов н/Д : Рост. гос. ун-т, 1982.
2. Смирницкий А. И. Морфология английского языка. – М.: Литература на иностранных языках, 1959.

Раздел 7. Сопоставительные исследования и перевод

Л.М. Борисова

Перевод лакун, репрезентирующих национально-культурную специфику в художественном дискурсе

Аннотация: В статье анализируется специфика перевода на немецкий язык явлений и понятий, имеющих национально-культурный колорит в русскоязычном художественном дискурсе.

Ключевые слова: перевод, художественный дискурс, лакуны, способы элиминирования лакун.

Abstract: The paper analyzes the specifics of the translation into German of phenomena and concepts with national and cultural flavor in the Russian fiction.

Key words: translation, fiction, lacunae, ways of eliminating lacunae.

К номинативным средствам языка, участвующим наряду с другими средствами в создании картины мира, относятся лексемы, устойчивые номинации, фразеологизмы. Языковая картина мира создается также значимым отсутствием номинативных единиц (лакунарностью разных типов) (Попова, Стернин 2007б, с. 6). При этом следует учитывать, что исследование национального семантического пространства языка репрезентирует вторичную, опосредованную, языковую картину мира (Попова, Стернин 2007б, с. 7). Особенности номинации в художественном дискурсе обусловлены еще и тем, что в художественной картине мира могут отразиться национально-специфические концепты, а также тем, что художественная картина мира опосредована дважды – языком (речь идет о письменной коммуникации) и индивидуально-авторской концептуальной картиной мира (Попова, Стернин 2007б, с.8).

Важным элементом выявления особенностей национальной языковой картины мира является сопоставление с другими языками. При этом важным представляется описание национальной специфики значений языковых единиц (какие семантические различия выявляются в сходных значениях в разных языках): выявление отсутствующих единиц (лакун) в системе языка; выявление эндемичных (существующих только в одном языке) единиц (Попова, Стернин 2007б, с.7). Особую сложность при переводе на иностранный язык представляют национально-культурно обусловленные «словесные лакуны», когда «при наличии слова, вербализующего концепт в одном языке, в другом языке соответствующего слова может не быть» (Стернин 2013, с.117).

Предметом анализа в настоящей статье являются межъязыковые мотивированные или немотивированные лакуны (Попова, Стернин 2007а, с. 57) и способы элиминирования лакун в немецком тексте перевода

романа Андрея Битова «Пушкинский дом». При этом мы исходим из того, что и «унифицированное лексикографическое значение не является исчерпывающим для описания реального функционирования слова в современном языковом сознании и речи, оно нуждается в дополнении и верификации экспериментальными методами и анализом актуализации смыслового содержания слова в контексте» (Стернин, Рудакова 2017, с. 27). Сопоставительный анализ национально-культурной специфики языкового сознания и его реализации в речевой деятельности в разных языках способствует «рассмотрению того, каким образом информация о специфическом национальном восприятии мира, межличностных, социально-групповых отношениях, осознании своего «Я», самоидентификации человека в мире «фиксируется» в языке и проявляется в дискурсе» (Бороздина 2011, с.64). В нашем исследовании мы анализируем лакунарность и неэквивалентность в контексте сопоставления художественных дискурсов, характеризующихся наличием национально-специфических элементов культуры в тексте оригинала, при переводе которых имеют место несовпадение определенных реалий и их языковых презентаций. Рассмотрим следующие примеры:

1. В жизни Левы Одоевцева, **из тех самых Одоевцевых**, не случилось особых потрясений ... (Битов с.17). // Im Leben von Ljowa Odojewzew, **einem Nachfahren der bekannten Odojewzews**, kam es zu keinen besonderen Erschütterungen... (Bitow, S.21).

В данном примере мы наблюдаем ссылку повествователя в тексте оригинала на аристократическое происхождение главного героя: *из тех самых Одоевцевых*, что является достаточным на базе имеющейся presupпозиции русскоязычного читателя (старинный русский дворянский /княжеский род – Л.Б.), однако в тексте перевода имеет место расширение данного уточнения, не маркированного на метаакциональном уровне, появляется лексема *потомка* известных Одоевцевых. При этом семантический и коннотативный потенциал использованного в немецком языке описательного выражения для *из тех самых Одоевцевых* асимметричен. У немецкоязычного читателя может отсутствовать фоновое знание и реакция на фамилию Одоевцевы, и, соответственно, может иметь место непонимание того, чем известны Одоевцевы.

2. В младенчестве, правда (Лева был зачат в «роковом» году), случились с ним, **вернее** с его родителями, кое-какие неприятные перемещения в сторону их замечательного предка, **так сказать**, «*во глубину сибирских руд*». (Битов с.17-18). // In früher Kindheit freilich (Lojwa war in einem «Schicksalsjahr» gezeugt worden), kam es für ihn, **vielmehr** für seine Eltern, zu gewissen unangenehmen Ortsveränderungen in Richtung ihres bemerkenswerten Vorfahren, **sozusagen in «Sibiriens Bergwerkschächte»** (Bitow, S. 21).

В данном примере в оригинале имеет место компонент оценочного рефлексива (Вепова 2002) (градационного релятива по терминологии М.В. Ляпон (Ляпон 1986) *вернее говоря*. В тексте перевода используется наречие *vielmehr* «скорее». Далее следует дополнительная оценка выбираемой вербализации *tak skazat' / sozusagen*, однако наблюдаются серьезные расхождения в передаче смысла и стилистических особенностей с предлагаемым в тексте оригинала поэтическим выражением известного стихотворения А.С. Пушкина, которое для русскоязычного национального сознания репрезентирует глубокое релевантное знание и ярко выраженное коннотативное значение, которое не актуализируется в тексте перевода и не передает культурологической и национальной специфики претерпевшей по замыслу автора некоторую грамматическую трансформацию фразы А.С. Пушкина, которая получает также соответствующее графическое оформление. В тексте перевода это *горнорудные шахты Сибири* – номинация, лишенная коннотативного значения и денотативного значения места, куда были сосланы декабристы, которым посвящены знаменитые строки А.С. Пушкина.

3. ...не говоря об остальных, «**закордонных**», родственниках оттуда можно было ждать любого подвоха. В общем, «могло быть хуже». (Битов, с.18). // ...ganz zu schweigen von den anderen, den Verwandten **«draußen»**, da musste ja auf jede Tücke des Schicksals gefaßt sein. Alles in allem, es «hätte schlimmer kommen können» (Bitow, S. 22).

В рассматриваемом примере лексема *закордонные* (букв. «заграничные») обладает в русском языке дополнительным значением: покинувшие Родину во время революции дворяне и белогвардейские офицеры, эмигранты. В тексте перевода лексема *draußen* не содержит подобного семантического значения. В немецком языке данная лексема ассоциируется скорее с родственниками, которые остались в ФРГ после возведения так называемой Берлинской стены, поделившей город на 2 части и разделившей в одночасье семьи на тех, кто остался в ГДР и тех, кто остался в Западном Берлине, то есть в ФРГ, а также с родственниками, которые проживают географически удаленно.

4. ...этот милый дом был населен многочисленной профессурой: вымирающими **старцами** и их деканствующими детьми и аспиранствующими внуками ... (Битов, с.21). // ...dieses liebenswerte Haus wurde von einer zahllosen Professorenschaft bewohnt, von aussterbenden **Koryphäen** und ihren dekanierenden Kindern und doktorierenden Enkeln... (Bitow, S.25).

В этом примере лексема *старцы* передается немецкой лексемой *Koryphäen*. При этом согласно словарным дефинициям, если в тексте оригинала актуализируются семы почтительности и уважения к вымирающим старцам, принадлежащим к профессуре, то в тексте

перевода путем употребления лексемы Koriphäen акцент ставится на выдающихся заслугах вымирающих представителей профессуры.

5. Эта тихая **юдоль науки** всегда нравилась Леве. Он представлял, как samozабвенно и благородно трудятся люди в этом большом белоколонном здании...(Битов, с. 21). // Dieses stille **Bollwerk der Wissenschaft** hatte Ljowa immer gefallen. Er stellte sich vor, wie selbstlos und nobel die Menschen tätig waren in diesem großen Gebäude mit den weißen Säulen,...(Bitow, S.25).

В анализируемом примере лексема *юдоль* не имеет прямого соответствия в немецком языке. В тексте оригинала используется устаревшее, книжное слово *юдоль* в сочетании *юдоль науки*, обозначая научную жизнь, безусловно, полную забот и некоторой суеты, вероятно, страданий и печали. В тексте оригинала появляется определение *тихая юдоль науки*, характеризующая «самозабвенным и благородным трудом». Элиминация данной лакуны осуществляется в тексте перевода с помощью лексемы *Bollwerk* – бастион, и в переносном смысле – оплот. В тексте перевода данная лексема используется в переносном смысле для обозначения чего-то надежного, защищающего, однако при этом отсутствует оценочность, утерян национально-исторический колорит лексемы *юдоль*, не актуализируются сема «жизненный путь» (в науке – Л.Б.) с его заботами и трудностями.

6. Привлекательным (в этом старике – Л.Б.) оказывалось все: брезгливость, суховатость, резкость, **блатной аристократизм...** (Битов, с.32) // Anziehend war alles an ihm: seine Heikligkeit, die Kühle, die Schrofheit, **seine lagererfahrene Aristokratie...** (Bitow, S. 40).

Словосочетание *блатной аристократизм* в тексте оригинала в данном контекстном употреблении теряет присущую прилагательному *блатной* сему «преступный», так как речь идет о человеке, защищавшем Родину во всех войнах, а в промежутках между ними он был по навету репрессирован и сидел в лагерях, но никогда не был преступником и не утерял своей аристократической сущности. Элиминирование данной лакуны в тексте перевода лексемой *lagererfahrene Aristokratie* не отражает всех сем русскоязычного варианта, не включает в себя информации о присутствии в лагере как преступных элементов, так и политзаключенных аристократического происхождения, на манере поведения которых не могло не отразиться пребывание в лагерях, в которых содержались и преступники.

7. Однако во всех версиях (касающихся смерти Модеста Одоевцева – Л.Б.) при полной противоречивости, **наблюдается общий словесный ряд:** принудительное лечение, побег, Сыр-Яга (она же Вой-Вож и Княж-Погост), **опека (кто-то раз оговорился – «упека»)** и смерть....Сами Одоевцевы знают больше, но ни с кем не делятся. **Слово «опека» исключено из их лексикона.** (Битов, с. 100). // Allerdings haben alle Versionen, trotz absoluter Widersprüchlichkeit, **eine bestimmte Wörterreihe**

gemeinsam: Zwangsbehandlung, Flucht, Syr-Jaga (bzw. Woi-Wosch bzw. Knjasch-Pogost), **Vormundschaft** und Tod.... Die Odojewzews wissen mehr, halten aber hinterm Berg damit. **Das Wort «Vormundschaft» ist aus ihrem Wortschatz verbannt** (Bitow, S. 121-122).

В анализируемом примере *upeka* отсутствует в тексте перевода, поскольку переводчик затрудняется элиминировать данную лакуну: опека над репрессированным дедом-ученым, похожая на упеку (упечь кого-либо на каторгу) и завершившаяся смертью. В результате это слово исключено из лексикона семьи. В тексте перевода используется лексема *verbannt* с ярко выраженной коннотативной оценочностью (*verbanen* – «изгонять»).

В результате проведенного анализа можно сделать вывод, что при переводе инокультурного текста переводчик стремится элиминировать лакуны, прибегая к различным способам элиминирования. Анализ показывает, что в большинстве случаев устранение лакун в художественном дискурсе обнаруживает существенную асимметрию в семантическом плане, синтаксической организации и прагматическом потенциале. В результате этого в определенной степени утрачивается национальная специфика значения лексических единиц исходной культуры, репрезентированной в тексте оригинала.

Литература

1. Битов А.Г. Пушкинский дом. – М.: Вагриус, 2007. // Bitow Andrej. Das Puschkinhaus. Deutsch von Rosemarie Tietze. Suhrkamp Verlag Frankfurt am Main. – 2007.
2. Бороздина И.С. Лингво-когнитивное моделирование пространственных отношений и объектов: экспериментальное исследование. – Курск, 2011.
3. Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002.
4. Лунькова Л.Н.. Свойства лакунарности текста перевода // Вестник РУДН. Серия Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2010. – № 4. – С. 65- 71.
5. Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. – Москва «Наука», 1986.
6. Попова З.Д., Стернин И.А.. Семантико-когнитивный анализ языка. – Воронеж: изд-во «Истоки», 2007.
7. Попова З.Д., Стернин И.А.. Язык и национальная картина мира. – Изд. 3., перераб. и доп. – Воронеж: « Истоки», 2007.
8. Стернин И.А., Рудакова А.В. Словарные дефиниции и семантический анализ. – Воронеж: « Истоки», 2017.

Дурдыева С.С., Козельская Н.А.

Обращения в поэме «Руслан и Людмила» в аспекте перевода на туркменский язык

Аннотация: В статье анализируются особенности перевода обращений в поэме А.С. Пушкина «Руслан и Людмила» на туркменский язык. Выявляются смысловые, эмотивные и стилистические потери, вызванные лингвокультурной спецификой текста.

Ключевые слова: обращение, перевод, лингвокультурная специфика, туркменский язык.

Abstract: The paper analyzes the peculiarities of translating the addresses in A.S. Pushkin's poem "Ruslan and Lyudmila" into the Turkmen language. Semantic, emotive and stylistic losses caused by the linguistic and cultural specifics of the text are revealed.

Key words: address, translation, linguistic and cultural specifics, Turkmen language.

Перевод поэтического текста XIX в., насыщенного национальными, историческими и этнокультурными элементами является трудной задачей для переводчика, особенно когда речь идет о переводе с русского языка на туркменский, так как это типологически разные языки, которые имеют абсолютно разный культурный фон. Поэма А.С.Пушкина «Руслан и Людмила» относится к тем поэтическим произведениям, которые обладают ярким национально-культурным характером, в нем «русским духом» пронизана буквально каждая строчка. Вместе с тем это новаторская поэма, в которой начал складываться поэтический стиль А.С.Пушкина, оформились принципы его авторской позиции в тексте, одним из важнейших средств выражения которой стал диалог с читателем (Тарасова 2007, с.5). С этой точки зрения нас заинтересовала роль обращений в поэтическом тексте А.С.Пушкина.

Конструкции с обращением привлекали и привлекают внимание исследователей своеобразием своей структуры, коммуникативными возможностями и стилистической эффективностью. Ориентация на воспринимающее лицо, воплощенная в системе средств адресованности, определяет такую существенную особенность текста, как коммуникативная направленность.

Цель нашего исследования – описать семантику и функции обращений в поэме А.С.Пушкина «Руслан и Людмила» в аспекте перевода на туркменский язык.

Тематический анализ показал, что все обращения в поэме можно распределить на две большие группы: обращения автора (А.С.Пушкина) и обращения действующих лиц друг к другу. Среди обращений автора выделяются несколько подгрупп: обращения поэта к читателям; поэта к Руслану; поэта к современникам (*Орловский* (художник-баталист), *северный Орфей* (Жуковский), *рыцари парнасских гор*); поэта к мифологическим персонажам (*Зоил*, *Климена*); поэта к не лицам (*дружба*, *сны крылаты*, *стихи мои*).

С функциональной точки зрения в поэме используются обращения-антропонимы (*Руслан, Людмила, Наина, Черномор*); обращения-индексы, под которыми понимаются любые обращения к человеку, обозначающие его звание, должность, род занятий и под. (*витязь, князь, колдун, чародей, хан, наездник, невольники, пастух, путник*); обращения-регулятивы, характеризующиеся социально-ситуационной ограниченностью, которая позволяет отразить в том числе отношение говорящего к адресату (*друг, сын, отец* (не к родственникам), *герой, трус, беглец, ревнивец, несчастный, недостойный, презренный, завистник, хищник, девичий вор*). Особое место среди регулятивов в тексте поэмы занимает обращение *друг*. Пушкин так чаще всего называет своих читателей (и читательниц), так обращаются друг к другу и герои поэмы. Это слово задает очень важную дружескую, теплую тональность общения в произведении и отражает, на наш взгляд, не просто форму бытового общения молодых представителей светского общества того времени, но и известную приверженность поэта идеалам дружбы в человеческой жизни.

Отличительной особенностью обращений в поэме является также их неавтономность, т.е. использование обращений с примыкающими к ним прилагательными: *Руслан несчастный, верный друг, беглец бесчестный, друг бесценный, завистник злобный, витязь неразумный, коварный чародей, путник молодой, товарищ милый*. При помощи прилагательных уточняется характеристика персонажа, передается отношение автора к героям, что придает дополнительную экспрессию повествованию, положительную или отрицательную коннотацию. Пушкин не просто рассказывает о приключениях героев, он живо сочувствует испытаниям, выпавшим на долю Руслана и Людмилы, посмеивается над трусостью Фарлафа, искренне радуется торжеству Руслана над Черномором.

Приведенные выше обращения достаточно полно и точно передаются в туркменском переводе поэмы. Вместе с тем в переводном тексте есть и определенные потери, связанные с лингвокультурной спецификой текста. Рассмотрим их.

Главного персонажа произведения, Руслана, в поэме называют *витязем, героем, рыцарем*. По Далю *витязь* – это «храбрый и удатливый воин, доблестный ратник, герой, воитель, рыцарь, богатырь». С.А.Кузнецов (БТС) характеризует это слово как традиционно-поэтическое со значением «храбрый воин; богатырь». В словаре Т.Ф. Ефремовой дано такое определение: «храбрый, доблестный воин (на Руси IX-XIII вв.)». Из контекстов ясно, что Пушкин употребляет данное слово, прежде всего, в значении «храбрый воин из дружины князя». Руслана называют также *рыцарем* в этом же значении. В МАСе отмечается, что «рыцарь был прежде всего воин, победитель». *Витязь* может быть *героем*, т.е. человеком совершающим подвиги, проявляющим мужество, самоотверженность, и *богатырем*, т.е. воином, отличающимся силой,

удалью мужеством смекалкой (по словарю БТС). Важно, что Пушкин не называет Руслана богатырем или воином, слово *витязь* стилистически окрашено как народно-поэтическое и соотносено с представлением о Киевской Руси, в которой и происходит действие поэмы. В туркменском переводе *витязь* чаще всего обозначается лексемой *pälwan*, в семантике которой на первый план выходит значение наличия необыкновенной силы и которая толкуется в словаре лексемами *богатырь, борец, исполин, гигант, титан, силач* (ТРС 1968, с.542). Есть примеры синонимичного употребления слов *pälwan* (витязь) и *gahryman* (герой):

«*Ты вразумил меня, герой!*», / *Со вздохом голова сказала....* В переводе:
Kelle bir ah tartyp diýdi: «Pälwan (витязь) *sen Bagyşlagyn, seniň üstüňden güldüm»...*

Вместе с тем есть и примеры учета разницы в семантике лексем: *Гремит: «Ай, витязь! ай, герой!»* Ср.: «*Pälwana* (витязь) *bak, haluň nicik, gahryman* (герой)»!

Лексема *рыцарь*, которая в словаре представлена транслитерацией, в тексте передается сочетанием: *молодой герой: «О рыцарь, сжалься надо мной – Еу, gahryman* (герой) *yigit* (молодой человек) *rehim et maýa*. Но если смысл слова не прямой, а переносный, то переводчик пользуется лексемой *pälwan*: *Вы, рыцари парнасских гор... – Parnas doglarynuň pälwanlary, siz...* Таким образом, главный герой представляется туркменскому читателю прежде всего человеком, наделенным необыкновенной силой – богатырем.

Одну из ключевых стилистических особенностей текста поэмы представляют обращения Пушкина к читателю. Поэт находится в постоянном диалоге с читателем: соперничает ему, советуется, подшучивает над ним, делится своим жизненным опытом (как в Песне третьей). В связи с этим обращения к читателю приобретают особое значение: они определяют доверительную тональность разговора поэта с читателем. Приведем примеры обращений к читателю: *друзья мои* (5 раз), *друг мой милый, мой читатель, добрый мой читатель, читатель, о друзья, други* (устар.); к читательнице: *друг мой милый, милая подруга, души моей царицы, красавицы*. В тексте перевода часть обращений опущена или дана без определения, что ослабляет задушевную окраску общения. Так, в сочетаниях *добрый мой читатель, друг мой милый* выделенные прилагательные не переведены, например: *Ты угадаешь, друг мой милый!* – пер. *Sen özüňem, dostym* (друг мой), *edensiňle çak!*

Важной особенностью словоупотребления автора является также частотное использование притяжательного местоимения *мой*. В русском языке препозиция данного местоимения в сочетании с существительным подчеркивает принадлежность: *мой рассказ, мой читатель* и т.п. Притяжательное местоимение «мой» в обращении указывает на то, что

адресат включается в личную сферу говорящего, в которую входит все, что ему близко (Апресян 1986, с. 28). В поэме это обращения: *мой сын* (не к сыну), *мой отец* (не к отцу), *мой друг*, *мой милый*, *мой конь ретивый*, *мой верный меч*. Здесь существительные являются характеризующей номинацией адресата. В туркменском языке притяжательность выражается аффиксами принадлежности и родительным падежом личных местоимений (Грунина 2005, с.36). Сочетание местоим.+сущ. обычно подчеркивает принадлежность и в этом случае соответствует модели русского языка. Однако в тексте поэмы есть также немало сочетаний с постпозицией местоимения «мой»: *сын мой*, *друг мой*, *друзья мои*, *витязь мой*, *души моей супруга*, *отец мой*, *завистник злобный мой*, *стихи мои*. Такого рода обращения несут модификацию смысла, развивая качественно-оценочное значение: *мой* – тот, кому ты сочувствуешь, кого ты уважаешь, любишь или тот, кто тебя ненавидит. В туркменском переводе этот семантический оттенок в одних случаях передается в традиционном и для этого языка обращении к неродственникам с использованием терминов родства, сравним: «*Не спится что-то, мой отец!*» – «*Hiç ukum tutanok, **meniň** ata (мой отец) jan!*», но непоследовательно: переводчик то опускает указатель принадлежности (7 случаев): «*Отец мой, не оставь меня*». – «*Meni unutma, **ata** (отец)!*», то пользуется формой с аффиксом: «*Друзья мои, Вы все слышали...*» – «*Dostlarym, hemmäňiz eşidensiňiz...*». Очевидно, что здесь происходит стилистическая потеря, особенно заметная в тех случаях, когда это относится к обращениям поэта к читателю и к своим героям, в которых идет диалог с читателем как с близким человеком и проявляется живое сочувствие автора героям.

Отметим также специфику передачи в туркменском переводе обращений к лицам женского пола. В русском тексте обращения и к мужчинам, и к женщинам во многом сходны: *друг мой милый* (Пушкин к читателю), *мой друг бесценный* (Руслан Людмиле), *товарищ милый* (Ратмир Руслану), *милый друг* (Людмила Руслану). Такие формулы по-русски передают очень теплые, нежные отношения между людьми, не подчеркивая их любовный характер в случае с женщинами. Переводчик в обращении к женщине употребляет особый оборот туркменского языка *моя половина* или слова и выражения, обозначающие отношения любви: *моя любовь*, *возлюбленная*. Подобные выражения используются и тогда, когда в тексте оригинала речь идет именно о любви: «*Приди в объятия мои / О милый, милый! Умираю...*» (Наина старику) – пер. «*Gel, **söýgüli** (милый) ýarym (половина), gujagyma dol...*» Сравним такое же туркменское обращение на месте русского с лексемой *друг*: «*Вдруг слышит – кличут: «Милый друг»* (Людмиле сообщают о появлении Руслана) – пер. «*Birdenkä ses gelýär: «Eý, **söýgüli ýar**» (милая половина).*

Переводчик в ряде случаев усиливает смысл оригинального текста, как бы проясняя его для своего читателя. Так, например, Рогдай говорит: «Погибни, *трус!* умри!» – в переводе «*Öl, binamys* (глупый) *gorkak!* (трус) *Altumuñu al!*» Или: «Погибни! – грозно восклицает; Умри, *завистник злобный мой!*» в переводе : *Gahar bilen diýyür:* «Еу, *ganym* (злодей), *güm bol* (уйди)! *Var, rehimsiz* (беспощадный) *görüþ* (завистник), *gark bolda* (утони) *öl* (умри)!»

Еще примеры смыслового усиления: рус. *беглец бесчестный* – туркм. *трус бесчестный*; рус. *ревнивец* – туркм. *злодей ревнивец*; рус. *пустая голова* – туркм. *тупая голова*.

Отметим случай замены переводчиком слова без особой национальной окрашенности словом с яркой местной спецификой, фактически реалией: в обращении Фарлафа: «*Повеселись, мой конь ретивый!*» в переводе дано: *конь бедуинский*. Известно, что лошадь для туркмен священное животное. А лошади бедуинов ценятся не только за такие физические данные, как выносливость и резвость, но и за «человеческие» качества: привязанность к хозяину, понятливость, послушание, благородство. Таким образом, переводчик в этом случае усиливает первоначальный смысл, обращаясь к тому, что близко его читателям.

Конечно, наиболее трудным является передача культурно-маркированных элементов, информативная ценность которых так или иначе страдает при переводе. Так, в «Руслане и Людмиле» имя персонажа древнегреческой мифологии передается транслитерацией Орфей (*Orfeýi*) и только. А для понимания поэтики данного произведения важно не только то, что Орфей символизирует певца и музыканта. В поэме «Руслан и Людмила» Северным Орфеем А.С. Пушкин называет своего любимого поэта В.А. Жуковского. Автор признается В. А.Жуковскому, что не мог не поддаться влиянию его стиля («...в повести моей забавной теперь вослед тебе лечу»), используя в своем произведении сюжет из его «Двенадцати спящих дев». Более того, этот сюжет переосмыслиется Пушкиным, он иронически снижает возвышенную романтику средневековья, добавляя земной эротики.

Также буквально, причем даже не путем транслитерации, а с помощью синонимической замены переведено обращение-перифраза: *Вы, рыцари парнасских гор...* – *Parnas* (парнасских) *daglarynyñ* (гор) *pälwanlary* (герои), *siz...* Словом *geroi* (вместо рыцари) нельзя передать даже часть стоящей за этим информации о том, что те поэты, которые ломают копья в литературной и языковой борьбе старого и нового, возбуждают общество пустословием, вызывают у Пушкина ироническое отношение.

Таким образом, анализ перевода обращений из поэмы «Руслан и Людмила» на туркменский язык показал, что их перевод в целом эквивалентен, но при передаче ряда обращений с яркой лингвистической спецификой (постпозиция местоимения *мой*), лингвокультурной

спецификой (номинации героя, адресатов в лирических отступлениях) и гендерными особенностями наблюдаются известные сдвиги в сторону стилистического ослабления/усиления и нейтрализации экспрессии и оценки, определенных оттенков смыслов. Такие потери неизбежны, поскольку обращение как одна из разновидностей культуры является носителем определенной картины мира. Но главное, что в поэме Пушкина «Руслан и Людмила» обращение является важным текстообразующим средством, транслирующим голос автора, его позицию, отношение к своим героям, происходящим с ними событиям и в целом его восприятие мира.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28. – М.: ВИНТИ, 1986. – С. 5-33.
2. Грунина Э.А. Туркменский язык: Учебное пособие. – М.: Восточная литература, 2005.
3. Тарасова Л.В. Поэма "Руслан и Людмила" как выражение авторской позиции А.С. Пушкина в контексте русской литературной традиции конца XVIII - первой четверти XIX веков: автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2007.

Использованные словари

1. БТС – Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка – СПб.: Норинт, 2000.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – Т. 1. – М.: Олма-Пресс, 2002.
3. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: В 3 т. – М.: АСТ, Астрель, Харвест, 2006.
4. МАС – Словарь русского языка: в 4 т. – М.: Русский язык, 1981–1984.
5. ТРС – Туркменско-русский словарь / под общ. ред. Н. А. Баскакова. – М.: Сов. энциклопедия, 1968.

Содержание

Раздел 1.

Вопросы теории сопоставительных исследований

- Стернина М.А.** (*Воронеж*) Контрастивный и сопоставительный анализ национальной специфики семантики: две стороны одного процесса 3
- Колтакова С.В.** (*Воронеж*) К вопросу об аспектном анализе профессиональных подъязыков 8
- Артёмова О.А.** (*Минск, республика Беларусь*) Межъязыковая дейктическая эквивалентность и ее типы 12

Раздел 2. Сопоставительная семасиология

- Бабушкин А.П.** (*Воронеж*) «Анатомическая карта» человека в русских и английских метафорических репрезентациях (сопоставительный аспект) 17
- Ермаков С.А.** (*Воронеж*) Сопоставление МинТеМ-лексики произведений русских авторов первой четверти XX и XXI веков 24
- Калинин С.С.** (*Пермь*) Специфика механизмов заимствования лексики в палеоазиатских языках: сопоставительное исследование (на материале лексемы со значением 'кошка') 29
- Козельская Н.А., Пирджикова Г.Д.** (*Воронеж*) Контрастивная ценность фразеологизмов с именем первостихии *земля* в русском языке на фоне туркменского 33
- Козявина Е.П.** (*Воронеж*) Реальные и потенциальные семемы в номинациях насекомых в русском языке 39
- Лукина Л.В.** (*Воронеж*) Коннотативные и функциональные компоненты значения при описании национальной специфики семантики слова (на материале английского и русского языков) 44
- Малыхина Н.И.** (*Воронеж*) Лексикографические и актуальные семантемы английских глагольных лексем 49
- Меркулова И.А.** (*Воронеж*) Соматизмы в лексических ядрах славянских языков в сопоставительном аспекте 53
- Неровная Н.А.** (*Воронеж*) Контрастивный анализ лексемы «воин» в русском и английском языках 58
- Пороткова Н.А.** (*Воронеж*) Использование сопоставительно-параметрического метода для рассмотрения семантического развития эквивалентных лексем 63
- Селезнева К.О.** (*Краснодар*) *Образованный человек и Образованные люди: сопоставительный аспект* 68

Федосова В.И. (*Воронеж*) Национальная специфика наименований группы лиц, восходящих к общему предку, в русском и английском языках 76

Раздел 3.

Сопоставительные исследования национальных концептосфер и коммуникативного поведения

Дьяконова Е.А. (*Москва*) К вопросу о внутриязыковой и межъязыковой лингвокогнитивной асимметрии (на материале русского и английского языков) 84

Камбаралиева У.Дж., Кулжабаева А.Ж. (*г. Бишкек, Кыргызская Республика*) Понятие нормы в русской и киргизской коммуникативных культурах 88

Раздел 4.

Сопоставительные исследования в психолингвистике

Акованцева Н.В. (*Воронеж*) Сопоставительный анализ психолингвистических значений слов «отдых» и «море» 93

Барбушка И.А., Кривенко Л.А. (*Воронеж*) Специфика актуализации лексем *столица* и *capital* в языковом сознании искусственных билингов 96

Утицких Д.В. (*Воронеж*) Национальная специфика семантико-когнитивной организации ассоциативных полей ВРЕМЯ – TIME 104

Раздел 5. Сопоставительные исследования текста

Гавриш О.А. (*Воронеж*) Сопоставительный анализ употребления инициальных аббревиатур в текстах региональных и федеральных СМИ 111

Дмитриенко Е.В. (*Новосибирск*) Комбинаторные девиации в полилингвальном учебном дискурсе 117

Дьякова Е.Ю. (*Воронеж*) Сопоставительный анализ языковых стратегий социальной рекламы и социального брендинга 120

Подтележникова Е.Н. (*Воронеж*) Сопоставительный анализ осязательно-слуховых синестезий в прозе Т. Пратчетта 125

Попова Л.Г., Свидерская Э.В. (*Москва*) Специфика вербального оформления английской и русской образовательной рекламы 128

Шилихина К.М. (*Воронеж*) Метадискурс в различных режимах коммуникации: сопоставительный анализ корпусных данных 131

Раздел 6. Сопоставительные исследования в области грамматики

Картавец В.Н. (*Воронеж*) Реципрок *VS* социатив в английском языке: внутриязыковое сопоставление 137

Орлова Т.С. (*Санкт-Петербург*) Сопоставление способов выражения числа существительных в английском языке: исторические, этимологические и грамматические факторы 141

Раздел 7. Сопоставительные исследования и перевод

Борисова Л.М. (*Воронеж*) Перевод лакун, репрезентирующих национально-культурную специфику в художественном дискурсе 145

Дурдыева С.С., Козельская Н.А. (*Воронеж*) Обращения в поэме «Руслан и Людмила» в аспекте перевода на туркменский язык 150

Содержание 156

ИЗДАТЕЛЬСТВО «РИТМ»

Подписано в печать 29.01.2025. Формат 60x84 1/16 Бумага офсетная Ballet.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,2 Тираж 300 экз. Заказ № 299

Текст и иллюстрации предоставлены авторами.

Текст печатается в авторской редакции.

115419, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Донской
ул. Шаболовка, д. 34, стр. 2, помещ. 1, ком. 14

Отпечатано в типографии ООО «РИТМ»